

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК КУЛЬТУРА ПЕРЕВОД

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Магадан, 30 сентября 2019 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ

Красноярск, 2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО ВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЯЗЫК
КУЛЬТУРА
ПЕРЕВОД

*Сборник материалов
IV Международной научной конференции*

г. Магадан, 30 сентября 2019 г.

*к 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора
Романа Романовича Чайковского*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ

Красноярск, 2019

УДК 811.15(08)

ББК 81.2

Я41

Председатель оргкомитета:

Корсун Роман Петрович, кандидат педагогических наук, доцент,
ректор Северо-Восточного государственного университета.

Я41 Язык. Культура. Перевод: сборник материалов IV Международной научной конференции (г. Магадан, 30 сентября 2019 г.). / Сев.-Вост. гос. ун-т ; [оргком.: Р.П. Корсун (пред.) и др.]. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. – 388 с.

ISBN 978-5-907208-21-6

doi:10.12731/978-5-907208-21-6

В сборнике опубликованы материалы состоявшейся 30 сентября 2019 года в Северо-Восточном государственном университете IV Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Перевод», посвящённой 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Романа Романовича Чайковского. Научные доклады авторов отражают актуальные проблемы изучения взаимосвязи развития языка, культуры, перевода и коммуникации в рамках современной парадигмы исследований в свете междисциплинарных методических подходов к традиционным и современным проблемам филологического знания.

УДК 811.15(08)

ББК 81.2

ISBN 978-5-907208-21-6

© Коллектив авторов, 2019

© Северо-Восточный

государственный университет, 2019

© Научно-инновационный центр, 2019

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА

Председатель оргкомитета:

Корсун Роман Петрович, кандидат педагогических наук, доцент, ректор Северо-Восточного государственного университета.

Сопредседатели:

Леонова Ольга Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе СВГУ,

Нарбут Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, проректор по развитию международной деятельности.

Заместитель председателя:

Крашенинников Андрей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии.

Секретариат

Ученый секретарь:

Шлангман Марина Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии.

Технический секретарь:

Окружко Юлия Евгеньевна, заведующая кабинетом иностранных языков кафедры зарубежной филологии.

Члены оргкомитета

Арустамян Карине Смбаговна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Ванадзорского государственного университета им. О. Туманяна (Ванадзор, Республика Армения);

Вей Хэйши, директор Центра изучения иностранных языков Хэйлунцзянского института иностранных языков (Харбин, КНР);

Гусейнова Иннара Алиевна, доктор филологических наук, доцент, проректор по проектной деятельности и молодёжной политике Московского государственного лингвистического университета;

Крашенинников Евгений Евгеньевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института системных проектов Московского городского педагогического университета;

Мусабекова Улжан Есеновна, доктор философских наук, доцент, директор Ресурсного центра полиязычного образования Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Прошина Зоя Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Соловьёв Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина;

Цветков Юрий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы Ивановского государственного университета;

Магерарова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии и журналистики;

Соколянский Александр Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики;

Сычёва Анастасия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии

Шерстнева Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии;

Судаков Андрей Владимирович, начальник учебно-научного центра информационных технологий.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Шерстнёва Е. С. РЕЦЕПЦИЯ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ....	7
Крашенинников А. Е., Гарипов А. А. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ЛИРИКИ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА.....	14
Арустамян К. С. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦВЕТОИМЕНА «ОРАНЖЕВЫЙ» В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	23
Федоров В. В. КРОССКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	36
Ли Хайся. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ).....	45
Нарбут Е. В., Кульшан Е. Д. ОСОБЕННОСТИ КРЕОЛИЗАЦИИ ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ КОМИКСОВ “MAUS: DIE GESCHICHTE EINES ÜBERLEBENDEN“ А. ШПИГЕЛЬМАНА И “ENDSTATION GULAG” Г. МУМИНУ.....	53

ДОКЛАДЫ

Акиба Дайсукэ, Пономарчук С. Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....	68
Бурдина А. Г., Герасименко И. В. СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОСТОРЕЧИЙ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА “THE PICKWICK PAPERS” («ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»).....	76
Волкова Ю. Б. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. СНИКЕТА “A SERIES OF UNFORTUNATE EVENTS” («33 НЕСЧАСТЬЯ»).....	84
Герасименко И. В., Харахорина А. А. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛАХ РОМАНОВ С. ГИББОНС «НЕУЮТНАЯ ФЕРМА» И ДЖ. ТУЛ «СГОВОР ОСТОЛОПОВ»).....	92
Евтушенко В. Б. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ)....	102
Жирова И. Г. РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА.....	109
Капаева А. Е. РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БАКАЛАВРОВ.....	120

Карева Л. А., Баюкова С. Д. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	131
Касымбекова А. А. ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕДАЧИ РОМАНА «ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАЙЛЗЕ» НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ).....	139
Ковынева Е. А. АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭЗИИ Э. М. РЕМАРКА.....	150
Крашенинников Е. Е. РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ.....	156
Крылов А. С. ЭВФЕМИЯ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	167
Кудзоева А. Ф., Чехов С. А. К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК.....	177
Лысенкова Е. Л. Р. Р. ЧАЙКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК И ПЕРЕВОДОВЕД.....	184
Меликсетян Л. С. ПОЧЕМУ ВЕРЛИБР? О ПЕРЕВОДАХ СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ.....	194
Мусабекова У. Е. ПРОЦЕССЫ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ ТОПООБЪЕКТОВ КАЗАХСТАНА: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	203
Нарбут Е. В., Михалева В. В. ПОДКАСТ КАК АКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.....	210
Нарбут Е. В., Титова А. М. К ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	219
Ощепкова В. В., Соловьева Н. В. МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ В КЕЛЬТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ.....	229
Перегорода М. С., Сычёва А. В. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОВ ПОД ДУБЛЯЖ.....	240
Пинковский В. И. ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА «НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО» В ПЕРЕВОДЕ Э. П. МЕЩЕРСКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК.....	246
Полещук В. В. ИМЕННЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧИ ГЕРОЕВ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА ХАЯО МИЯДЗАКИ “千と千尋の神隠” («УНЕСЁННЫЕ ПРИЗРАКАМИ»).....	253
Полещук В. В., Пахомова С. С. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ БРЕНДОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК.....	265
Рудомётова Л. Т. ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ.....	275
Семенов А. И., Дворянова А. А. ДВЕ СЛАВЫ.....	283
Скибицкая Л. В. ДИСКУРС МИНИМАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.....	290

Скле́йнис Г. А. КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВА В ВЫРАЖЕНИИ ПОЗИЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ».....	299
Соловьёв А. В. ЯЗЫК И СИМВОЛ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: «ТУРБУЛЕНТНОСТЬ» СМЫСЛОВ.....	307
Сущик А. А. НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА.....	315
Филиппова И. Н. К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	325
Цветков Ю. Л., Урсова Н. А. ЭКСПЛИКАЦИЯ "ТОТАЛЬНОГО ЭФФЕКТА" В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭДГАРА ПО «ВОРОН».....	336
Цепелева А. Н. ВИДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	347
Шлангман М. К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ.....	355
Шумкова А. С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА "ТРИЗ" ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ.....	363
Schneider F. G. ZUR INTERKULTURELLEN AUSBILDUNG IM VERBUND MIT DEM STUDIUM FUNDAMENTALE (STUDIUMGENERALE) AN DER HOCHSCHULE ZITTAU/GÖRLITZ.....	371
Schneider Th. F. «EIN FLAUES GEFÜHL IM MAGEN» ZUM ENDE DES ERSTEN WELTKRIEGES 1918 UND DER WESTLICHEN ERINNERUNGSKULTUR.....	378

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

РЕЦЕПЦИЯ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шерстнева Екатерина Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.1

Аннотация: в статье рассматривается вариативность рецепции перепереводов художественной литературы, некоторые факторы внутреннего и внешнего плана, опосредующие восприятие переводов читательской аудиторией. В процессе исследования автор также выделяет и описывает два типа повторных переводов, замещающих уже существующий перевод.

Ключевые слова: повторный перевод, рецепция переводов, издательство, соревнование переводчиков, популяризация перевода, более полный перевод.

Новые перепереводы известных классических и современных художественных произведений достаточно регулярно появляются на книжном рынке России и США. Эти новые переводы могут быть совершенно противоположно восприняты как читающей публикой, так и исследователями-переводоведами. Два крайних варианта рецепции нового художественного перевода это а) автоматическое возведение его в превосходный ранг по сравнению с существующими переводами, и канонизированным переводом в том числе; б) полное недоверие переводчику, критика его компетентности и, соответственно, полное отрицание самого нового перевода. Помимо обозначенных выше вариантов существует также множество переходных и комбинированных вариаций, на которые влияют вопросы вкуса, стилистических предпочтений, расовая, возрастная и гендерная идентификация, а также политические, классовые и религиозные моменты. Не стоит забывать также об индивидуальном восприятии каждого читателя – то, что для одного глубоко и экспрессивно, для другого может быть скучно и монотонно.

Обозначенное положение вещей не вызывает удивления, поскольку перевод это уже не оригинал и однозначности в его воссоздании и восприятии не может быть априори. Так, американский переводчик Грегори Рабасса говорил, что, когда он перечитывал свои переводные версии на испанском и португальском, он в уме переписывал их на том уровне английского, которому они соответствовали. Для Г. Рабасса в идеальном переводчике неразрывно переплетаются два начала: скрупулёзный, заинтересованный читатель и творческий писатель. Следует отметить, что в отношении переводчиков к новым переводам также нет однозначности. В книге Е. Калашниковой «По-русски с любовью», содержащей интервью с современными отечественными переводчиками, мы встречаем различные мысли интервьюируемых по поводу появления новых и сосуществования нескольких переводных версий произведения. Е. Витковский, например, считает излишним появление новых переводов при наличии большого количества переводных версий того или иного художественного произведения [Калашникова, 2008: 125]. И. Кузнецова, в свою очередь, разделяет точку зрения Е. Витковского, полагая, что «пере-переводить» романы не стоит по причине того, что из двух переводов переиздаваться будет только тот перевод, который окажется «в подходящий момент на столе издателя», а другой «наверняка сгинет» [там же: 293]. Из замечания Е. Кузнецовой ясно прослеживается проблема необходимости совершенствования слабо отработанной системы отбора переводных произведений для печати, а также заостряется вопрос особенностей продвижения того или иного перевода издательством, о которых мы скажем немного позже. Еще один респондент, А. Нестеров, выступает в поддержку появления новых переводных версий художественного произведения, отмечая, что первый перевод «знакомит публику с книгой». Далее переводчик совершенно справедливо замечает, что потом первый перевод «становится тем камертоном, по которому определяется дальнейшая настройка – не только для читателя, но и для переводчика». По мнению А.

Нестерова, перевод – это «другой угол зрения, и там, где книга стоит того, чтобы увидеть в ней еще и еще что-то, появление второго, третьего перевода глубоко оправданно» [там же: 381]. Сравнивая первый перевод с камертоном, А. Нестеров очень точно обозначает одно из основных препятствий, которые зачастую стоят на пути второго и последующих переводов художественного произведения – любое отклонение от архитектоники, ритма и тональности перевода-открытия будет проходить строгий литературоведческий, читательский/потребительский контроль, обязательно производимый с оглядкой на «перевод-эталон». Следует добавить также, что явление переводной множественности, по мнению очень многих респондентов Е. Калашниковой, представляет весьма большие возможности для критики и соперничества [там же: 51, 92].

Продолжая рассмотрение рецепции повторных переводов, следует сказать о тех случаях, когда переводчики, чаще всего новички в профессии, решают, что они настолько хорошо поняли автора, что не сомневаются в том, что их новые версии перевода превосходят предыдущие работы их коллег. Разумеется, одно – это признать, насколько блестящ тот или иной автор и попытаться это показать через свой перевод, и совершенно другое – заявить, что именно твоя переводная версия лучшая, а все остальные переводы являются негодными. Позиционирование своих переводов в подобной манере неуместно и непрофессионально. Как показывает практика некоторые новые переводные версии, которые по каким-либо причинам получают статус превосходящих прежние переводы, со временем становятся объектом критического анализа и в связи с меняющейся лингвокультурной средой и возникновением новых объективных факторов их рецепции приобретают в глазах переводоведов и читателей те черты, которые делают их достаточно далеко отстоящими от эталона, которым является оригинал.

Еще одним фактором прославления того или иного нового перевода по индивидуальным причинам можно назвать активную работу издательства. Разумеется, профессия издателя сложна и многогранна. С одной стороны,

ему нужно предложить читательской аудитории максимально качественный перевод автора, но с другой стороны ему нужно продать свой товар, иначе его труд нерентабелен. Бывает так, что для издательства вопросы финансового характера намного важнее, чем вопросы этики, а также соблюдение требования верности оригиналу. Если издатель понимает, что языковое оформление перевода, которое предложено в новой версии может оттолкнуть читателя, пусть даже оно максимально точно и адекватно воссоздает параметры оригинала, оно будет изменено в угоду современному читателю. Далее последует активное лоббирование свежееиспечённого перевода, в результате чего у аудитории будет сформирована потребность приобрести именно тот самый «лучший» переводной вариант художественного произведения. В результате подобной издательской политики, особенно если она ведется крупными издательскими домами, не имеющими равнозначных конкурентов, у новых перепереводов создается очень благоприятная репутация, не всегда основанная на объективных фактах, за счет которой они получают одобрение среди читательской публики, в то время как другие (возможно, более качественные) переводы этих же художественных произведений, но вышедшие в некропных издательствах и существующие без активной информационной пропаганды, лишаются возможности занять соответствующее место на арене переводческих талантов.

Рассматривая обозначенный нами второй (негативный) вариант рецепции повторного перевода художественного произведения отметим, что подобная ситуация также не всегда является объективной, поскольку яркими критиками перевода могут выступать лица, не обладающие достаточным уровнем знания языка и всех особенностей переводческих трансформаций текста оригинала, производимых переводчиком для достижения максимальной близости духу и букве текста-источника. Такие критики-любители могут вырвать что-то из контекста, заикнуться на какой-либо частности и на основе этого вынести вердикт – перевод плохой. Кроме того,

читательское восприятие перевода индивидуально и переводчик не может учесть пожелания и вкусы каждого, не может «обслужить» каждого читателя. Так, к примеру, в своем интервью автор одного из нашумевших переводов романа Дж. Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» М. Немцов отмечает, что «пожелания читателей крайне индивидуальны: одному может не понравиться одно, другому – другое. Всем угодить невозможно – а главное ... переводчик и не должен «обслуживать» читателя. Главная верность переводчика – переводимому им автору» [Немцов, интервью].

В настоящее время можно наблюдать как более прогрессивные издатели пересматривают свое отношение к новым переводным версиям привычных текстов: на книжном рынке появляются новые переводы произведений Джейн Остин, Оскара Уайлда, Марселя Пруста, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Трумэна Капоте, Туве Янссон, Льюиса Кэрролла. По мнению М. Немцова, «теперь осталось «грамотной публике» пересмотреть свое отношение к «священным коровам» перевода – и осознать, что новые версии известных текстов не отменяют старых, а дополняют их, развивают их понимание, открывают в них что-то новое [Немцов, интервью].

Переводная множественность актуализируется за счет возникновения новых переводов двух типов: 1) замещающих качественные рабочие переводы новыми версиями. Это относится к произведениям таких авторов как Гомер, Сервантес, Шекспир, к священным текстам Библии и Корана, поскольку их переводы больше являются вопросами политики и маркетинга; 2) замещающие более ранние переводы, сделанных с купюрами (намеренно или нет) новыми, более полными переводными версиями. В рамках данной статьи нас более интересует второй случай переводной множественности. Хочется отметить, что обозначенный выше второй тип переперевода можно проиллюстрировать появлением последнего на данный момент англоязычного перевода романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910). Так, в переводе, выполненным британским переводчиком Робертом Вилайном в 2016 году, кроме того, что содержатся наиболее

полные комментарии к переводному тексту, имеется также предисловие, в котором переводчик проводит биографические параллели, а также обосновывает свои предложения по переводу романа. Помимо этого, в перевод Р. Вилайна включена альтернативная версия концовки произведения, которую достаточно сложно найти в других переводах. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на существование иных качественных переводных версий романа «Записки Мальте Лауридса Бригге», которые пользуются уважением и спросом у англоязычных читателей, новый повторный перевод также может быть назван полноценным заместителем оригинала в принимающей культуре и носить статус одного из позитивно воспринимаемых читательской публикой переводов, имеющего все шансы стать канонизированным англоязычным переводом вышеупомянутого романа.

Таким образом, рецепция новых переводов художественной литературы представляет собой достаточно вариативную категорию, на которую могут воздействовать как внешние так и внутренние процессы, происходящие в переводческой, издательской и потребительской сферах.

Список литературы

1. Зеленая лампа / Интервью. Авторская рубрика Афанасия Мамедова «Переводчик и не должен „обслуживать“ читателя». Интервью с Максимом Немцовым <https://www.labyrinth.ru/now/mamedov-intervyu-s-maksimom-nemtsovym/> (« дата обращения: 24.09.19 г.)
2. Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками / Е. Калашникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 608 с.
3. Guzman M. C. Gregory Rabassa's Latin American literature: a translator's visible legacy. – Lewisberg: Bucknell UP; Lanham: Rowman & Littlefield Pub. Group, 2010. – 192 p.

*NEW TRANSLATIONS RECEPTION WITHIN THE FRAMEWORK OF
LITERARY WORKS RETRANSLATION*

Ekaterina Sergeevna Sherstneva
Magadan, Russia

Annotation. Variability of the reception of literary works retranslations is viewed in the article. Some factors that influence the readers' reception of translation from the inside and from the outside are described in the article. Within the research the author singles out and characterizes two types of retranslations which replace previous translations.

Key words: retranslation, translation reception, publishing house, translators' competition, translation popularization, new extended translation

***О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ
ЛИРИКИ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА***

Крашенинников Андрей Евгеньевич
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Гарипов Арсений Алексеевич
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.2

Аннотация. В статье рассматриваются особенности творческих подходов при переводе стихотворений Г. Бенна, одного из выдающихся представителей немецкого экспрессионизма. Анализируется стихотворение «Negerbraut» из сигнатурного цикла «Morgue» и два его перевода, выполненные В. Топоровым и В. Микушевичем. Сделаны предварительные выводы об адекватности переводческих решений при переводе стихотворений данного автора.

Ключевые слова: немецкая литература, экспрессионизм, текст-донор, поэтический перевод, адекватность, творческая манера переводчика.

Немецкий экспрессионизм, возникший и расцветший в начале XX века в Германии, глубоко укоренён в лоне всей немецкой литературы и культуры. По-своему это уникальное явление. Как замечал Иван Голль (он начинал свой творческий путь как немецкий экспрессионист и лишь потом, но вполне органично проявил себя как один лидеров французского сюрреализма), в случае с экспрессионизмом речь идет не о школе, не о группе творцов, которых объединяет определенная программа и сходные принципы художественного выражения: экспрессионизм представляет собой «состояние духа, распространившееся, подобно эпидемии, на все виды интеллектуальной деятельности: не только на поэзию, но и на прозу, не только на живопись, но также на архитектуру и театр, музыку и науку, университетское образование и реформу средней школы» [цит. по: 4, с. 5].

Герберт Кюн в 1919 г. усматривал в таких формах ангажированности, нередко сохраняющих, впрочем, религиозно-мистическую окраску, логическое следствие экспрессионизма: «Экспрессионизм — в точности как и социализм — громко протестует против Материи, против интеллектуального Варварства, против Машин, против Централизации и выступает в защиту Духа, Бога, Человека в Человеке. Они занимают одну и ту же духовную позицию, исповедуют одно и то же отношение к миру, и если именуется по-разному, то это объясняется тем, что у них не одно и то же поле деятельности. Нет экспрессионизма без социализма. Не случайна для нового искусства столь сильная открытость политике» [цит. по: 4, с. 21].

Поэтому вполне понятен интерес к немецкой экспрессионистской лирике в нашей стране, возникший уже в 20-е годы XX века, неугасающий в течение многих десятилетий, а на стыке XX-XXI веков мы наблюдаем новый всплеск не только художественного, переводческого, но и научного интереса к этому литературному движению.

Это нашло и находит своё отражение, в частности, в том, что и маститые поэты, и профессиональные переводчики перекладывают экспрессионистские поэтические тексты на русский язык:

О. Мандельштам, Б. Пастернак, С. Аверинцев, М. Гаспаров, И. Алексеева, И. Ахметьев, В. Бабенко, Е. Баевская, О. Бараш, Т. Баскакова, М. Белорусец, К. Богатырёв, И. Болычев, В. Вебер, Е. Витковский, Е. Воропаев, Д. Выгодский, Р. Геринг (псевдоним: Рюрик Рок), А. Егоршев, Н. Захаревич, И. Знаменская, М. Зенкевич, А. Иконников-Галицкий, С. Городецкий, И. Калугин, М. Карп, Б. Крылов, И. Кузнецов, Ю. Куимов, В. Куприянов, Л. Левенстерн, В. Летучий, А. Луначарский, В. Микушевич, А. Науменко, В. Нейштадт, А. Николаев, Р. Нудельман, А. Прокопьев, А. Парин, Г. Петников, А. Пурин (использовал также псевдоним: А. Олин), В. Пяст (настоящая фамилия: Пестовский), Д. Раскин, Г. Ратгауз, И. Ростовцева, И. Руст, Д. Самойлов, В. Санчук, Б. Скуратов, К. Соколова, А. Солянов, С. Степанов, С. Тартаковер, О. Татарина, В. Топоров,

В. Фадеев, Н. Холодная, Т. Чурилин, А. Штейнберг, Д. Щедровицкий [6, с. 211].

Поэтому современному переводчику экспрессионистских стихотворений уже доступен значительный корпус переводных текстов (кстати, не только в печатном виде, но и в интернете). Такой корпус текстов-доноров может стать большим подспорьем в переводческой практике (о понятии «текст-донор» см.: [5]).

При этом переводчику необходимо помнить о том, что экспрессионизм, несмотря на его всемирное культурное значение, является характерным немецким явлением, не только укоренённым во всей истории немецкой литературы, но и оказывающим огромное влияние на современный литературный процесс в Германии. Также необходимо глубокое понимание самого переводимого автора не только как человека, но и как языковой личности. Мы рассмотрим это, в частности, на примере роли одного из самых известных поэтов-экспрессионистов Готфрида Бенна в литературном процессе, а также на примере перевода одного из его стихотворений на русский язык.

То, что экспрессионизм имеет тесную связь с художественными направлениями более ранних периодов немецкой литературы, ни у кого не вызывает сомнений. Уже в 1925-м году первый исследователь экспрессионизма А. Зоргель сопоставлял экспрессионизм с романтизмом и барокко [9, с. 205-206]. В свою очередь, экспрессионистская поэтика во многих своих проявлениях не могла не оказать влияние на всё последующее художественное творчество, в том числе и на лириков XXI века, к ярким представителям которых без сомнения относится Тилль Линдемманн, автор двух популярных поэтических сборников “Messer” [8] и “In stillen Nächten” [7].

М. фон Услар, на наш взгляд, очень точно определил, что наряду с классиками немецкой литературы из всей когорты экспрессионистских лириков именно Бенн оказал сильнейшее влияние на поэтику Тилля

Линдеманна [10]. А. Горков, отечественный критик творчества Тилля Линдеманна, вторит мысли М. фон Услара и отмечает, что читатель чувствует в героях Тилля Линдеманна тех поэтов, со стихами которых он вырослел и в первую очередь это Бенн, служивший в своё время прозектором. И читатель чувствует, что даже в самых маленьких стихотворениях есть эпические истории героев нашего времени, а сам Тилль Линдеманн выступает рассказчиком «современных событий катастроф жизни...» [3, с. 7-8]. Влияние Бенна особенно заметно, когда в стихотворениях Тилля Линдеманна натуралистические подробности безобразного сочетаются с глубоким чувством одиночества. Достаточно сравнить, например, стихотворение Тилля Линдеманна “Die Nure“, чтобы увидеть определённую связь с текстом Бенна “Negerbraut”.

Теперь же рассмотрим стихотворение “Negerbraut” с переводоведческой точки зрения на примере двух переводов, один из которых – «Невеста негра» – выполнен Владимиром Микушевичем [1, с. 43], а другой – «Негритянская подстилка» – Виктором Топоровым [2, с. 39].

Бенн рисует вроде бы вполне обычную для прозектора, но мрачную с элементами некоторого отвращения картину: два трупа – белой женщины и чёрного мужчины – в морге перед вскрытием:

Dann lag auf Kissen dunklen Bluts gebettet	ins Innere ihres kleinen weißen Ohrs.
der blonde Nacken einer weißen Frau.	Sie aber lag und schlief wie eine Braut:
Die Sonne wütete in ihrem Haar	am Saume ihres Glücks der ersten Liebe
und leckte ihr die hellen Schenkel lang	und wie vorm Aufbruch vieler Himmelfahrten
und kniete um die bräunlicheren Brüste,	des jungen warmen Blutes.
noch unentstellt durch Laster und Geburt.	Bis man ihr
Ein Nigger neben ihr: durch Pferdehufschlag	das Messer in die weiße Kehle senkte
Augen und Stirn zerfetzt. Der bohrte	und einen Purpurschurz aus totem Blut
zwei Zehen seines schmutzigen linken Fußes	ihr um die Hüften warf.

Эпатажность текста усиливается образом вечноживого солнца, которое, по сути, вступает в любовную игру с трупом женщины: оно бушует в её волосах (*wütete in ihrem Haar*), лижет её светлые бёдра (*leckte ihr die hellen Schenkel lang*), склоняется к её коричневатым соскам (*kniete um die bräunlicheren Brüste*). Бенн усиливает гнетущее впечатление от такой, в определённой степени, некрофильской сцены описанием лежащего рядом трупа чернокожего мужчины с размозженным от удара лошадиным копытом черепом и вылезшими из орбит глазами (*durch Pferdehufschlag Augen und Stirn zerfetzt*); два грязных пальца его левой ноги торчат в белом ухе женщины (*Der bohrte zwei Zehen seines schmutzigen linken Fußes ins Innere ihres kleinen weißen Ohrs*).

Эта картина резко сменяется возвышенной лексикой сравнения трупа женщины со спящей невестой: счастье первой любви (*am Saume ihres Glücks der ersten Liebe*), вознесения молодой горячей крови (*Aufbruch vieler Himmelfahrten des jungen warmen Blutes*).

Бенн снова производит резкую смену плана и завершает стихотворение отталкивающим в своей беспристрастности описанием начала вскрытия женского трупа, когда нож прозектора вонзается в шею и кровь красным фартуком накрывает тело (*das Messer in die weiße Kehle senkte und einen Purpurschurz aus totem Blut ihr um die Hüften warf*).

Как справляются со своей задачей переводчики? Для лучшего понимания различий между вариантами перевода, необходимо понимать, что В. Топоров и В. Микушевич — две диаметрально противоположные фигуры, хоть они и занимались одним делом. Топоров — язвительный, неуживчивый, — зачастую воспринимал перевод как личное соревнование с автором, в котором давал волю своему киническому чувству иронии. Микушевич же — мистик, философ, выступал на радио «Радонеж» и вообще уважаемый человек. Соответственно, и их манера перевода различна:

В. Микушевич:

В. Топоров:

Из тёмной крови было изголовье
для белокурого её затылка.
Вскипало солнце в светлых волосах,
скользя по белым бёдрам языком,
к соскам при этом льнуло темноватым;
не ведавшим ни родов, ни пороков.
С ней рядом негр. Его глаза и лоб
раздавлены копытом лошадиным;
два грязных пальца левой неподвижной
его ноги воткнулись в ухо к ней.
Лежала, как невеста, и спала,
как будто на краю любви счастливой
в предчувствии блаженных вознесений
горячей, юной крови.
Взрезал нож
ей белое бестрепетное горло,
и пурпур мёртвой крови опоясал
ей чресла.

...А белокурая головка белокожей
Лежала в черной луже черной крови.
Разбойничало солнце в волосах
И бедра длинно-бледные лизало —
И оседлало смуглые сосцы,
Не траченные родами и страстью.
Но черномазый — рядом с ней: копытом
Размозжено полчерепа, а пальцы
Его дерьмом заляпанной ноги
Запущены ей в розовое ухо.
...И все ж она лежала, как невеста,
Вся в пене первопрздника любви
И благовеста тысячи небесных
Соитий.
До тех пор, покуда ей
Не взрезал белой шеи острый скальпель —
И красный фартук мертвой крови скрыл
Младое лоно.

Несмотря на добросовестное следование В. Микушевичем букве оригинала, его вариант отличается чужой для Бенна патетичностью. Он сделан на профессиональном академическом уровне и работает в основном с духовным аспектом поэзии Бенна. Однако перевод Топорова, пусть и отходящий от дословного, выставляет псевдо-вульгарность автора на первый план, и острее дает понять конфликт его мировоззрения.

Начнем с названия. Дословно с немецкого «Negerbraut» переводится именно как «Невеста негра». Однако В. Топоров с невероятной прозорливостью чувствует ироничный подтекст названия. Да и мог ли иначе

молодой Бенн, сочувствующий фашистскому мировоззрению, воспринять подобный союз? Он перешагивает через мнимую внутреннюю цензуру и мнение читателя (подобно самому Бенну) и бросает тому в лицо грубое, прямолинейное отождествление. При этом В. Топоров использует мощную, яркую антитезу, противопоставляя не столько цвет кожи погибших, сколько красоту молодой девушки и кровавую грязь, на которой и замешана эта странная «свадьба». В. Микушевич в данном случае обходится гладкой метафорой.

Мы понимаем, что на примере одного стихотворения было бы некорректно делать какие-то далеко идущие выводы. Однако нами было проанализировано множество переводов В. Топорова и В. Микушевича, и в большинстве случаев ситуация оказывалась идентичной «Negerbraut». Справедливости ради стоит заметить, что время от времени В. Топоров в своем стремлении «обеннить» свои переводы излишне концентрируется на псевдо-вульгарном аспекте автора.

Поэтому без понимания генезиса немецкой литературы, в которой укоренён экспрессионизм, и внимательного отношения к творческой личности автора невозможна, на наш взгляд, адекватная рецепция экспрессионизма в русской культуре.

Список литературы

1. Бенн Г. Перед концом света, перевод В. Микушевича. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 293 с.
2. Бенн Г. Сборник стихотворений, перевод В. Топорова. – СПб.: Евразия, 1997. – 497 с.
3. Горков А. Предисловие // Линдемманн Т. В тихой ночи: лирика. – М.: Издательство «Э», 2016. – С. 4-11.
4. Ришар Л. Экспрессионизма как художественное направление // Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура.

Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / Л. Ришар; Науч. ред. и авт. послесл. В. М. Толмачёв. – М.: Республика, 2003. – С. 5-24 с.

5. Крашенинников А. Е., Нарбут Е. В. Корпус текстов-доноров в переводческой рецепции лирики немецкого экспрессионизма // Язык, культура, перевод: материалы II Междунар. Очно-заоч. науч. конф. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2013. – С.75-78.

6. Нарбут Е. В., Крашенинников А. Е. Анализ корпуса текстов-доноров при переводе лирики немецкого экспрессионизма: проблема литературной мистификации // Међународна научна конференција «Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног».06–09 марта 2015. Материјали конференције, одржане на Паневропском универзитету *Анеурон* (Бања Лука, Република Српска: електронско издање). – Бања Лука: Издање Паневропског универзитета, 2015. – С. 209-217.

7. Lindemann T. In stillen Nächten: Gedichte. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2013. – 149 S.

8. Lindemann T. Messer. – Frankfurt am Main: Eichborn, 2002. – 142 S.

9. Soergel A. Dichtung und Dichter der Zeit. Im Banne des Expressionismus. – Leipzig: Voigtlander, 1925. – XI, 895 S.

10. Uslar M. v. Ein Lyriker? Der Sänger der deutschen Band Rammstein Till Lindemann hat einen Gedichtband veröffentlicht. Ein Spaziergang mit dem Weltstar / Zeit Online, 02.10.2013. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zeit.de/2013/41/till-lindemann-rammstein-gedichte/komplettansicht> (дата обращения: 19.09.2019).

SOME PROBLEMS OF TRANSLATION RECEPTION OF GERMAN EXPRESSIONISM LYRICS

Krasheninnikov Andrey Evgenievich,
Garipov Arseniy Alekseevich
Magadan, Russia

Annotation. The article discusses the features of creative approaches in the translation of poems by G. Benn, one of the prominent representatives of German expressionism. The author analyzes the poem “Negerbraut” from the signature cycle “Morgue” and its two translations made by V. Toporov and V. Mikushevich. Preliminary conclusions are drawn on the adequacy of translation decisions when translating poems by this author.

Key words: German literature, expressionism, donor text, poetic translation, adequacy, creative manner of translator.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦВЕТОИМЕН

“ОРАНЖЕВЫЙ” В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Карине Смбатовна Арустамян
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.3

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу денотации "оранжевого" цвета в русском и армянском языках и ее лингвокультурного содержания, которое выражается в ряде хроматонимов (апельсин, абрикос, рябина и др.). В результате проведенного исследования выявлена связь семантики цветковых обозначений с мифологическими, религиозными, ассоциативными и другими источниками. Здесь подчеркивается ментальное восприятие цветковых терминов, которое хранится в языке в особом слое лексики, отражающей языковую картину мира.

Ключевые слова: хроматоним, фольклорный, мифологический, индоиранский, ритуал, езидизм, абстрактное значение.

В современной лингвистике можно насчитать сотни работ, посвященных проблеме цвета и цветообозначений. Изучают ее лингвисты и психологи, искусствоведы и физиологи, этнографы, литературоведы, культурологи и пр. Уже этот перечень свидетельствует о сложности и многоаспектности понятия цвета. Любые природные явления, любое наше представление об окружающем нас мире обязательно облекается в цветовую форму, имеет цветное выражение. Общеизвестно о воздействии цвета на эмоциональное, психологическое состояние человека, о его способности вызывать те или иные чувства. Одни из них приятны для глаза, вызывают ощущение радости, блаженства; другие, наоборот, способны создать чувство угнетенности, подавленности. Эти свойства цвета используют в своей практике не только психологи, психотерапевты, но и художники, которые стремятся вызвать у зрителя те или иные ощущения и отклик на свое

“цветовое” самовыражение. Вот почему так ценны наблюдения художников о природе цвета, его способности передавать эмоциональное и духовное состояние [7: 181-220; 5]. В искусствоведении принято говорить о золотом цвете Рембрандта или “голубом” периоде Пикассо, а “Черный квадрат” и “Красный квадрат” Малевича несут в себе не только эстетическое, но и концептуальное содержание. В науке дискутируется также проблема символической функции цвета в мифологических системах, выражающей глубинный уровень постижения мира человеком.

Иные задачи при изучении цвета и цветообозначений ставятся лингвистикой, в рамках которой, в частности, исследуется состав и семантическая структура цветообозначений, особенности этой лексико-семантической группы слов, выражающей цвета окружающего мира в единицах лексики, идиоматики, в пословично-поговорочном материале и пр.

Как известно, исследователи окончательно не определились также в вопросе терминологии при описании этого разряда лексем. Одни из них применяют уже установившийся термин “цветообозначение” (С. Г. Тер-Минасова: 2000; Т. И. Вендина:1999; О. А. Корнилова: 2003), другие предпочитают сочетание “цветовой термин” (“colour term”). В ходу также термины “колороним”, “хроматоним”. Последний применяется и в музыке, в которой обозначает один из видов музыкального интервала.

В данной статье мы будем придерживаться традиционного термина “цветообозначение”, впрочем, не избегая также других терминологических замен (колороним, хроматоним).

В современных индоевропейских языках цветообозначение включает в себя 11 монолексемных наименований: красный, синий, черный, зеленый, желтый, фиолетовый, коричневый, оранжевый, серый, голубой, белый. В русском языке, как и в ряде других языков (в том числе и армянском), их 12, поскольку дифференцируются голубой и синий. Из всего ряда цветообозначений нами выбран оранжевый цвет, анализу репрезентаций которого в русском и армянском языках и посвящается данная статья.

Цветообозначение “оранжевый” появилось в русском языке значительно позже базовых цветоименований (о его появлении и функции см. работу [4: 51-62]). Согласно исследованиям, цветообозначение “оранжевый” в русском языке появилось в 18 веке и вскоре вытеснило все другие номинации этого цвета, существовавшие до тех пор (рудый, рудой, жаркий, рудожелтый и др.). Слово “оранжевый” является суффиксальным образованием (суф. -ев) от французского orange – апельсин (т.е. “оранжевый” –цвет апельсина). Как отмечают исследователи, “современные русские люди (в том числе и образованные, знающие иностранные языки) практически не связывают его с цветом апельсина” [4: 57]. Иначе говоря, семантика прилагательного “оранжевый” очень скоро, утратив связь с мотивирующей основой, оказалась “затемненной” и приобрела абстрактное значение.

В упомянутой выше статье приводятся два списка слов с цветообозначением “оранжевый”, причем один составляют устаревшие слова, а второй - цветоименования современного русского языка. В первом списке отмечены такие прилагательные, как померанцевый, орлеановый, авроровый и др. Второй же список составляют цветообозначения абрикосовый, кирпичный, медный, морковный, ржавый, рыжий, рябиновый, терракотовый. Для последних цветообозначений в армянском языке имеются следующие соответствия: ծիրանագույն, նարնջագույն, աղյուսագույն, պղնձագույն, գազարագույն, ժանգագույն, բուրիւնջի, սնձապտղիգույն (սնփայլարմիր), բրձալալագույն:

Базовые цветообозначения закрепились в русском языке огромным пластом идиом, пословиц, поговорок с ярко выраженным в них концептуальным содержанием: черная зависть, белая кость, голубая кровь, серая мышь и т.д.

Цветовая лексика выполняла важную роль при осуществлении заговоров и магических действий, культовых ритуалов. Например, одним из древнейших культов в Армении был культ быка, причем особо почитался

именно белый бык, которого особым ритуалом приносили в жертву. Подобный ритуал существовал также и у езидов¹: во время праздника Айда Джем в Лелеше в жертву приносили белого быка.

Магическая роль цветообразования в разных культурах выражалась также в запрете на использование тех или иных цветов. Например, у тех же езидов очень строгий запрет распространяется на синий цвет: им категорически запрещается иметь в одежде элемент синего цвета. Как считают специалисты, объяснение этому следует искать в близости езидизма с индоиранской религией [9: 64-65]. Впрочем, подобные запреты известны и в других культурах.

Что касается оранжевого, то в русском языке есть ряд слов с той же мотивирующей основой: оранжад, флердоранж, оранжерея и т.д. Все эти лексемы являются заимствованиями и отмечены неким ореолом необычности, экзотичности. Например, оранжерейным (или тепличным) называют такое растение, для выращивания которого требуются особые условия. Современные словари определяют его как “оберегаемый или оберегающий от столкновения с жизнью, с действительностью. Тепличное создание. Тепличные условия” [10: 355].

Хрупкое и изнеженное существо (чаще женщину), не приспособленное к реальной жизни, зачастую называют “оранжерейным (“тепличным”) растением или “оранжерейным” (“тепличным”) цветком”. Подобное сочетание функционирует и в армянском языке - «ջերմոցային պայմաններ» [15: 1241] (тепличные условия) как искусственные, далекие от естественных условий бытия.

Интенсивность красного или желтого придает оранжевому различные оттенки, для обозначения которых имеется целый ряд цветообозначений: апельсиновый, рябиновый, абрикосовый, рыжий, ржавый, пламенный, огневой и др. Каждая из этих лексем выявляет свои сочетаемостные

¹ Слово езид в статье дано в традиционной орфографии. В некоторых источниках это слово дается в другом написании - “йезид”.

возможности и ассоциативные связи. Основу цветообозначений оранжевый и апельсиновый составляет одно и то же понятие, поскольку французскому orange соответствует заимствованное в 18 в. из голландского appelsien, что представляет из себя словообразовательную кальку из французского pomme de Chine – “китайское яблоко” [13: 27]. Однако прилагательное “оранжевый” в русском языке выступает исключительно как цветообозначение, а в прилагательном “апельсиновый” (апельсинный) связь с мотивирующей основой очевидна, что выявляется в словосочетаниях “апельсин(ный)овый сок” (вкус, корка, рожа), а также в суффиксальных дериватах апельсинчик, апельсинка. Слово “апельсин” в русском языке задействован во фразеологизме “разбираться как свинья в апельсинах” [11: 31]. А из греческой нифологии знаем о сорванных Гераклом в садах Гесперид золотых яблоках, которые были не чем иным, как апельсинами, отсюда и название плодов цитрусовых – геспериды.

Яркость и броскость оранжевого цвета обеспечивают его сигнальный характер, выявляют социальный оттенок в его значении. Например, при характеристике экстремальных условий, согласно международным стандартам, применяется цветовой код, шкала которого состоит из 4 цветов – зеленого, желтого, оранжевого и красного. Оранжевый предполагает возможность стихийных бедствий, ливней, морозов и пр. “Оранжевый уровень” при подобных аномалиях сигнализирует о серьезной опасности, является предупреждающим для населения. Добавим, что так называемый черный ящик в самолетах представляет собой капсулу оранжевого цвета, яркость которого способствует его быстрому обнаружению при авиакатастрофах.

Предупреждения могут быть и иного характера, например, указывать на дестабилизацию общественного порядка, на серьезный общественный кризис. С недавних пор политическая фразеология пополнилась сочетанием “оранжевая революция”, в которой хроматоним “оранжевая” содержит, прежде всего, указание на внешний источник дестабилизации. Этот ряд

пополнился также “оранжевыми (желтыми) жилетами”, в которые облачились протестующие во Франции в нынешнем году.

Использование атрибутики оранжевого цвета в Европе имеет давнюю историю. Например, сторонники герцога Оранского во время Оранжевых маршей завязывали оранжевые шарфы, а русские футуристы надевали оранжевые жилеты, что также было своеобразной формой протеста.

По мнению психологов, оранжевый (апельсиновый) цвет рождает ассоциации с теплотой, солнцем, вызывает положительные эмоции, поэтому этот цвет так часто используется в предметах и помещениях, предназначенных для детей, и активно применяется в детской литературе (“Мы приходим в магазин, /покупаем апельсин. /Он громадный, он блестящий,/Он веселый,/Он оранжевого цвета,/Он как солнечное лето!/А представьте только/Апельсиновые рощи...” (О.М. Мошковская). А песню популярной группы “Браво” про оранжевое лето полюбили как взрослые, так и дети.

В армянском языке цветообразованиям оранжевый и апельсиновый соответствует одно и то же слово – նարնջադեղին, которое является заимствованным из персидского языка (nārinj). Последнее восходит к санскриту и означает, согласно корневому словарю Р.Ачарьяна, “цвет меди” [16: 431].

Другой хроматоним этого ряда – абрикосовый – также появился в русском языке в 18-м веке. Он считается заимствованием из голландского языка, в который, по мнению специалистов, попал или из французского *abricot*, или португальского *albrique*. Этимологические словари содержат сведения о том, что в 18-м веке употреблялась также лексема “априкос” [14: 22], однако начиная с 19-го века для этого слова устанавливается форма “абрикос”. Появление этого слова в европейских языках также находит неоднозначное объяснение. Одни считают, что слово “абрикос” восходит к латинскому (“скороспелый” – *praesox*), а из латинского через древнегреческий оно попало в арабский (*barquq*, *al-barquq*), затем было

усвоено испанским (albaricoque), каталонским (a(l)bercos) и пр[12: 22]. Иная точка зрения связывает происхождение этого слова с латинским “apricus” – “согреваемый солнцем”, “находящийся на солнце”, “любящий солнечную теплоту”, латинское название этого плода – “prunus Armeniaca” - “слива армянская”.

Цветообразование “абрикосовый”, как и “апельсиновый”, прежде всего связывается с соответствующим плодом, и дериваты – абрикосина, абрикосный, абрикосовый – образованы с теми же суффиксами, что в случае с “апельсином”. Кроме того, и круг лексем в словосочетаниях с этим словом примерно тот же: абрикосовый (-ая/-ое) цвет (-ок), плод, косточка, сад, варенье, и т.д. В армянском языке этой лексеме («ծիրան») присуща особая семантика, у нее обширные синтагматические связи. Абрикос является одним из главных символов Армении.

Абрикосовый цвет присутствует и на флаге Армении. Первоначально одна из полос армянского триколора определялась как “оранжевая”, однако вскоре была заменена хроматонимом “абрикосовый”, что отражает его концептуальное содержание для армянского языка, для его языковой картины мира. С этим плодом связана вся ее древняя духовная и материальная культура, и это проявляется в ее мифологии, различных жанрах фольклора, искусства в целом.

В дошедшем до нас дохристианском мифе о рождении Ваагна имеется цветообозначение “ծիրանի”:

«Երկնեցերկիր,/Երկնեցերկիրք,/Երկնեցնծովրծիրանի...»

В русском переводе “ծովրծիրանի” передается сочетанием “багряное море”. Относительно происхождения этого цветообразования есть разные точки зрения. Так, П.А.Кочаров[8: 302-311] приводит несколько гипотез. В одной связывает это цветообразование с индоиранским божеством огня Agnih, т.е. сочетание “ծովրծիրանի” [ժօՎ շիրանի] истолковывается как заимствование из зороастрийского гимна, посвященного богу огня. По

другой гипотезе, если судить по переводу Библии и трудам средневековых историков Хоренаци, Бюзанда и др., слово “çirani” “систематически употреблялось для передачи древнегреческого ποφύρεος (“пурпурный”) в качестве обозначения цвета ткани или шерсти...”[8: 306].

Отметим, что этот эпитет из “Рождения Ваагна” не раз оказывался в поле зрения ученых, которые расценивали его то как просто “ареальное определение” (В. В. Иванов), то как “синтетический образ, объединяющий огонь и воду” (В. В. Топоров). Автор статьи разделяет мнение Б. Зулумян, которая считает, что “в мышлении армянина абрикосовый цвет – доминанта, национальный символ, а не обычный эпитет” [6: 49].

“Çirani” встречается также в различных фольклорных жанрах. Так, в одной из армянских пахотных песен пахарь, обращаясь к волу, нежно называет его Çiran – “Рыжий”, “Рыжик”, т.е. цветоназвание становится прозвищем животного, что, скорее всего, мотивировано его мастью: Հողրուսիւս, ուղիւղիւս, /Ծիրանչա՛ւ (Да почернеет земля, / Да остудится твое плечо, [С]иран джан!) (пример взят из книги А.Долуханян [17: 366]). Столь же широко применяется это цветообозначение в народных песнях и в песнях гусанов (народных певцов). В одной из них абрикосовое дерево предстает персонификацией армянского народа, воплощением его души и судьбы:

Եսմիծառեմծիրանի:

/Հինարմատեմանվանի, /Պտուղներսքաղցրահամ, /

Բոլորմարդկանցախիտանի: /Я абрикосовое дерево, /У меня славный корень, /Плоды мои сладки, /Всем людям пригодны. (пер. авт.)

Добавим, что в армянском языке радуга называется “ծիրանիզոտի” (“абрикосовый пояс”), а национальный музыкальный инструмент дудук, который изготавливают из абрикосового дерева, именуют “ծիրանիփող” (“абрикосовая трубка”).

Столь же многообразна репрезентация хроматонима “рябиновый” в русском языке и культуре в целом. Мотивирующей основой для этого прилагательного служит существительное “рябина”, на основе которого образованы также суффиксальные образования рябинник, рябиновка, рябинный, рябинка. Этимологически оно восходит к корню ерквь, арквь (русская рябина, украинская горобина, вербина, польская jarzewina, чешская jmgbb, обозначающие рябой, пестрый).

Издавна плоды рябины, прихваченные морозом, русские люди использовали в пищу, готовили целебные снадобья, веточками и цветами рябины в праздники украшали жилища. С этим растением связано множество легенд, сказок, ему приписывались магические свойства. Рябина, в представлении древних, защищала от порчи и служила оберегом. Например, листьями рябины подстилали обувь жениха и невесты, дабы уберечь их от сглаза [1]. Был особый день, посвященный рябине, – 23 сентября, который называли днем Петра-Павла Рябинников. К этому дню девушки изготавливали особую куклу – “Рябинку”, которая была символом материнства, женственности.

В русском, украинском, белорусском языках широко известно выражение “рябиновая ночь” (или “воробьиная ночь” [2]). На Русском Севере, как отмечается в указанной выше работе Т. А. Агапкиной, встречаются также варианты ря́бовая ночь, ря́бья ночь, рябья ночка. “Рябиновой ночью” (или “воробьиной ночью”) называли “ночь с сильной грозой и зарницами”. В работе Т. А. Агапкиной и А. Л. Топоркова со ссылкой на словарь В. Бурнашева [3] эти два выражения рассматриваются как синонимичные. Последнее обстоятельство дает нам основание для того, чтобы слово “рябиновая” в этом сочетании расценивать не только как выразительный эпитет, но и как цветообозначение. В ссылке на словарь Бурнашева читаем: “Рябиновая ночь. Так называется такая ночь, которая бывает очень душна и жарка летом и сопровождается зарницами. Это бывает

во время цветения рябины. Иначе ее называют “воробьиная ночь” от того, что воробьи мечутся от света зарниц” [2: 231].

Ассоциации рябины с тоскующей женщиной в русской литературе, особенно в поэзии и песенной традиции, имеют глубокие мифологические, магические, культовые корни. Как отмечает Т. Агапкина, “ее образ (рябины) связывается с мыслью о страданиях, а горечь ее ягод (горькая рябина) ассоциируется с безрадостной жизнью” [2: 241].

Таким образом, “рябиновый” для русского человека – это не просто цветообозначение, а целый комплекс представлений, соединение мифологических, поэтических, магических и иных ассоциаций, обеспечивающих ее символическое восприятие. На это указывают образцы паремии со словом “рябина”. В армянских соответствиях цветообозначения “рябиновый” (սնձենի/տրնուենի) упомянутые пласты отсутствуют, поскольку рябина не относится к числу растений, распространенных в армянском дендрарии.

Цветоназвания этого ряда весьма активны при обозначении масти животных. Для этого списка слов русского языка (кауряя, гнедая, рыжая, игренева) в армянском языке имеются соответствия: շոքշոք, աշխուտ, բոբրիւն, շիկաշիւրի. Этот ряд как в русском, так и в армянском языках можно дополнить и многочисленными народными, диалектными наименованиями.

Цветообозначения этого ряда – огненный, огневой, пламенный, янтарный, рыжий и пр. – чрезвычайно широко представлены в художественных текстах, особенно в поэзии. Это подтверждается множеством примеров, взятых из текстов разных авторов и разных эпох. Указанные цветообозначения входят в число традиционных эпитетов. Вот некоторые из них, произвольно взятые из произведений русской поэзии: “Вся комната/ Янтарным блеском озарена” (А. П.), “В воздухе огненную дорожку/он оставлял при свете дня” (Н. Гум.), “Рыжими иголками/Устлан

косогор” (И. Бун.), Я прячу выручку дневную/свободы в огненный колпак (Вл. Ход.)

Репрезентация представленных цветообозначений в художественном тексте требует более детального анализа с учетом их роли в контексте того или иного произведения и идиостиля в целом, что выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина. [Интернет-ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/simvolika-dereviev-v-traditsionnoy-kulture-slavyan-ryabina>.
2. Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян. Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., Наука, 1989.
3. Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. 1844. [Интернет-ресурс] – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003824562#?page=1>.
4. Василевская А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М., Комкнига, 2005, стр.51-62
5. Зулумян Б. Архетип в структуре художественного сознания. Памятник армянской эпической поэзии “Песнь о Ваагне”.// Историко-филологический журнал, No 3, 2007, стр. 49.
6. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. В.: Психология цвета, стр. 181-220.
7. Кочаров П. А. Древнеармянский CIRANICOV “багряное море”: к вопросу о происхождении поэтического эпитета. // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII (чтения памяти И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2009. С. 302-311.

8. Омархали Ханна. Йезидизм. Из глубины тысячелетий. СПб. Изд-во С-Пет. университета, 2005, стр. 64-65.
9. Словарь современного русского языка в 4-х томах./ Под ред.: Евгеньевой А. П., М., 1988, стр. 355
10. Фразеологический словарь русского языка./ Под ред.: Молоткова А.И. М., 1986, стр.31.
11. Черных П. Историко-этимологический словарь современного русского языка в двух томах. Том 1, стр.22.
12. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.,1971, стр. 27
13. Там же, стр.22
14. ԱղայանԷ. Արդիհայերենիբացատրականբառարան. Երևան, 1976, էջ 1241:
15. ԱճառեանՌ. Հայերենիարմատականբառարան. Երևան, 1926, էջ 431
16. ԴոլուխանյանԱ. Հայժողովրդիբանահյուսություն. Երևան, 2008, էջ 366:
17. ՋահուկյանԳ. Հայերենիստուգաբանականբառարան, Երևան, 2010, էջ 563

***LINGUOCULTURAL CONTENT OF THE COLOR TERM
“ORANGE”IN THE RUSSIAN AND ARMENIAN LANGUAGES***

Karine Smbatovna Arustamyan
Vanadzor, Republic of Armenia

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the denotation of the “orange” color in the Russian and Armenian languages and its linguocultural content, which is expressed in a number of chromatonyms (orange, apricot, mountain ash, etc.). As a result of our investigation we have revealed the

connection of the semantics of color denotations with mythological, religious, associative and other sources. The mental perception of color terms has been emphasized here, which is stored in the language in the special layer of vocabulary, reflecting the linguistic picture of the world.

Key words: chromatonym, folklore, mythological, Indo-Iranian, ritual, Yezidism, abstract meaning.

КРОССКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Федоров Виталий Викторович
доктор филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.4

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные и культурные особенности современной англоязычной массовой печати Восточной Азии, позволяющие дифференцировать её место в общественно-политической жизни Китая, Японии и Кореи в условиях кросскультурного взаимодействия с англоязычными социумами.

Ключевые слова: Восточная Азия, англоязычная периодическая печать, менталитет

Кросскультурная специфика восточноазиатской газетно-журнальной периодики на английском языке обнаруживается, главным образом, при обсуждении вопросов о содержании публикаций и их авторах. Исследование англоязычных периодических изданий Китая, Японии и Кореи позволяет утверждать, что названные параметры тесно связаны с оказывающими на них влияние экстралингвистическими факторами. Так, существование английского языка на территории КНР характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, в стране наблюдается значительный рост интереса населения к его изучению и широкому распространению, чему способствуют известные экономические предпосылки. С другой стороны, следует признать, что английский язык по-прежнему занимает место на периферии общественной жизни Китая, оставаясь языком избранного меньшинства населения, сложным и чуждым для большинства китайцев. Свидетельством этому является тот факт, что экспертные организации, оценивающие знание английского языка в различных странах мира,

отмечают в целом низкий уровень владения английским языком в КНР – 47.62 [1].

Основными причинами этому являются преимущественная занятость населения страны в сельском хозяйстве и широкая распространённость мнения о том, что приоритет в образовании должен отдаваться родному языку. Кроме этого, исследователи отмечают, что китайцы болезненно воспринимают «америкоцентризм» в СМИ и Интернете, считая, что они располагают достаточными интеллектуальными и материальными возможностями для «наполнения» медийного пространства контентом на родном языке. По прогнозам аналитиков, в ближайшие годы китайский Интернет ожидает острый дефицит содержания, поскольку основной группой его пользователей являются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет [6], для которых англоязычный сегмент сети становится недоступным, особенно в связи с запретом в Китае Google и Facebook. Иероглифическое письмо в этих условиях становится альтернативой латинице.

Анализ 840 выпусков китайских печатных (700) и электронных (140) версий газет и журналов на английском языке за 2010-2017 гг. с точки зрения их содержания и этнической принадлежности авторов публикуемых материалов позволяет установить, что 80% публикаций напрямую или косвенно освещают события общественно-политической жизни КНР и только 20% отражают вопросы, относящиеся к иным странам; 75% авторов являются китайскими журналистами, сотрудничающими с англоязычными СМИ, 15% – журналистами из других, преимущественно, англоязычных стран мира, 7% публикаций представляют собой перепечатки из авторитетных международных СМИ (Reuters, AssociatedPress, AgenceFrance-Press) и 3% публикаций, вообще, не имеют указания на автора или источник перепечатки.

Таким образом, англоязычная газетно-журнальная публицистика Китая является одним из действенных инструментов распространения «азиатского контента». При помощи английского языка китайские газеты и журналы

рассказывают о жизни своего государства и популяризируют национальную культуру, в связи с чем большая часть публикуемых ими материалов посвящена внутренним проблемам КНР и создана китайскими журналистами, которые относятся к наиболее опытной и высокопрофессиональной части медийных работников.

Иначе выглядит ситуация с английским языком и издаваемыми на нём газетами и журналами в Японии. На сегодняшний день английский язык учат почти во всех школах Японии. Важным компонентом японской системы образования является сложный экзамен по английскому языку при поступлении в вуз, на который уходит много сил и средств, поскольку требуются репетиторы. Знание английского языка в Японии считается крайне престижным, в связи с чем всё больше японцев едут изучать английский язык за рубеж. Так, по данным Japan Overseas Educational Services, в 1977 году лишь 19 000 японских детей школьного возраста жили за рубежом, тогда как в 1996 году это количество составило около 50 000 [4, с. 123].

Перечисленные факты могли бы свидетельствовать о хорошем владении английским языком населением Японии, но на проверку это оказывается далеко не так. По данным Н. Готлиб, в ходе проведения в 2002 году международного исследования уровня владения английским языком в мире, Япония оказалась лишь на 180-м месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии [8, с. 32]. Исследователи-вариантологи пытаются выявить причины подобного положения дел. Профессор колледжа мировых вариантов английского языка из университета Тюкё в Нагойя, Дж. Д'Анджело, отмечает, что уже пятьдесят лет Япония принимает в качестве модели изучения, преподавания и использования языка «весьма нереалистичную и в действительности нежелательную модель носителей языка» [5, с. 32], которая, по мнению другого исследователя, Я. Яно, глубоко связана с политической традицией правящих кругов Японии, демонстрирующих «преклонение и комплекс глубокой неполноценности перед представителями Западной цивилизации» [11, с. 132].

Модель эта ориентирована только на языковую норму носителей языка и полностью игнорирует локальную культуру и стиль обучения. Как следствие, вся система обучения английскому языку в Японии, основанная на преимущественном изучении грамматики и чтении художественной литературы, выглядит довольно консервативно и архаично. Более того, лингвисты отмечают отсутствие у японцев намерений «развивать независимый вариант английского языка» [12, с. 120] и первые признаки изменения этой тенденции появляются только в настоящее время [7, с. 104-110]. В связи с этим многие японцы относятся к языковым вариантам носителей английского языка как к особому рода эталону, нарушение которого непозволительно, что в сочетании с японским перфекционизмом вызывает у них «чувство беспокойства и опасения при использовании английского языка» [5, с. 37].

В ходе исследования печатные (707) и электронные (136) выпуски японских англоязычных периодических изданий за 2010-2017 гг. анализировались с точки зрения их содержания и этнической принадлежности авторов публикуемых материалов по аналогии с китайской периодикой на английском языке. Как показывают подсчёты, 75% публикаций посвящены событиям за пределами Японии и 25% отражают внутреннюю проблематику; 67% публикуемых материалов представляют собой перепечатки из зарубежных СМИ, авторами 25% являются японские журналисты и 8% публикаций не имеют указания на автора.

Очевидно, англоязычная газетно-журнальная публицистика является в этом случае инструментом распространения неазиатского контента в восточноазиатской среде, что наглядно подтверждается данными об авторах публикаций. Даже самый беглый обзор японских газет и журналов на английском языке позволяет отметить наличие в них значительно большего по сравнению с китайской англоязычной прессой количества материалов, созданных иностранными журналистами. Некоторые издания отдают значительную часть площадей под перепечатки из англоязычных газет,

уделяя несущественное внимание материалам отечественных авторов. Например, «TheDaily Yomiuri» и «International Herald Tribune/The Asahi Shimbun» предоставляют японским журналистам только три-четыре последние страницы. Принимая во внимание тот факт, что одним из специфических проявлений «свободы прессы по-японски» является требование анонимности в целях сохранения и поддержания коллективного мнения редакции, можно сделать общий вывод об определённой ориентации японской англоязычной периодики на преимущественное описание событий за пределами страны и изложений позиций иностранных обозревателей по вопросам внутренней политики этого восточноазиатского государства.

После разделения Корейского полуострова на две страны в Южной Корее значительно возросла необходимость в английском языке, поскольку основными задачами, декларируемыми на самом высоком уровне, стали интернационализация, международное сотрудничество и вхождение в мировое сообщество. Английский язык стал основным иностранным языком в системе образования, экзамен по этому предмету является обязательным во всех учебных заведениях. Свидетельством его популярности являются получившие широкое распространение языковые частные школы и специальные курсы. Статистические данные свидетельствуют, что Корея отправляет на языковые стажировки в США большее количество студентов, чем любая другая страна, а на частные занятия корейцы ежегодно тратят до 15 000 000 000 долларов [9].

Однако, как и в случае с другими восточноазиатскими странами, результаты всех прилагаемых усилий представляются достаточно скромными: по итогам сдачи TOEFL Корея находится на 111 месте из 147; с одной стороны, почти все жители этой страны знают пару десятков слов и несколько фраз по-английски и почти любой обладатель вузовского диплома в состоянии бегло читать текст по специальности, а, с другой, – человек, связно говорящий по-английски, остаётся крайней редкостью [2]. Среди основных причин подобного положения дел, как и в случае с Японией,

называется методика преподавания английского языка, ориентированная на формирование пассивных навыков владения языком (в основном упор делается на грамматику, правила чтения и письма). Кроме этого следует отметить ряд особенностей национального менталитета, препятствующих полноценному освоению английского языка населением Южной Кореи: отношение ко всему иностранному как к чужому и инородному; традиционную замкнутость корейского общества, ориентированного на внутренние ценности, где стимул к познанию чужой культуры не является определяющим и основан только на практической необходимости [3].

Анализ содержания южнокорейских печатных (500) и электронных (83) версий англоязычных периодических изданий за 2010-2017 гг. позволил установить, что 57% публикуемых в них материалов посвящены событиям внутри страны, 23% отражают проблематику, связанную с жизнью Азиатско-Тихоокеанского региона, а 20% – иные проблемы; 53% авторов являются южнокорейскими журналистами, 27% – журналистами из других, преимущественно, англоязычных стран мира, 18% публикаций представляют собой перепечатки из международных СМИ и 2% публикаций не содержат указания на автора.

Очевидно, англоязычная газетно-журнальная публицистика Южной Кореи представляет собой инструмент распространения «азиатского контента» в восточноазиатской среде. Как и в случае с китайской англоязычной периодикой, большая часть её публикаций принадлежит отечественным авторам, которые не только указывают своё имя, но и адрес электронной почты, что позволяет читателям поддерживать обратную связь с создателями материалов. Авторами ряда материалов являются иностранцы, некоторые публикации являются перепечатками из крупных мировых СМИ и сопровождаются соответствующими ссылками. В этом смысле, газеты и журналы Кореи на английском языке близки периодическим изданиям Китая. Большая часть публикуемых в них материалов посвящена региональным проблемам. Информация о жизни зарубежных государств касается не их

политической жизни, а, в первую очередь, вопросов экономики, причем, тех, которые могут оказать влияние на положение дел в самой Корее.

По наблюдениям исследователей, в Северной Корее английский язык имеет ограниченное функционирование наряду с его явной идеологизированностью [10, с. 179-180]. В этих условиях сам факт существования иноязычных СМИ можно рассматривать как часть идеологии, нацеленной на опровержение тезиса об изоляции страны от мирового сообщества, где англоязычная газетно-журнальная публицистика становится, в первую очередь, инструментом распространения «идеологического контента». Доказательством этому служат данные, полученные в ходе анализа 218 печатных и 47 электронных версий англоязычных северокорейских периодических изданий за 2010-2017 гг. 87% публикуемых в них материалов посвящены событиям внутри Северной Кореи и только 13% отражают проблематику, связанную с жизнью иных стран и народов; 100% авторов публикаций являются северокорейскими журналистами.

Сказанное свидетельствует о том, что одним из экстралингвистических параметров восточноазиатской газетно-журнальной публицистики является *подчинённость восточноазиатскому менталитету*, поскольку она отражает мышление народов Восточной Азии и использует английский язык в качестве инструмента для представления собственного содержания и выработки особых вербальных и невербальных механизмов его оформления.

Издание англоязычных газет и журналов в Китае жёстко регламентируется государством, а их контент определяется установкой на распространение информации о жизни страны и популяризацию её культуры. Такая тенденция может быть обозначена как *центробежная*. Англоязычная периодика Японии соответствует основным требованиям, предъявляемым к национальным изданиям, содержит информацию преимущественно о положении дел за пределами страны или излагает точку зрения сторонних наблюдателей на внутренние проблемы Японии. Такая тенденция обозначается как *центростремительная*. Пресса Южной Кореи на

английском языке в основном концентрируется на освещении региональной проблематики и может быть охарактеризована как *умеренно-центростремительная*, тогда как северокорейская газетно-журнальная публицистика представляет собой пропагандистский продукт, основной задачей которого является распространение определённых идеологических представлений, что позволяет назвать её *интенсивно-центробежной*.

Список литературы

1. Английский язык в Китае [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ef-russia.ru/epi/country-profiles/china/> (дата обращения: 21.03.2019).
2. Английский язык в Корее [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tttkkk.livejournal.com/97773.html> (дата обращения: 27.03.2019).
3. Богатова Т. «Конглиш» – корейская игра в английский // Сеульский вестник [Электронный ресурс] / Т. Богатова. – Режим доступа: <http://vestnik.kr/articles/3357.rss> (дата обращения: 11.06.2019).
4. Головачева Л. Р. Особенности функционирования английского языка в Японии [Текст] / Л. Р. Головачева // Известия Восточного института. – № 8. – 2004. – С. 121-129.
5. Д' Анджело Дж. Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в нужное русло [Текст] / Дж. Д' Анджело // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – №2 (42). – 2014. – С. 32-43.
6. Китайская народная республика // Wikipedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайская_Народная_Республика (дата обращения 11.06.2019).
7. Хино Н. Странам «расширяющегося круга» тоже нужны собственные модели! Вопрос о равенстве вариантов английского языка [Текст]/ Н. Хино // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – №4 (32). – 2011. – С. 104-110.

8. Gottlieb N. Language and Society in Japan [Текст] / N. Gottlieb. – Cambridge: University Press, 2005. – 180 p.
9. Koreans Forms Biggest Student Group in US // The Korea Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2008/03/113_20196.html (дата обращения 19.06.2019).
10. Lee Sun-Hwa. Language Change in Korean with Special Emphasis on Semantic Change of English Loanwords [Текст] / Lee Sun-Hwa. – Koln, 1996. – 239 p.
11. Yano Y. English as an International Language and ‘Japanese English’ [Текст] / Y. Yano // English in Japan in the Era of Globalization. Ed. by P. Seargeant. – U.K.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 125-142.
12. Yano Y. World Englishes in 2000 and beyond [Текст] / Y. Yano // World Englishes. – Vol. 20. – № 2. – 2001. – P. 119-131.

CROSS-CULTURAL SPECIFICS OF EASTERN-ASIATIC ENGLISH PRESS

Vitaliy Viktorovich Fyodorov
Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russia

Annotation. The article envisages the content and cultural specifics of contemporary Eastern-Asiatic press in the English language to differentiate its place in socio-political life of China, Japan and Korea in the situation of cross-cultural interaction with Anglophone societies.

Key words: East Asia, press in the English language, mentality.

***ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ)***

Ли Хайся
г. Муданьцзян, КНР
DOI: 10.12731/LCT.2019.5

Аннотация. В данной статье автор рассматривает различные аспекты обучения китайскому языку в России, а также конкретизирует некоторые факторы, влияющие на успешное овладение китайским языком, в частности – обучение в естественной языковой среде в рамках программ студенческих обменов, во время которого студенты изучают языковой материал в аудитории с преподавателем-носителем языка и имеют возможность обширной практики языка вне стен учебного заведения. Кроме того, автор отмечает важность социокультурного компонента в обучении – знакомство с традициями, праздниками Китая, тем самым повышая интерес студентов к культуре страны изучаемого языка. В статье отмечаются и трудности, с которыми сталкиваются и студенты, и преподаватель на занятиях в СВГУ, вызванные тем, что в одной группе находятся как те студенты, которые проходили языковую подготовку в Китае, так и те, кому еще не довелось обучаться там. Это проявляется в разном уровне владения языком обучающимися, в первую очередь, в сформированности их навыка устной речи. Такое положение влияет на скорость обучения группы и требует от преподавателя, в свою очередь, дифференцированного подхода в проведении занятий. Автор предлагает максимально расширить практику использования студентами китайского языка – проводить занятия на изучаемом языке, стимулировать их к общению только на китайском языке внутри аудитории, а также, по возможности, и за её пределами. В основу такой практики предлагается положить тематическо-ситуативное обучение, например, в рамках темы «Покупки» в интерактивной форме рассматривать ситуации «в

магазине одежды», «в магазине мобильных телефонов» и т.п. При этом автор отмечает, что одни и те же ситуации, предложенные в учебной литературе, по-разному воспринимаются носителями языка и обучающимися, так как они наполнены реалиями, характерными для Китая и отличными от привычных реалий России. Для знакомства студентов с подобным социокультурным содержанием предлагается использовать мультимедийные средства обучения – видео и графические презентации.

Ключевые слова: китайский язык, языковая среда, ситуативное обучение.

在俄罗斯进行汉语教学的实践与思考

——以俄罗斯东北国立大学汉语教学为例

黑龙江省牡丹江师范学院文学院：李海霞

2019年的俄罗斯高考统考首次将汉语纳入考试科目，这预示着俄罗斯的汉语教学和学习将掀起新的热潮。很幸运能在这个时间点来到俄罗斯东北国立大学教授汉语，切身体会到这股汉语学习热潮的来临。东北国立大学学习汉语的学生从大学三年级开始，就陆陆续续的去中国的一些大学学习汉语，时间是半年或者一年，这些去过中国的同学，汉语交流基本上都没有什么问题。所以，我初次来这里上课时，感受到的是一种浓浓的汉语学习氛围。但是，与在国内教留学生学习汉语相比，在俄罗斯本土教俄罗斯学生学习汉语，又有着很多不一样的特点。笔者归纳概括为以下几点：

1、语言环境方面。在目的语中国学习汉语，可以随时随地说汉语、学汉语，如旅游、购物、与中国朋友聊天等等，汉语老师课堂所讲内容只是主导，所有的汉语练习都可以在课下完成，甚至是学生会接触很多老师没有讲过的词汇和语法，这是一个大的汉语教学与学习环境。俄罗斯学生在俄罗斯本土学习汉语目的语，除了汉语课堂营造的汉语环境之外，在其他的学习和生活中，并没有用汉语、学汉语的语言环境，所以，说汉语、用汉语的环境非常有限。

2、教学对象方面。学生学习汉语的兴趣都是很高的。但是在中国国内，一个班级的学生有可能来自于不同的国家，如俄罗斯的、韩国的、日本的、加拿大的等等，不同的国家有着不同的文化大背景，所以，汉语教师课堂教学时既要兼顾所有人，又要做到因材施教。在俄罗斯本土教学，就不会涉及到这个问题了，学生们很容易因为某个事情达成共鸣。比如，同样是介绍中国的传统节日中秋节，在东北国立大学，教师可以没有什么顾虑，用尽量生动、活泼、形象的方式，让大学的学生们感受一下，这个传统节日悠久的历史，和中国人对这个传统节日的重视程度。而如果在中国国内，有韩国学生的课堂上，为了不引起争议，汉语教师就要谨慎选择介绍内容了。

3、学习氛围方面。在中国学习汉语的留学生，在耳濡目染的语言环境中，有了基本的语言能力，能够顺利完成课堂的学习内容，虽然有的学生用汉语表达比较困难，但基本可以听懂老师说的话，并能用动作或者表情回应。在俄罗斯本土的学生，学习汉语的氛围也很浓厚，一年级和二年级的学

生，虽然在目前的阶段，还不能使用汉语沟通交流，但是，每次都是认真听课，努力完成老师布置的各项练习任务。三年级和四年级的学生，一共13个人上课，有去过中国一次的，两次的，还有个别个学生没有去过中国。汉语的水平是参差不齐的，有的同学听课，和老师交流基本没有问题，学习热情也很高，甚至能自学。但是，由于学习任务逐渐变难加深，所以，对于个别同学来说，学习起来就很艰难，老师讲解的生词、知识点不能很快消化，课下也不能及时复习、练习，慢慢的就形成了恶性循环。

笔者根据以上特点，在以往的汉语教学实践中，总结出以下几点教学经验，供大家参考：

1、沉浸式汉语教学。所谓的沉浸式汉语教学，是学生整天都沉浸在汉语语言环境中，这样，学生学习汉语的速度和能力肯定会提升。我这里所说的沉浸式，只是根据大学的实际情况而想达到的一种期望，就是要尽量延长学生使用汉语的时间。大学的学生平时的生活和学习都处于母语的环境中，甚至在汉语课堂上也是用母语互相交流，汉语只是汉语课堂上学习的内容。沉浸式汉语教学，提倡在汉语课堂之上，无论是和老师交流，还是和同学交流，要求学生必须说汉语，实在不明白的生词，可以查电子词典，但是说出来的必须是汉语。要知道，听汉语老师说汉语是最主要的听纯正汉语的机会，和汉语老师的课堂交流是最主要的说汉语的机会。经过调查发现，能在汉语课堂上积极主动说汉语的同学，汉语能力提升的最快。比如四年级的同学尼基塔，在上汉语课时，总是能根据老师讲授的内容，积极用汉语回答

问题，并能问老师一些他不明白的问题，甚至在课下，能和老师用汉语聊天，这样的同学汉语能力会提升的很快。

2、情境式汉语教学。所谓情境式汉语教学就是在语言学习过程中，创设一定的语言情境，达到语言交际的目的。情境教学在培养学生的语言交际能力、提升课堂语言运用等方面有很重要的作用。因为是在俄罗斯本土，有一些汉语教材中涉及的情境，是没有办法在学生的生活和学习中遇到的，所以，汉语教师创设汉语交际情境很重要。比如在教学三年级“又……又”这一结构时，我创设了一个推销商品的情境。我首先是用幻灯片出示了几张图片，有鞋店、服装店、手机店、电子产品商店等，然后问同学们，如果你是一个售货员，要向顾客推销你的商品，你应该怎么说？两人一组。因为有了前面的教学铺垫，又有了图片提示，同学们都积极向别人推销自己的产品，有的小组，互相推销了好几个产品。可见，创设交际情境，既训练了学生的汉语口语交际能力，又非常扎实地掌握了“又……又”这一结构，这节课的课堂教学效果很好。

3、生活化的汉语教学。汉语教材中涉及的一些有中国文化特点和地域特点的对话、场景，大部分学生不能体会的很真切。中国文化博大精深，比如酒文化，就是一种非常有特色的文化现象，在教学二年级综合课教材第21课《我喝了半斤白酒》时，关于白酒这一主题，就可以延伸开来，给学生做一点详细介绍。但是直接说中国的白酒，学生体会并不深刻，所以，我从俄罗斯的酒的种类开始引入，然后开始介绍中国国产的白酒。最后问学生

们，你们喜欢喝酒吗？喝醉酒是一种什么感受？虽然大部分学生不喜欢喝酒，但是，从身边生活中的例子，就能想象出来，喝醉酒是一种什么体验。

又比如，教学“过”“了”的不同的时候，需要举例子，让学生能明白去过，玩过等，是强调知道怎么回事的意思。在中国国内教学的时候，举的例子可以就地取材，比如，你去过学校的体育馆吗？你吃过食堂的包子吗？等等，但是大学二年级的学生还没有去过中国，所以，上述例子得到的答案肯定都是否定的，不太适用。这时就需要联系学生的生活实际举例，比如，你吃过马加丹的大虾吗？你去过圣彼得堡吗？（用幻灯片展示大虾和圣彼得堡的图片）等等。学生兴趣会很浓厚。

4、多媒体演示教学。随着时代的进步，现代科技手段在教学中普及运用，并发挥着巨大的不可替代的作用。在大学的教室里，因为教学设施比较完善，所以，音频、视频、图片等都可以播放、展示，这就大大丰富了汉语教学课堂。在教学《北京的四季》这篇课文的时候，我用图片展示了北京的西山、北海公园、红墙绿瓦、红的枫叶、鲜艳的花朵，非常直观的带着学生们在北京逛了一圈，调动多种感官，丰富了学生的情感体验，这对理解作者在文章中营造的对北京难舍难离的情怀很有帮助。

综上所述，在海外进行汉语教学与在中国国内进行汉语教学有很多不同之处。海外的汉语教师必须要了解海外本土的基本情况，包括从汉语语言环境，到汉语教学对象，再到汉语学习氛围等方面的实际情况，然后因地制宜的安排教学活动，才能取得良好的教学效果。

THEORY AND PRACTICE OF CHINESE TEACHING IN RUSSIA
(TAKING THE TEACHING OF CHINESE IN NORTH-EASTERN STATE
UNIVERSITY AS AN EXAMPLE)

Li Haixia
Mudanjiang, China

Annotation. In this article, the author considers various aspects of teaching Chinese in Russia, and also specifies some factors that affect the successful mastery of the Chinese language, in particular, learning in a natural language environment as a part of student exchange programs, during which students study language material in class with native speaker and have the opportunity of extensive language practice outside the school. In addition, the author notes the importance of the sociocultural component in learning - familiarity with the traditions and holidays of China, thereby increasing students' interest in the culture of the country of the language being studied. The article also notes the difficulties that both students and the teacher encounter in the classroom at North-Eastern State University, caused by the fact that in the same group are both students who have undergone language training in China and those who have not yet had a chance to study there. This is manifested in different levels of language proficiency by students, primarily in the level of their oral speech skills. This situation affects the group's learning speed and requires the teacher, in turn, to have a differentiated approach to conducting classes. The author suggests maximizing the practice of students using the Chinese language - conducting classes in the language they are studying, stimulating them to communicate only in Chinese within the class, and also, if possible, beyond. The basis of this practice is proposed to put thematic-situational training, for example, within the framework of the topic "Shopping", interactively consider situations "in a clothing store", "in a mobile phone store", etc. At the same time, the author notes that the same situations proposed in the educational literature are perceived differently by native speakers and students, since they are filled with realities characteristic of China and different from the

usual realities of Russia. To familiarize students with similar sociocultural content, it is proposed to use multimedia teaching aids - video and graphic presentations.

Key words: Chinese language, language environment, situational learning.

**ОСОБЕННОСТИ КРЕОЛИЗАЦИИ ТЕКСТА НА ПРИМЕРЕ
ПЕРЕВОДОВ КОМИКСОВ
“MAUS: DIE GESCHICHTE EINES ÜBERLEBENDEN”**

А. ШПИГЕЛЬМАНА

И “ENDSTATION GULAG” Г. МУМИНУ

Нарбут Елена Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Кульшан Екатерина Дмитриевна
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.6

Аннотация. В статье рассмотрены особенности креолизованных текстов в аспекте взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне.

Ключевые слова: креолизованный текст, визуализация, мультимодальность.

За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», значительно возрос. Рост интереса к проблеме визуализации обусловлен требованиями современной коммуникации. Как отмечает В. М. Березин, «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [1, с. 162].

Мир, в котором мы живем, немислим без широкого использования так называемых мультимодальных текстов. Для таких текстов используется метафорический термин «креолизованные тексты», принадлежащий Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову: «...тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной языковой (речевой) и невербальной

(принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [3, с. 180-181].

Невербальный компонент текста может быть представлен иллюстрациями (фотографиями, рисунками), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами и т. д.

Вербальные и изобразительные компоненты связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением креолизованного текста в целом.

Креолизованные тексты имеют давнишнюю историю (иконы, иллюстрированные агиографии, хроники и т. д.). Но именно эра комиксов, рекламы и мультфильмов привела креолизованные тексты в центр современной цивилизации. Это является важной частью нашей жизни, что делает их зачастую интересным источником лингвокультурной информации.

В этой связи интересными примерами, на наш взгляд, представляются графические романы “Maus: die Geschichte eines Überlebenden” А. Шпигельмана (в его немецкоязычном варианте) и “Bonaparte SSSR. 1: Endstation Gulag” (далее – “Endstation Gulag”) Ги Мумину, который также публикуется под псевдонимами Гай Саджер и Димитрий [7], [6]. А. Шпигельман и Г. Мумину имеют одну общую задачу – связать вербальные и невербальные компоненты текста единой темой и сюжетом. Изобразительный ряд в данных произведениях сильно действует на восприятие, в связи с этим графические романы о Холокосте воспринимаются как нечто цельное с меньшим напряжением, чем вербальный текст, в котором поднимается тема войны.

За основу анализа графических романов как креолизованных текстов мы взяли статью Л. В. Ильичевой «Рисованные рассказы В. Буша в переводах Д. Хармса и С. Маршака» [2, с. 15]. Визуальная повествовательная линия представлена в графических романах “Maus: die Geschichte eines Überlebenden”

и “Endstation Gulag” в виде серии следующих друг за другом в определенной последовательности рисунков, выполненных в стиле карикатурной графики.

С учетом ограниченного объема статьи весь иллюстративный материал представлен переводами уже названных нами выше графических романов на русский язык уже названных нами выше графических романов, что, с одной стороны, позволяет ввести данные переводы в научный оборот, с другой стороны, облегчает понимание аргументации широкому кругу читателей: “Maus: die Geschichte eines Überlebenden“ – в переводе, выполненном В. Шевченко, “Endstation Gulag” – в переводе, выполненном в 2017 году студенткой Ишковой А. В. на кафедре зарубежной филологии СВГУ[5], [3].

С БОЛЬШОМ ОТПРАВЛЯЛИ ВСЕ ЦЕННОЕ ВНИЗ ПОДСКОМ СОСЕДАМ — СПРЯТАТЬ.

У АНИНОЙ МАТЕРИ БЫЛИ КАМНИ В ПОЧКАХ. КОГДА ПРИШЛИ НЕМЦЫ, ОНИ ЛОЖАЛИ В ПОСТЕЛИ.

У ТЕСТЯ БЫЛ СТАРЫЙ ДРУГ, КОТОРЫЙ КЕГДА ПРИХОДИЛ ИГРАТЬ В КАРТЫ.

СПРЯТАННАЯ МЕБЕЛЬ НЕ ПРИНОСИЛА НАМ ПОЛЫ. ТАК МЫ ВНОВЬ ЗАКРЕЛИ ЕЕ НАВЕРХ — ПРОДАТЬ.

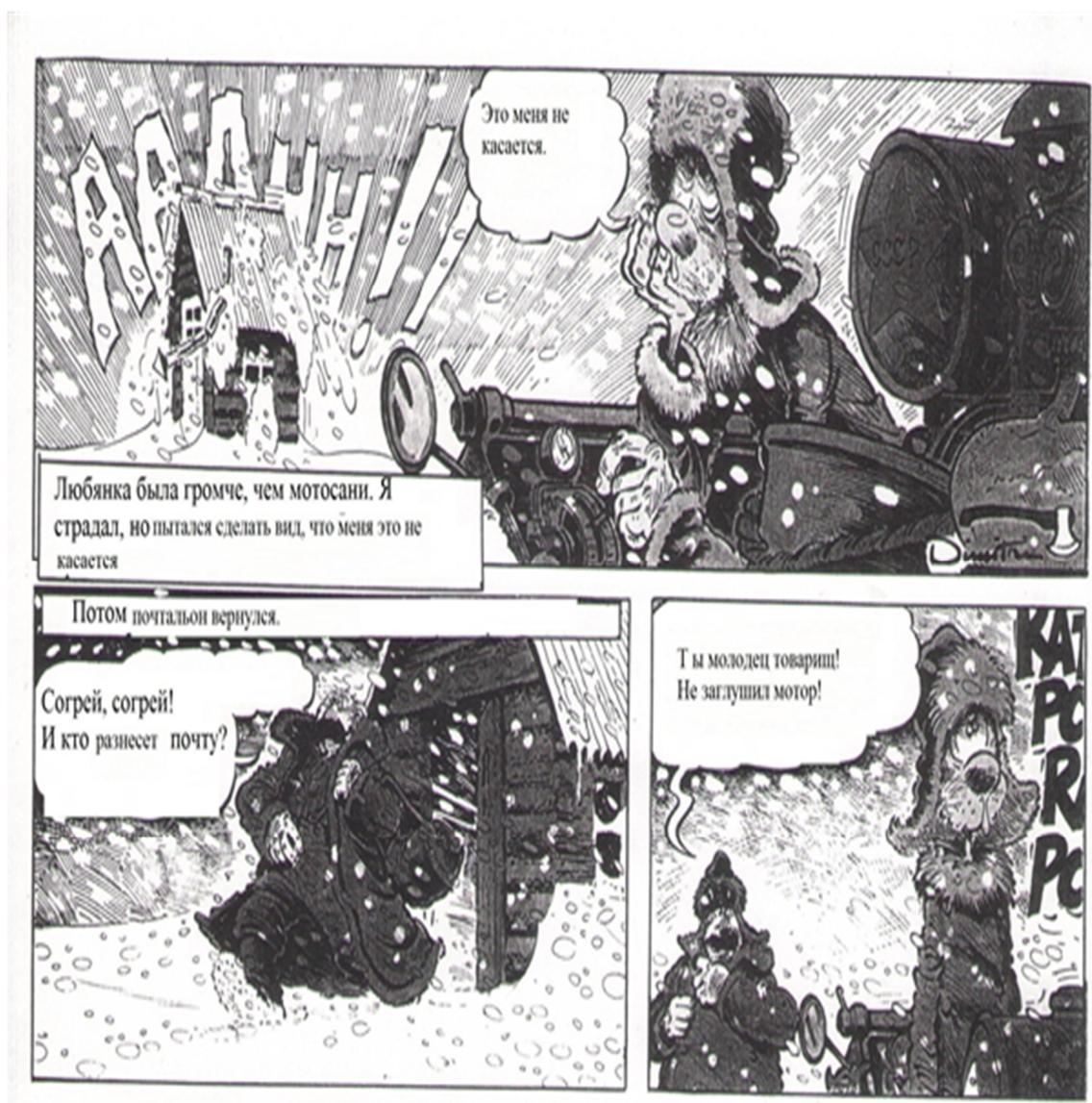

Арт Шпигельман "Maus: die Geschichte eines Überlebenden"

Вербальный текст и иконические знаки в графических романах А. Шпигельмана и Г. Мумину выполняют следующие функции: номинативную, информативную, дейктическую и функцию когерентности [2, с. 17].

Номинативная функция вербального текста проявляется в том, что написанное в филактере идентифицирует изображение, а иконические и вербальные знаки имеют одинаковую соотнесенность. В этом случае рисунок и вербальный текст иллюстрируют характер по отношению друг к другу; филактер повторяет изображение, в чем-то обогащая его:

Ги Мумину “Endstation Gulag“

Риго-Парк, Нью-Йорк, 1958

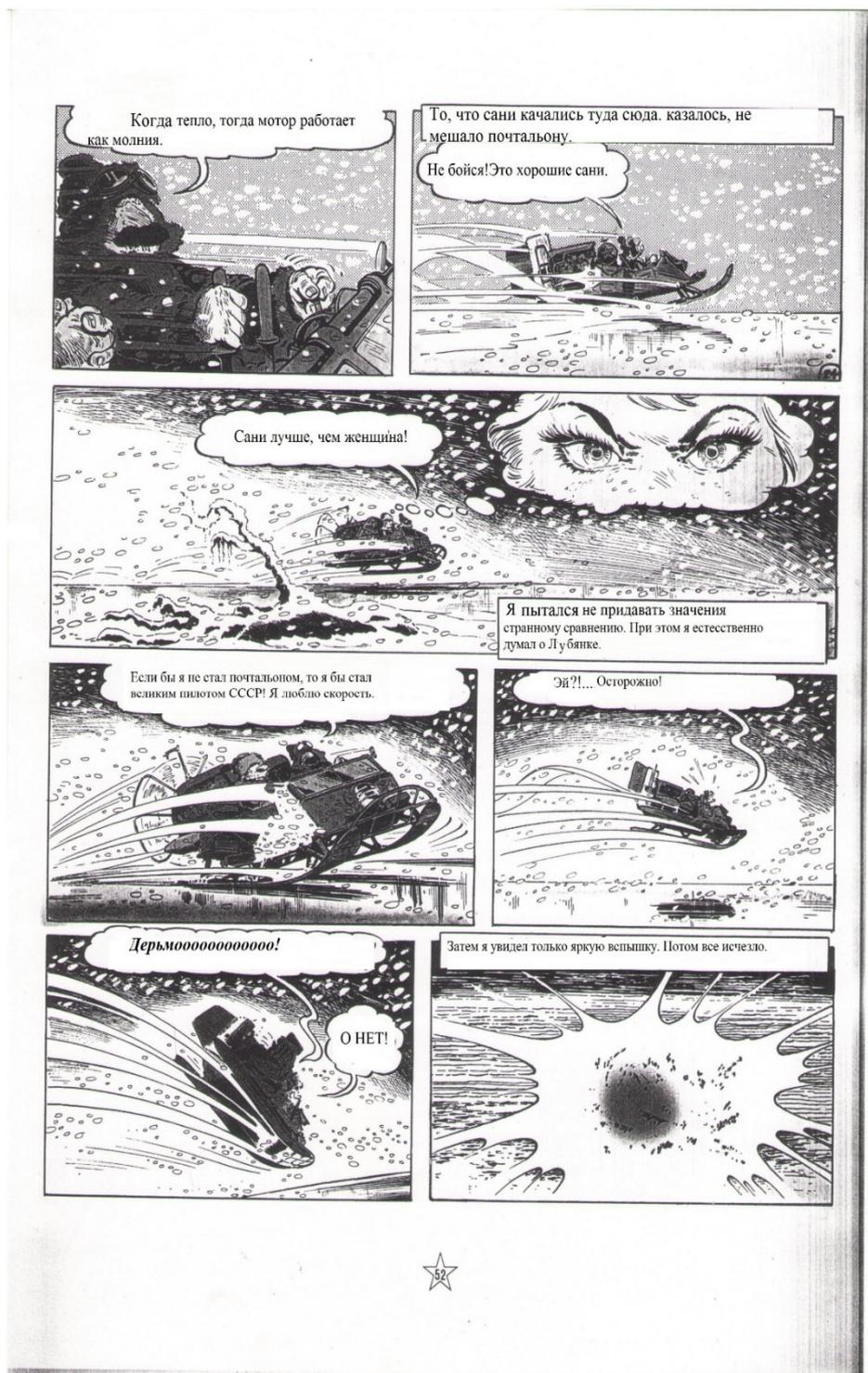

5

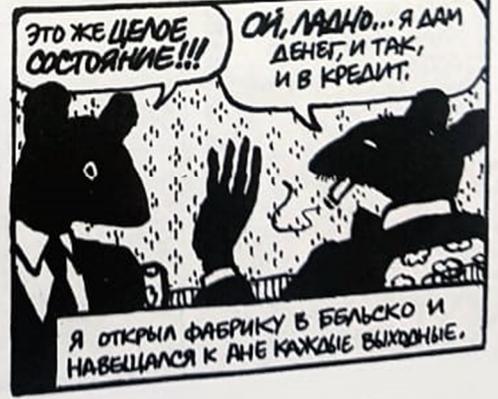
Арт Шпигельман „Maus: die Geschichte eines Überlebenden“

Информативная функция вербального текста появляется в том случае, если текст не просто дублирует изображение, а поясняет его, уточняет

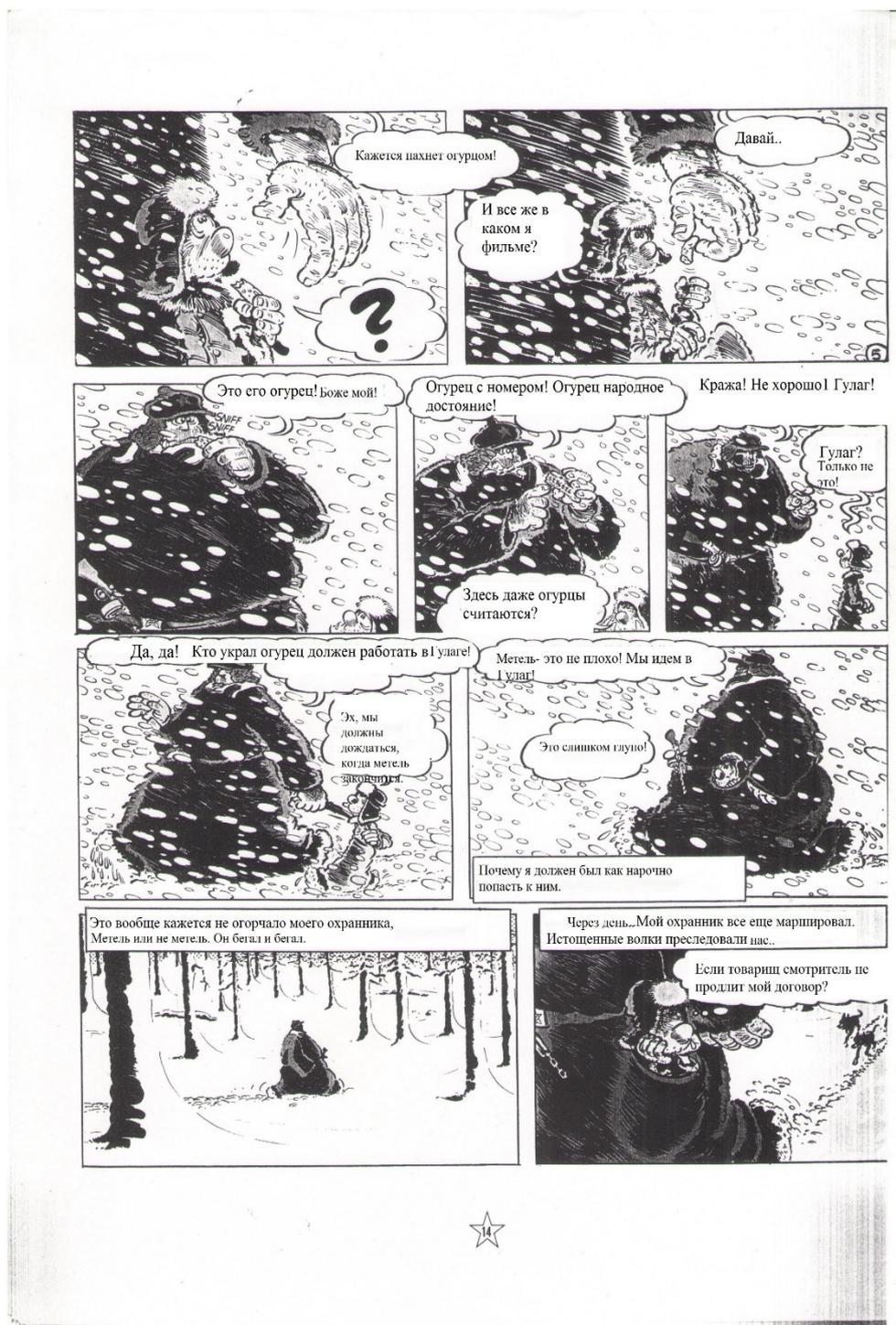
детали, комментирует и объясняет смысл происходящего, то есть сообщает дополнительную информацию, не переданную визуальным рядом:

Ги Мумину „Endstation Gulag“

Еще одной немаловажной функцией креолизованного текста является дейктическая функция. В представленных графических романах авторами используются такие лексические и грамматические средства, как повелительное наклонение и восклицательные предложения:

Ги Мумину “Endstation Gulag”

Арт Шпигельман “Maus: die Geschichte eines Überlebenden“

Также креолизованный текст в графических романах выполняет функцию когерентности, осуществляя связь между элементами изобразительного ряда, между рисунками и надписями внутри отдельного сегмента текста и сегментов между собой, обеспечивая тем самым целостность синтетического текста как визуально-вербального комплекса.

В целом можно сказать, что когерентность текстов комиксов Арта Шпигельмана и Ги Мумину – это в большинстве случаев результат постоянного взаимодействия визуального и вербального элементов. При этом авторы настолько легко и органично переплетают эти элементы друг с другом, что возникает ощущение единого синтетического повествования, подобно тому, как это происходит в кино [2, с. 15–27].

Креолизованные тексты оказывают огромное влияние на читателя не только из-за стыка вербальной и иконической систем, но и из-за использования определенных цветов, которые могут оказать психологическое воздействие.

Подводя итоги, можно отметить, что креолизованный текст является особым объектом исследования по сравнению с другими видами текстов, поскольку он представляет собой единство вербальных и визуальных компонентов. Каждая из составляющих данных текстов воздействует не сама по себе, а находясь под влиянием со стороны второй составляющей. В процессе анализа воздействия речевого сообщения семантика сообщаемого неотделима от семантики невербальных средств, так как они функционируют в речи слитно, речевое сообщение задумано автором и воспринимается реципиентом как единство языковых и неязыковых средств.

Креолизованные тексты давно стали частью жизнедеятельности отдельного человека и социума, они представляют собой средство коммуникации, инструмент воздействия на человека и особый продукт культуры. Таким образом, изучение роли различных видов знаний в интерпретации креолизованных текстов видится приоритетным направлением для научно-исследовательской работы в сфере не только

лингвистики, но и психологии, социологии, культурологии, маркетинга и рекламы.

Список литературы

1. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. – М.: Рип-Холдинг, 2003. – 174 с.
2. Ильичева Л. В. Рисованные рассказы В. Буша в переводах Д. Хармса и С. Маршака // Идеи, гипотезы, поиск: Выпуск 8. – Магадан: Кордис, 2001. – С. 15-27.
3. Ишкова А. В. Отражение лагерной проблематики в жанре комикса (на примере комикса “EndstationGulag”): выпускная квалификационная работа. – Магадан, 2017. – 111 с.
4. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
5. Шпигельман А. Маус: графический роман; пер. с английского В. Шевченко. – Москва: АСТ, 2014. – 296 с.
6. Dimitri. Bonaparte SSSR. 1: Endstation Gulag. – Hamburg: Comicplus, 1990. – 62 S.
7. Spiegelman A. Maus: die Geschichte eines Überlebenden. – Frankfurt a. M.: Fischer-Taschenbuch-Verl., 2015. – 293 S.

***PECULIARITIES OF TEXT CREOLIZATION ON THE EXAMPLE OF
COMIC BOOK TRANSLATIONS “MAUS: DIE GESCHICHTE EINES
ÜBERLEBENDEN” BY A. SPIEGELMAN AND “ENDSTATION GULAG” BY
G. MOUMINOX***

Elena Vladimirovna Narbut
Ekaterina Dmitrievna Kulshan
Magadan, Russia

Abstract. Peculiarities of creolized texts in the aspect of verbal and non-verbal components inter connection on contents-, contents-structural-and contents-linguistic level are viewed in the article.

Key words: creolized text, visualization, multiple modality.

ДОКЛАДЫ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ЯПОНСКОМУ ЯЗЫКУ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Акиба Дайсуке
г. Сидзуока, Япония

Пономарчук Сергей Николаевич
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.7

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают некоторые аспекты обучения японскому языку в неестественной языковой среде на примере филологического факультета СВГУ. В статье анализируется опыт работы преподавателя-носителя японского языка, отмечаются как положительные стороны (создание условий языковой среды), так и те трудности, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса (актуальность содержания учебных материалов; уровень самостоятельности студентов в обучении). Кроме того, один из авторов констатирует тот факт, что в методике обучения японскому языку проявляются тенденции к широкому применению IT-технологий, а также образовательных онлайн площадок, способствующих развитию, в первую очередь, коммуникативных навыков обучающихся.

Ключевые слова: японский язык, языковая среда, маругото, онлайн обучение, JFMinato

Активная политика нашего государства на сближение со странами Азиатско-Тихоокеанского региона – Китайской Народной Республикой, Японией, Республикой Корея, характеризующаяся развертыванием всестороннего сотрудничества в сфере экономики, торговли, а также образования и культуры, делает актуальным и своевременным внедрение в образовательные программы изучение восточных языков, в частности китайского и японского.

Следует отметить, что обучение японскому языку в СВГУ ведется уже достаточно давно – с 1993 года, и накопленный педагогический опыт

позволяет нашему университету оставаться в тренде и соответствовать современным запросам общества. С 2014 года на филологическом факультете СВГУ ведется подготовка по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профили «Китайский и японский языки». В рамках этой программы японский язык выступает как второй иностранный язык, что в определенной степени определяет характер методики обучения ему.

Как известно японский язык позаимствовал иероглифическую письменность из китайского языка и в современной Японии используют так называемое «смешанное письмо», которое включает в себя иероглифы, азбуку кана, латиницу и арабские цифры. Безусловно, иероглифика японского языка является достаточно сложным объектом для изучения, поскольку она принципиально отличается от западного типа письма – азбуки. Этот аспект в значительной степени усложняет изучение японского языка и требует от обучающихся значительных интеллектуальных усилий. Сложность овладения иероглифическим письмом японского языка смягчается тем фактором, что в рамках названной выше образовательной программы в первый год обучения студенты овладевают базовым уровнем китайского языка и его письменностью – иероглифами, которые стали прародителями японской системы письма. Исследовательская работа Кучкиной С. Г. [2] показывает степень отличий и схожести современных вариантов иероглифического письма Китая и Японии. Автор сопоставляет ключевые элементы иероглифов – радикалы (ключи), и отмечает большую долю идентичности в графическом облике и семантике этих элементов в китайском и японском языке. Кроме того, несмотря на проведенную реформу упрощения иероглифического письма в Китае, графически китайские и японские иероглифические знаки достаточно сопоставимы и узнаваемы. Таким образом, подходя к началу изучения японского языка, студенты уже овладевают основными нормами иероглифического письма – правилами написания, значениями ключевых элементов, знанием семантики большого

числа иероглифов. Это позволяет обучающимся сконцентрировать свое внимание на овладении фонетикой, лексикой и грамматикой японского языка и экономить значительные усилия по освоению его письменности.

Успешность овладения любым иностранным языком зависит от условий, в которых проходит образовательный процесс. Наиболее эффективные условия создаются в так называемой естественной языковой среде, в которой обучающийся овладевает языком в управляемом институционально организованном процессе и имеет обширную практику применения полученных знаний внутри и за пределами учебного заведения в ходе прямых контактов с носителями языка. Такой вариант изучения языка признается и отечественными и зарубежными специалистами как наиболее эффективный. Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез считают, что «эффективность обучения этому предмету будет во многом определяться степенью приближения учебного процесса к условиям управляемого овладения языком в естественной языковой ситуации». [Гальскова, 2006: 50]. Следовательно, обучение языку за пределами страны изучаемого языка должно стремиться к воссозданию условий естественной языковой среды.

К условиям обучения в естественной языковой среде можно отнести:

1. Изучение языка с преподавателями носителями языка.
2. Активное познание культуры через непосредственные контакты с ее представителями.
3. Обширная практика применения полученных знаний за пределами учебного заведения, в том числе систематическое выполнение определенных заданий под руководством педагогов.

Из представленных характеристик следует, что обучение иностранному языку за пределами страны изучаемого языка должно проводиться под руководством преподавателя-носителя языка, при активном вовлечении учащихся в изучение культуры страны изучаемого языка и систематическом использовании иностранного языка за рамками учебного процесса.

На филологическом факультете СВГУ ежегодно работают квалифицированные преподаватели из Китая и Японии. Как показывает практика, иностранный преподаватель способен не только обучить родному языку, но и познакомить учащихся с особенностями культуры своей страны, мышлением своего народа. Таким образом, он решает еще одну важную задачу – повышает мотивацию учащихся к более глубокому изучению и пониманию языка и культуры своей страны.

Справедливости ради, следует отметить, что работа преподавателя-носителя языка в условиях неестественной языковой среды сопряжена с рядом трудностей. Первое, что обращает на себя внимание, это устаревшая учебно-методическая литература. За исключением центральных городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока и т.д., в небольших региональных вузах основной учебный материал уже не отображает современные реалии японского языка на лексическом и грамматическом уровне, а также те социальные изменения, которые произошли в японском обществе за последние годы [5]. Это затрудняет развитие у студентов коммуникативных навыков, содержательно адекватных современному состоянию японского языка. Для разрешения этой ситуации на уровне нашего вуза в 2019 году филологический факультет СВГУ получил грант Японского Фонда на приобретение учебной литературы в Японии, а именно современного учебного пособия *маругото*, которое создано группой авторов и регулярно переиздается. Содержательная часть этого пособия отображает изменения в японском языке, в особенности в его разговорном варианте, которые произошли на волне глобализации с начала 21 века.

Отметим, что с завершением в 2018 г. «Года Японии в России» сократилось финансирование грантов Японского Фонда в Российской Федерации. На этом фоне важным становится использование образовательных интернет ресурсов, таких как JFMinato Японского Фонда, построенного на базе указанного выше учебного пособия.

Следующая проблема, на которую следует обратить внимание, – это учебная позиция студента. В отчете исследователя РизОгума из «Женского университета Отяномидзу» (Япония), отмечается, что изучение японского языка студентами в Москве носит пассивный характер [3]. Это может быть связано с ограниченными образовательным пространством и учебными ресурсами. По этой причине обучающемуся трудно продолжать самостоятельно изучать японский язык после окончания учебного заведения, в частности университета. Самостоятельность важна для обучения в любой области, но, на наш взгляд, уровень самостоятельности студента особенно сильно влияет на языковую подготовку в среде обучения вне страны изучаемого языка, где возможности для изучения японского языка ограничены. Эти тенденции еще более выражены в Магадане, в его более ограниченных условиях по сравнению с такими крупными городами, как Москва. Решение этой проблемы, на наш взгляд, видится в построении такого образовательного процесса, который бы соответствовал интересам и ожиданиям обучающегося. Полагаем, что использование современных IT-технологий способно устранить временные и пространственные ограничения в изучении японского языка, а также стимулировать рост уровня самостоятельности студентов в обучении. Ярким примером такого подхода являются, получившие в последние годы популярность среди обучающихся, онлайн встречи с носителями языка, во время которых студенты повышают уровень своих коммуникативных навыков.

Безусловно, в современных условиях, описанных выше, изменяется и роль преподавателя. С 90-х годов прошлого столетия в методике преподавания японского языка сместился акцент с развития языковых, в первую очередь, грамматических навыков и навыков перевода на формирование коммуникативных навыков обучающихся. Кроме того, растет интерес студентов не только к традиционной культуре, литературе и истории Японии, но и также к современному японскому обществу и его субкультурам [4]. На этом фоне преподаватели японского языка должны учитывать тот

факт, что потребности обучающихся разнообразны, а их мотивы обучения выходят за рамки процесса подготовки специалистов по японскому языку [6].

20 сентября 2019 года правительство Японии приняло решение учредить национальную квалификацию для учителей японского языка при участии Подкомитета Совета по культуре консультативного органа Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники. По мнению исследователя РизОгумав 2016 году обучение японскому языку вступило в переломный момент. Это отмечено в её анализе образовательной практики применения активного обучения (active learning) – 34 раза в течение одного года московских студентов 4 курса, изучающих японский язык. Автор исследования отмечает, что развитие информационных технологий значительно изменит методику преподавания японского языка, сделает её независимым от географических границ и материальных недостатков. Однако, считается, что вопрос о том, как повысить уровень самостоятельности обучающихся при сохранении их мотивации, станет наиболее серьезным.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – 3-е изд., стер. – М.: «Академия», 2006. – 336 с.
2. Кучкина С. Г. Иероглифика китайского и японского языков. Сопоставительный анализ языкового материала начального уровня. Вып. квалифик. раб. / Науч. рук-ль С. Н. Пономарчук. – Магадан: СВГУ, 2019. – 73 с.
3. Rie Oguma. What did University Students in Moscow Learn from a Student-led Japanese Class? / 小熊利江「モスクワの大学生は学習者主導型の日本語授業から何を学ぶか」 – Tokyo: The University of Tokyo, Center for Global Communication Strategies, 2017.

4. Uliana STRIZHAK, Miki OTA. Challenge to Japanese education paradigmshift in Russia: On the basis of the higher education institutions analysis in Moscow Contents and conceptualization of Japanese language learning: “Charming” or “arming” learners? – ウリヤナストリジャック 大田美紀 (2018) 「ロシアにおける日本語教育パラダイムシフトへの挑戦ーモスクワ高等教育機関を例に/ The Proceedings of The 20thJapanese Language Symposium in Europe 7-9 July, 2016ー日本語教会(AJE)ヴェネツィア2016年日本語教育国際研究大会報告.

5. 国際交流基金 (2017) 『ロシア (2015年度) 日本語教育国・地域別情報』 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jpfa.go.jp/j/project/japanese/survey/area/country/2017/russia.html> (дата обращения: 01.09.2019).

6. 今井新悟いまいしんご (2018) 「いちばんやさしい日本語教育入門」アスク出版

***SOME ASPECTS OF TEACHING THE JAPANESE LANGUAGE
IN THE NORTH-EASTERN STATE UNIVERSITY***

Akiba Daisuke
Shizuoka, Japan
Sergey Nikolaevich Ponomarchuk
Magadan, Russia

Annotation. In this article, the authors consider some aspects of teaching the Japanese language in an unnatural language environment, using the example of the philological faculty of Nizhny Novgorod State University. The article summarizes the experience of a native Japanese teacher, notes both the positive aspects (creating the conditions of the language environment) and the difficulties that participants in the educational process encounter (relevance of the content of educational materials; level of students' independence in learning). In addition, one of the authors notes the fact that the Japanese language teaching methodology

shows tendencies towards the widespread use of IT technologies, as well as online educational platforms for the development, primarily, of students' communication skills.

Key words: Japanese language, language environment, marugoto, online learning, JF Minato

**СОЦИОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОСТОРЕЧИЙ (НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО КЛУБА»)**

Бурдина Анастасия Григорьевна
г. Магадан, Россия

Герасименко Ирина Владимировна
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.8

Аннотация. В статье исследуются языковые особенности речи людей различных социальных слоев населения с позиции социо- и прагмалингвистических сторон в произведении английского романиста Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Авторами проведен анализ и систематизация данных, полученных в ходе сравнения речи людей, имеющих различный социальный статус.

Ключевые слова: прагматика, социопрагматика, социальный статус, социалингвистика, сравнительно-сопоставительный анализ, разговорная лексика, стилистически сниженная лексика, просторечие.

Проблема социального неравенства на протяжении многих столетий привлекает внимание философов и ученых, изучающих не только сам феномен, но и отношение к нему с общественной позиции. Социальная дифференциация, существует в любом обществе, поскольку в каждом обществе имеют место различные по своему положению социальные группы.

Язык социального статуса представляет собой сложную систему значений соотносительного неравенства между участниками общения. Эти значения выражаются в жизненных стилях людей, культурных ценностях и нормах поведения и поэтому многообразно представлены в языке как средство общения.

Среди исследователей социального статуса, как прагмалингвистической категории существуют различные подходы к его

определению. Е. В. Андриенко описывает социальный статус как позицию члена группы в системе межличностных предпочтений. В. И. Карасик же утверждает, что это соотносительное положение человека в социальной системе.

Исследования в области лингвистической прагматики стремительно развиваются и отличаются исключительной многоаспектностью. В настоящее время ведутся многочисленные исследования над прагмалингвистическими категориям, их количеством и названиями и классификацией.

Согласно классификации Е. А. Быгановой, к прагмалингвистическим категориям относят:

- категорию адресата, адресанта, прямого / непрямого высказывания (Е. И. Шендельс);
- категорию некатегоричного высказывания (Т. П. Сонич);
- категорию контактности (Б. С. Жумагулова);
- косвенного высказывания (Т. А. Шишкина) и т. д. [Быганова, 2009: 63].

Категории прагмалингвистики достаточно разнообразны и вариативны. Социальный статус участников общения находит выражение в особенностях общения и его сферах, в способах воздействия и прагматических значениях языковых единиц, в типах адресатов и в виде высказывания. Категория социального статуса как объекта лингвистических исследований может быть рассмотрена с позиции прагмалингвистики, и в данном аспекте будет выражаться с помощью различных средств.

В данной работе мы подробнее рассмотрим такое средство выражения социального статуса, как использование просторечной лексики в ходе коммуникации.

«Просторечия – слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, черты произношения, отклоняющиеся от литературной

нормы и имеющие оттенок стилистической сниженности» [Арнольд 2002: 73].

Просторечия часто допускаются в разговорной и могут употребляться в художественной речи для создания определенного колорита. В разговорной речи просторечные элементы встречаются в фонетике, словообразовании, морфологии, синтаксисе, лексике. Однако, введение просторечных слов, выражений, оборотов в литературную речь нарушает ее правильность – одно из главных коммуникативных качеств речи.

В данной работе мы обратились к материалу Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» и методом сплошной выборки провели отбор слов и фраз с признаком социального статуса героев романа, что позволило произвести сравнительно-сопоставительный анализ речи главных персонажей романа с низким социальным статусом, а именно: кэбмэн/извозчик Сэм, чистильщик сапог Сэм (Сэм Уэллер), слуга Джо.

Кэбмэн/Извозчик Сэм – странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции диковинок. Это был уотермен – специальный слуга па стоянке пассажирских и почтовых карет; его обязанности – поить лошадей и следить за очередностью посадки пассажиров.

Слуга Джо – слуга мистера Уордла, который потреблял чрезмерное количество пищи и мог уснуть в любой момент независимо от времени суток, места и ситуации. Проблема сна Джо, которого так же называли «жирный парень» происхождение медицинского термина «Синдром Пиквика».

Сэм Уэллер – слуга мистера Самюэля Пиквика, наделенный всеми качествами и свойствами, которых так не доставало хозяину. Изначально предстает перед читателем как чистильщик сапог в гостинице. Сэм ловок, изворотлив и находчив, но в то же время наделен всеми лучшими качествами, которые могут быть присущи человеку из народа: бескорыстие, отзывчивость, ясный ум и сильный дух. Невозможно не восхититься

красноречием этого героя и то, с каким умением и остроумием он изрекает каламбуры и фразы, ставшие афоризмами.

Обратимся к речи вышеупомянутых персонажей с низким социальным статусом и выявим языковые единицы, сигнализирующие их социальный статусе.

Для большей репрезентативности мы можем представить выделенные нами языковые единицы в речи людей с низким социальным статусом в виде следующего фрагмента таблицы.

Таблица 1

<i>the driver Sam</i> (Кэбмэн/ИзвозчикСэм)	<i>Servant Joe</i> (Слуга Джо)	<i>the boot-cleaner Sam,</i> <i>Sam Weller</i> <i>(чистильщик саног</i> <i>Сэм, Сэм Уэллер)</i>
...but <i>we seldom takes</i> him home, on account of his weakness (Dickens: 12).	<i>I want to make your</i> flesh creep (Dickens: 113).	Ask number twenty-two, <i>vether</i> he'll have 'em now, or <i>vait</i> till he gets 'em (Dickens: 133).
Only a bob's <i>vorth</i> (Dickens: 11).	... <i>a-kissin'</i> and <i>huggin'</i> (Dickens: 114).	No, no; <i>reg'lar</i> rotation, as Jack Ketch said, <i>ven</i> he tied the men up. Sorry to keep you <i>a-waitin'</i> , Sir, but I'll attend to you directly (Dickens: 133).
Two or three <i>veeks</i> (Dickens: 12).	<i>Worsertanthat</i> (Dickens: 114).	<i>Wouldn't be gen-teel</i> to answer, till you'd done talking (Dickens: 134).
When he's took out <i>o'</i> the cab (Dickens: 12).	I see her <i>a-kissin</i> (Dickens: 114).	<i>Iy</i> didn't you say so before (Dickens: 134).

<p>But when he's in it, <i>we bears</i> him up <i>werry</i>tight, and <i>takes</i> him in <i>werry</i>short, so as he can't <i>werry</i> well falldown; and we've got a pair o' <i>precious</i> large wheels on, so <i>ven he</i></p> <p><i>does move</i>, they run after him, and he must go on (Dickens: 12-13).</p>	<p>All that sort of <i>thing--eh, ma'am--eh?</i> (Dickens: 116).</p>	<p>For all I <i>know'd</i> he was <i>one o' the regular threepennies</i>. Private room! <i>and</i> a lady too! If he's anything of a <i>gen'l'm'n</i>, he's <i>vruth a shillin'</i> a day, let alone the <i>arrands</i> (Dickens: 134).</p>
<p>'would anybody believe as an <i>informer'ud</i> go about</p> <p>in a man's cab, not only <i>takin'down</i> his number, but <i>ev'ry</i> word</p> <p>he says into the <i>bargain'</i> (Dickens: 13-14).</p>	<p><i>Mus'r</i> Jingle and Miss Rachael, in a <i>po'-chay</i>, from Blue Lion, Muggleton. I was there; but I couldn't stop '<i>em</i>; so I run off <i>totell 'ee</i> (Dickens: 122).</p>	<p>Two coves in <i>white</i> aprons--<i>touches</i> their hats <i>ven</i> you walk in-"<i>Licence, Sir, licence?</i>" Queer sort, them, and their <i>mas'rs</i>, too, sir--Old Bailey Proctors--and no mistake (Dickens: 135).</p>
<p>And then <i>arter aggerawatin'</i> me to assault him (Dickens: 14).</p>	<p>They <i>ha'</i> gone, <i>mas'r!--gone</i> right clean off, Sir! (Dickens: 122)</p>	<p>My father, Sir, <i>wos</i> a coachman ...quite the <i>gen'l'm'n</i> (Dickens: 135).</p>

Проанализировав речь героев с низким социальным статусом, мы выявили несколько наиболее ярких примеров в речи людей с низким социальным статусом, реализованных автором посредством просторечий в которые включили помимо словника оригинала переводческие соответствия из переводов романа Ч. Диккенса, выполненных двумя коллективами переводчиков: А. Кривцовой и Е. Ланн; А. Горнфельдом и Г. Шпетом.

«But when he's in it, *we bears* him up *werry* tight, and *takes* him in *werry* short, so as he can't *werry* well falldown; and we've got *a paio' preciouslarge*

wheels on, so *ven hedoes move*, they run after him, and he must go on (*the driver Sam*). (Dickens).

«А в тесной упряжи *да когда вожжси туго натянуты* она и не может так просто свалиться; да *пару отменных больших колес приладили*; как *тронется*, они катятся на нее сзади; и она должна бежать (*Кэбмэн/Извозчик Сэм*). (Перевод: Кривцова, Ланн).

«А в очень тесной упряжи, *да с коротко натянутыми вожжсами*, она не может свалиться – очень просто. *Колеса у нее чудесные*, так что *стоит ей только тронуться*, катятся на нее сзади и подгоняют» (*Кэбмэн/Извозчик Сэм*). (Перевод: Горнфельд, Шпет).

«*Mus'r Jingle* and Miss Rachael, *in a po'-chay*, from Blue Lion, Muggleton. I was there; but I couldn't *stop 'em*; so *I run off totell 'ee*» (*Servant Joe*). (Dickens).

«*Мистер Джингл* и мисс Рейчел, *в дорожной карете* из «Синего Льва» в Магльтоне. Я был там, но не мог *их задержать*. Вот *я и прибежал рассказать вам*». (*Слуга Джо*). (Кривцова, Ланн).

«Мисс Рейчел *смистером Джинглем*, в *пост-шезе*, из магьтонского «Синего Льва», сэр» (*Слуга Джо*). (Горнфельд, Шпет).

«We shan't *make ourfort'ns*. *We eat our biledmutton* without capers, and don't care for horse-radish *ven ve can get beef*» (*the boot-cleaner Sam, Sam Weller*). (Dickens).

«Да и капитала *не сколотим*. *Едим вареную баранину* без каперсов, а *дадут жаркое* – о хрене не думаем» (*чистильщик сапог Сэм, Сэм Уэллер*). (Кривцова, Ланн).

«*С голода не пухнем, с жиру не лопаемся*. *Есть мясо*, о хрене не думаем» (*чистильщик сапог Сэм, Сэм Уэллер*). (Горнфельд, Шпет)

Также примерами просторечий выступают: «'ee», «worser», «vere», «white», «I ain't», «vile», «archvay», «vorth», «veeks», «damme», «Dash my veskit», «Thank'ee», «one o' the regular threepennies», «vagin», «babby», «wery», «vurth a shillin', «I wants», «we seldom takes», «I know'd», «we bears him up and takes him», «We eats our biled», «vile I makes», «They puts», «My father wos a coachman», «informer'ud», «aggerawatin'», «po'-chay», «thing--eh», «ma'am--eh», «a-kissin'», «fort'ns», «b'sides», «gen'l'm'n's», «a-waitin'», «Vouldn't be gen-teel».

Данный стилистический прием помогает воссоздать ситуацию простого и неформального общения в низких социальных слоях английского общества, ориентировать читателя на восприятие текста через самовыражение героя и погрузить непосредственно в созданную автором атмосферу, продемонстрировать речевую характеристику и напрямую указывают на низкий социальный статус говорящего.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ речи главных персонажей романа, способствовал выявлению взаимосвязи речи со статусом говорящего. Авторы пришли к выводу, что язык социального статуса является одной из важных проблем прагмалингвистики, а также сложной системой значений соотносительного неравенства между участниками общения. Данные значения выражаются в образе жизни людей, их культурных и моральных ценностях и нормах поведения, что напрямую отражается на их языке.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. М.: Наука, 2002. 384 с.
2. Быганова Е. А. Социальный статус как объект лингвистических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 560. С. 59–67.

Список источников:

1. Dickens Ch. The Pickwick Papers. Wordsworth Editions Limited Cumberland House, Crib Street, Ware, Hertfordshire, 2000. 862 p.
2. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Главы I – XXIX. М.: Правда, 1981. 480 с.
3. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. Главы XXX – LVII. М.: Правда, 1981. 480 с.
4. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: Роман: Сокращ. Пер. с англ. под ред. А. Г<орнфельда> и Г. Ш<пета>. Нов. Ред. М. Тюнькиной / Коммент. Г. Шпета. – М.: Издательство Независимая Газета, 2000. 823 с.

***THE SOCIOPRAGMATIC ASPECT OF VERNACULAR (BASED ON
CH.DICKENS'S NOVEL "THE PICKWICK PAPERS")***

Anastasia Grigoryevna Burdina
Irina Vladimirovna Gerasimenko
Magadan, Russia

Annotation. The article explores the linguistic characteristics of various social groups through the socio- and pragmalinguistic aspects in the work of the English novelist Ch. Dickens «The Pickwick Papers». The authors analyzed and systematized the data obtained in the course of comparing the speech of people with different social status.

Key words: pragmatics, sociopragmatics, social status, sociolinguistics, comparative analysis, colloquial vocabulary, stylistically low-colloquial vocabulary, colloquialism.

**ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. СНИКЕТА «33 НЕСЧАСТЬЯ»**

Волкова Юлия Борисовна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.9

Аннотация. Культура и национальные особенности отражены во фразеологии. Переводчик должен передать смысл близко к содержанию и структуре оригинального текста в процессе перевода.

Ключевые слова: стереотипы, фразеология, фразеологическая единица, фразеологический аналог, описательный перевод.

Языковое выражение стереотипов в виде фразеологических единиц представляется нам одним из наиболее ярких отражений культурного потенциала нации, поскольку фразеологические единицы как «репрезентаторы национального менталитета» являются «средством выражения сущности концептуальной структуры этнокультурного сознания» [Алефиренко, 2010: 169].

Постоянное взаимовлияние языковой и культурной картины мира приводит к изменениям в языковом сознании личности, отражающимися в его речи. Фиксация подобных состояний сознания в определенный период времени представляет научный интерес, поскольку позволяет изучать и сравнивать изменения картины мира носителей языка в диахроническом аспекте. Английская фразеология богата и разнообразна по форме и семантике, представляет большие трудности и для изучающих язык, и для переводчика. Это можно объяснить тем, что многие фразеологические единицы – яркие, эмоционально-насыщенные обороты и носят ярко выраженный национальный характер.

В этой связи заметим, что в процессе рецепции богатейшей английской фразеологии перед переводчиком открываются не только большие

возможности, но возникают и существенные трудности. Опытный переводчик обязан не только просто знать фразеологические единицы исходного языка, но и глубоко прочувствовать их, чтобы не допускать ошибок или неточностей при переводе.

В данной работе мы делаем акцент на особенностях отражения национальных стереотипов в английской фразеологии на материале произведения Л. Сникета «33 несчастья», а также в первом приближении рассматриваем способы перевода фразеологических единиц на русский язык, что является одной из задач нашего дальнейшего исследования.

Происхождение фразеологических единиц современного английского языка имеет разнообразные источники. А. В. Кунин в своей книге «Фразеология современного английского языка», которая является первым опытом систематизированного описания фразеологии современного английского языка, выделяет три основные группы, на которые можно разделить английские фразеологизмы по происхождению.

1. Исконно английские фразеологические единицы;
2. Фразеологические единицы, заимствованные из иностранных языков;
3. Фразеологические единицы, заимствованные из американского варианта английского языка [Кунин, 1972: 22].

Кроме того, огромную роль в обогащении фразеологического запаса английского языка сыграли произведения писателей, таких как Вильям Шекспир («*sake and ale*», что дословно означает «пирожные и пиво», можно перевести как «беззаботное веселье» или «наслаждение жизнью»), Джеффри Чосер («*murder will out*» – «шила в мешке не утаишь»), Эдмонд Спенсер («*a squire of dames*» – «дамский угодник»), Джон Беньян («*the Slough of Despond*» – «безнадежное уныние»), Томаса Браун («*doctor Fell*» – «человек, вызывающий к себе невольную антипатию») и многие другие писатели XVII, XVIII, XIX, и XX веков, такие как Вильям Давенпорт, Бен Джонсон, Джон Мильтон, Роберт Бернс, Эдмунд Берк, Джон Гэй, Томас Грей, Оливер

Голдсмит, Уильям Вордсворт, Чарльз Диккенс, Томас Кэмпбелл, Вальтер Скотт, Редьярд Киплинг и т.д.

Изучая ту или иную страну, можно сделать вывод, что национальный характер свойственен каждому народу и англичане не исключение. Трудно говорить о характере англичан, так же как и трудно говорить о характере русских, японцев или любого другого народа в целом. Однако какие-то наиболее типичные черты или нормы поведения отличают один народа от другого. Характер англичан противоречив. Главные черты английского характера достаточно ясны, они проходят сквозь все классы общества и не поддаются воздействию времени [Ощепкова, 2006: 294].

Основные и самые яркие черты характера у уклада жизни англичан это:

- консерватизм
- сдержанность в эмоциях и самообладание
- тщеславие и высокомерность
- деловитость и расчетливость

Стереотипы отражают культуру и историю той или иной страны, к которой они принадлежат. Большинство стереотипов давным-давно устарели или могут быть далеки от правды, но, несмотря на это, благодаря стереотипам мы можем составить картину о страны, хоть и не полную.

В произведении Л. Сникета были обнаружены фразеологические единицы, описывающие основные стереотипы англичан.

Так, вы можете увидеть стереотипы о деловитости и расчетливости англичан и об особом отношении к деньгам и к стабильности. Представлены фразеологические единицы, которые описывают деловую хватку, любые дела нужно делать с осторожностью. Такие фразеологические единицы как «keep one's eyes open» – «смотреть внимательно», «casing the joint» – «прощупать почву», «cook up some plan» – «выдумать план», «do one's best» – «с трудом», «heaps of money» – «большая сумма денег» подтверждают это. Широко известный стереотип об англичанах – это их сдержанность в чувствах, эмоциях и поступках, они меньше всего подвержены влиянию

моды и времени – отличительная черта англичан – консерватизм, англичане также очень предусмотрительны. Такие фразеологические единицы как «go easy on» – «быть тактичным», «keep it out of one's eyes» – «держаться подальше», «keep one's eyes open» – «смотреть внимательно», «feeling like a fifth, sixth and seventh wheel» – «чувствовать себя третьим лишним» показывают нам, что англичане много думают, прежде чем сказать, и многие темы, такие как о личной жизни, заработке, увлечениях остаются нетронутыми в разговоре.

Честь и внешность для англичан очень важны, они не будут скрывать нечестные дела и вести грязные игры, но также они не будут рассказывать о своих проблемах окружающим, будут скрывать их под улыбкой. Об этом нам говорят следующие фразеологические единицы «spit out» – «говорить на чистоту», «wear a smile» – «постоянно улыбаться», «grinning from ear to ear» – «улыбаться во весь рот», «lit up with a smile» – «засияла улыбка». Проанализировав английские фразеологические единицы можно прийти к выводу, что перемены постоянно происходят в мире, но англичане меньше всего подвержены им и пытаются сохранить свою индивидуальность.

В произведении были также выделены фразеологические единицы, которые нетипичны для англичан. Это вызвано тем, что в большинстве случаев данные фразеологические единицы используются для описания отрицательных героев, имеющие негативные качества, которые нетипичны для англичан и, которые они высмеивают. И для описания ситуаций, в которые попадают главные герои. Эти ситуации могут быть, как радостными и счастливыми, так и могут заставлять испытывать главных героев чувства страха и трусости. Например, такие фразеологизмы единицы, которые носят отрицательный характер, как «to be up to something» – «затевать что-то», «drive nuts» – «сводить с ума», «keep slipping one's mind» – «постоянно забывать», «keep clouding one's mind» – «затуманить голову», «get your hands on» – «прибрат к рукам» раскрывают негативные черты героев и ситуаций. Англичане очень порядочные люди и честь для них на очень важна, поэтому

вести грязные дела они не станут, чтобы не запятнать свою честь. Фразеологические единицы «an inch from death» – «на волосок от смерти» – «throw caution to the winds» – «отбросить осторожность», «be pushing his luck» – «испытывать судьбу», «at random» – «наугад» и «lose one's heads» – «потерять голову» так же противоречат основным стереотипам об англичанах, таких как стабильность, уверенность, предусмотрительность. Истинный англичанин всегда хорошо обдумывает каждое свое действие, никогда не будет испытывать судьбу и делать даже незначительные дела наугад, потому что от каждого маленького шага зависит будущее. Широко известный стереотип о сдержанности англичан в чувствах и эмоциях так же хорошо всем известен, но следующие стереотипы говорят, что в эмоциональных ситуациях под действием страха англичане проявляют свои эмоции. Например, «can't move for fear» – «от испуга даже не мог пошевелиться», «the bottom drop out of his stomach» – «сердце разорвется на части», «face was twisted with fury» – «лицо исказилось в ярости», «blood was pounding in his ears» – «кровь стучала в его голове», «tear limb from limb» – «разорвать на куски» Огромное количество фразеологических единиц, описывающих состояние страха и волнения можно объяснить тем, что в данном произведении Л. Сникета «33 несчастья» главные герои дети, которые сталкиваются с трудностями и устрашающими ситуациями, кроме того, дети очень чувствительны и эмоциональны, поэтому воспринимают все более ярко, чем взрослые. Такие фразеологизмы как «burst into tears» – «расплакаться», «catch one's breath» – «перевести дух», «sob story» – «давить на жалость» подтверждают это.

Для достижения максимальной адекватности при переводе фразеологических единиц переводчик должен уметь использовать различные способы перевода. Для перевода образной фразеологии Л. Ф. Дмитриева, В. Н. Комиссаров, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич и Н. Ф. Смирнова выделяют 4 основных способа:

1) Эквивалент, то есть имеющий в русском языке адекватный фразеологический оборот, который совпадает с английским по смыслу и по образной основе, например, «break the silence» – «нарушить тишину», «lose one's heads».

2) Использование русского фразеологизма, аналогичного по смыслу английскому, но основанного на другом образе. Подобные фразеологизмы называются фразеологическими аналогами. Например, «faster than blinking» – «и глазом не моргнуть», «nose in the air» – «задрав нос к потолку».

3) Переводчик может использовать дословный перевод, другими словами калькирование фразеологических единиц лишь в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого легко воспринимается русским читателем и не создает впечатления неестественности и несвойственности общепринятым нормам русского языка. Например: «like a cork shot out of a bottle» – «как пробка вылетевшая из бутылки».

4) В целях, объяснения смысла фразеологической единицы, которая не имеет в русском языке ни аналога» ни эквивалента и не подлежит дословному переводу, переводчику необходимо прибегнуть к описательному переводу. Например, «cut the Gordian Knot» – «решить проблему».

Изучив способы перевода и проанализировав фразеологические единицы из произведения Лемони Сникета «33 несчастья, можно прийти к выводу, что переводчики в своей работе использовали такие способы, как эквивалент, описательный перевод, аналог и калькирование. Переводчики в большей степени прибегали к использованию эквивалентов. Например, такие эквиваленты как «catch one's breath» – «перевести дух», «gain the upper hand» – «одержать верх», «make a fuss» – «создавать лишних проблем», «find a needle in a haystack» – «найти иголку в стоге сена». Описательный перевод переводчики применяли в целях объяснения смысла фразеологической единицы, которая не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу. Например, «cut the Gordian Knot» – «решить

проблему», «wolfing down» – «поглощать с удовольствием», «sinking in one's stomach» – «сродни революции в желудке». В меньшей степени переводчики использовали способ перевода аналог, например, «from head to toe» – «с головы до пят», «take the cake» – «достаться с полна», «sob story» – «давить на жалость», «break a leg» – «ни пуха, ни пера». При переводе произведений с английского на русский язык переводчики также использовали калькирование, например, «lock up the barn after the horses are gone» – «поздно запирают конюшню, когда лошади украдены», «falling for something hook, line, and sinker» – «заглотать наживку вместе с крючком и грузилом», «game have high stakes», «игра с высокими ставками», «feeling like a fifth, sixth and seventh wheel» – «чувствовать себя пятым, шестым и седьмым колесами в машине», Перевод фразеологических единиц очень трудная задача для переводчика, требующая хорошего знания языка, истории, культуры, кроме того, переводчику необходимо уметь распознать фразеологические единицы в текстах и отличать устойчивое сочетание от переменного.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Эллис, 2008. – 272 с.
2. Дмитриева Л.Ф. Английский для студентов. Курс перевода. [Т.] Ростов н/Д.:МарТ, 2005. [Т.] 304 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Т.] М.: Высшая школа, 1990. [Т.] 253 с.
4. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: [Т.] М.: Международные отношения, 1972. [Т.] 289 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. [Т.] М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
6. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М./СПб: Глосса/Каро, 2006. – 336 с.

7. Сникет Л. «Змеиный зал» [электронный ресурс] URL:http://alibet.net/writer/2597/books/7690/snicket_lemoni/tridtsat_tri_neschasty_a_-_2_zmeinyiy_zal (дата обращения: 02.04.2018)
8. Сникет Л. «Скверное начало» [электронный ресурс] URL:<http://lemonysnickets.ru/books.php> (дата обращения: 02.04.2018)
9. Сникет Л. «Огромное окно» [электронный ресурс] URL: URL:<http://lemonysnickets.ru/books.php> (дата обращения: 02.04.2018)
10. Snicket L. «The bad beginning». □ The USA.: , 1999. □ 190 с.
11. Snicket L. «The reptile room». □ The USA.: , 1999 □ 224 с
12. SnicketL. «Thewidewindow» [электронныйресурс] URL:http://booksafe.net/book/snicket_lemony-the_wide_window-162410.html (датаобращения: 02.08.2017)

***REFLECTION OF NATIONAL STEREOTYPES IN ENGLISH
PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE FICTION TEXT (BY L. SNICKET'S
NOVEL "THE SERIES OF UNFORTUNATE EVENTS")***

Yulia Borisovna Volkova
Magadan, Russia

Annotation. Culture and national peculiarities are reflected in phraseology. Any translator must hold to the content and structure of the originals text during the translation process. The article deals with the phraseological units, which reflect in stereotypes and ways of translation of these phraseological units.

Key words: stereotypes, phraseology, phraseological units, phraseological analogue, descriptive translation.

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЙСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ В ЕГО
ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛАХ РОМАНОВ С.
ГИББОНС «НЕУЮТНАЯ ФЕРМА» И ДЖ. ТУЛ «СГОВОР
ОСТОЛОПОВ»).**

Герасименко Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Харахорина Анфиса
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.10

Аннотация. Статья посвящена грамматическому аспекту английского просторечия при его переводе на русский язык, которым до сих пор уделялось мало внимания как в лингвистике, так и в теории перевода. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более детального изучения состава просторечной лексики с целью выявления наиболее подходящих приемов перевода.

Ключевые слова: английское просторечие, грамматический аспект, перевод, эквивалентность.

В ходе изучения безэквивалентной лексики, одним из ярких и менее изученных представителей которой является просторечие, важно рассматривать все аспекты: фонетические, морфологические, лексические, грамматические и синтаксические. Явление просторечности не ограничено рамками лексических особенностей.

Ранее мы детально рассматривали особенности английской просторечной лексики и ее перевод с целью выявления наиболее универсальных способов воссоздания национально-маркированной лексики. Однако результаты исследования показали, что выбор тех или иных способов всецело зависит от переводчика, поэтому перевод просторечий на данном этапе изучения вопроса является своеобразным камнем преткновения.

Но если зачастую воссоздание стилистически окрашенных лексических единиц не представляет значительных трудностей благодаря возможности использования сносок, то при передаче грамматических отклонений переводчику приходится «подстраивать» целые фрагменты текста под оригинал, чтобы сохранить смысловую и эмоциональную составляющие оригинала. Именно поэтому нам представляется немаловажным исследовать грамматический аспект английского просторечия.

Необходимо заметить, что определить состав английского просторечия на данном этапе процесса его изучения практически невозможно. Один из самых выдающихся советских исследователей проблем английского просторечия в лингвистике был В.А. Хомяков, вслед за которым мы объединим сленг, жаргонизмы, кэнтизмы, вульгаризмы и так называемый "low colloquial" в понятие «английское просторечие» [Хомяков, 1971: 12-18]. Английское просторечие, в отличие от русского, «поглощает» все существующие пласты языка, присущие разговорной речи.

Проблема английского просторечия была затронута лишь в небольшом количестве работ зарубежных исследователей, таких как Коциол Г.Е., Есперсен О., Менкен Х.Л., Носек Дж., Тейлор А.М., Рот А.М., Судек А., Райт П. Однако одним из самых весомых трудов является словарь сленга Партриджа Э. – “ADictionaryofSlangandUnconventionalEnglish”. Считается, что он восполняет неполноту Оксфордского словаря, предоставляя огромный пласт нелитературного языка. Несмотря на то, что он содержит порядка 60000 слов и словосочетаний, ни один словарь не способен стать реальным отражением языка, потому что это постоянно меняющаяся система.

Грамматическое просторечие является компонентом просторечия и представляет собой разнообразные грамматические конструкции, которые, как отмечает Адяева Н.Л., отличаются значительной степенью градуальности, т.е. в то время как одни элементы можно назвать частотными, другие можно выявить только в некоторых случаях. Например, одна из самых частотных конструкций (как в BrE, так и в AmE) это *ain't*:

Оригинал (Gibbons S. “Cold Comfort Farm”)	Перевод (Гиббонс С. «Неуютная ферма» / пер. Доброхотова-Майкова Е.М.)
If it <i>ain't</i> spiteful, 'e does.	Если это не что-нибудь гадкое.
Well, <i>ain't</i> you going to ask me 'ow 'e is?	Так ты даже не спросишь, как он?
She – she <i>ain't</i> like other people's grandmothers.	Она не такая, как бабушки в других семьях.

Из данных примеров следует, что не только перевод, но даже и приблизительная передача конструкции *ain't* является непростой задачей. Сравним:

Оригинал (Toole J. “A Confederacy of Dunces”)	Перевод (Тул Дж. «Сговор остолопов» / пер. Немцов М.В.)
“I <i>ain</i> cleanin up after no animal,” Jones said.	Ни за какими животами я тут подтирать не собираю, – высказался Джоунз.
<i>Ain't</i> that awful.	Ай, какой же ж ужас.
“ <i>Ain't</i> that a shame,” Mrs. Reilly said emotionally.	Ай, ну ужас-то какой, а? – с чувством вступила миссис Райлли.

Вероятно, в данном случае можно допустить, что переводчику удалось воссоздать особенности оригинала.

Явление просторечности в любом языке характерно преимущественно для устной речи, поскольку именно в потоке речи говорящий, как правило, не только упрощает конструкции путем использования редуцированных форм, но также и прибегает к опущению вспомогательных глаголов. Все это

позволяет произвести максимальное сжатие речи, при этом придать ей яркую эмоциональную окраску. Также говорящий (специально или непреднамеренно) расширяет границы языка, нарушая устоявшиеся нормы.

В числе самых распространенных отклонений числится упомянутое выше опущение вспомогательных глаголов или местоимений. Например,

Оригинал (Gibbons S. “Cold Comfort Farm”)	Перевод (Гиббонс С. «Неуютная ферма» / пер. Доброхотова-Майкова Е.М.)
<p>“Seth,” she whispered, “<i>had you any idea</i> that your grandmother was going to hold this infernal Counting to-night?” – использование 2-й формы основного смыслового глагола в вопросительном предложении времени Past Indefinite Tense и опущение вспомогательного глагола <i>did</i>. Также в этом примере присутствует нарушение порядка слов.</p>	<p>Сиф, а ты догадывался, что бабушка устроит свою гнусную поверку именно сегодня?</p>
<p>“Miss Poste. You look done up. <i>Come for a run in the old bouncer?</i>” said Ralph Pent-Hartigan, who was about to start is eight-cylinder Volupte which stood in the yard.</p>	<p>Мисс Пост, у вас очень усталый вид. <i>Не хотите прокатиться?</i> – спросил Ральф Пент-Хартиган, собираясь заводить свой восьмицилиндровый «волюпте».</p>
<p>Ye’re smart, aren’t yer? <i>Think I don’t know</i> what’s going on . . . wi’ books from London and all that rot.</p>	<p>Думаешь, ты умная, да? Думаешь, я ничего не вижу? Всех этих книжек из Лондона и прочей дряни?</p>

Перевод всех вышеприведенных предложений совсем не передает грамматическую составляющую оригинала.

Оригинал (Toole J. “A Confederacy of Dunces”)	Перевод (Тул Дж. «Сговор остолопов» / пер. Немцов М.В.)
You wanna go back on the street? You want that policeman to take you in?	Назад на улицу хочешь? Чтоб тот полицай тебя заграбастал?
“We no have Dr. Nut,” she said and slammed the tray on the table.	Ниету «Докторешек», – сказала она, шваркнув подносом о стол.
You wanna dreenk, chico?	Ты выпить хочшиш, чшиико?

Из примера следует, что переводчик воссоздает грамматические отклонения, комбинируя грамматические, лексические и фонетические ошибки. По причине того, что в русском языке не существует категории вспомогательных глаголов, их отсутствие в тексте оригинала невозможно воссоздать. В дополнение, свободный порядок слов в русском предложении делает задачу еще труднее. Мы считаем, что в целом способы перевода, использованные Немцовым Максимом Владимировичем вполне оправданы.

Кроме того, в романе “Cold Comfort Farm” широко употребительны грамматически некорректные сочетания местоимений 1 и 2 лица с глаголами настоящего времени с окончанием *-s/es*:

Оригинал (Gibbons S. “Cold Comfort Farm”)	Перевод (Гиббонс С. «Неуютная ферма» / пер. Доброхотова-Майкова Е.М.)
<i>I keeps me spirits up and eats hearty aforehand.</i>	<i>Я сохраняю бодрость и не забываю заранее хорошо покушать.</i>
I seen in the “News of the People” that <i>they earns</i> as much as six pounds a night playin’ up West in night-clubs. – Также в этом примере можно пронаблюдать отсутствие вспомогательного глагола <i>have</i> в	Я читала в газете, что <i>они зарабатывают</i> в ночных клубах аж по шесть фунтов за ночь.

Present Perfect Tense.	
Ay... <i>I allus knows 't</i> will be summat about burnin' ...or the eternal torment...or sinners comin' to judgment.	Знаю, что будет про адское пламя...про вечные муки...про грешников на суде...но не знаю слов, пока не сяду на свое место и не взгляну на их грешные рожи, с нетерпением ждущие, что я скажу.

В романе “A Confederacy of Dunces” подобных или схожих грамматических отклонений нами выявлено не было.

Подобная конструкция несет в себе другую функцию в отличие от просторечной формы *ain't* – социальную. Автор подчеркивает социальный статус персонажа, создает определенный образ. Основываясь всего на одном предложении, можно предположить, что персонаж, вероятнее всего, имеет недостаточно высокий уровень образования, либо совсем не образован. В дополнение можно допустить, что и окружение данного персонажа обладает схожим социальным статусом. Форма *ain't* в тексте художественного текста добавляет ему живости и натурализма.

Завершающим частым отклонением от грамматической нормы стало двойное отрицание.

Оригинал (Gibbons S. “Cold Comfort Farm”)	Перевод (Гиббонс С. «Неуютная ферма» / пер. Доброхотова-Майкова Е.М.)
There <i>ain't no</i> need to ask.	А чего и спрашивать, я и так знаю.
I <i>don't let no</i> women eat me.	Я не позволяю.

Оригинал (Toole J. “A Confederacy of Dunces”)	Перевод (Тул Дж. «Сговор остолопов» / пер. Немцов М.В.)
I'm rollin, momma washin, <i>nobody</i>	Катаю себе, мамуля стирает, никто

learnin <i>nothing</i> .	ничё не учится.
<i>Don't</i> get yourself in <i>no</i> trouble.	И ни в какие передряги не лазь.

Так как в русском языке в рамках одного предложения может быть неограниченное количество отрицаний, то предложения оригинала не могут быть переданы схожими средствами. Доброхотова-Майкова Е.М. не воссоздает грамматическое отклонение в привязке к конкретному предложению. В ее переводе просторечность воссоздается всеми возможными способами внутри отдельного смыслового фрагмента. Немцов Н.В. поддерживает ощущение неграмотности почти в каждой реплике любого персонажа. Он также использует фонетические, лексические, грамматические и синтаксические отклонения, но делает это настолько часто, что иногда текст отталкивает новых читателей, не готовых к особенностям перевода.

Обратимся еще к нескольким грамматическим отклонениям, характерных отдельно для каждого произведения.

Так, схожая функция прослеживается в использовании существительных в множественном числе с дополнительным окончанием множественного числа *-s/-es*:

Оригинал (Gibbons S. “Cold Comfort Farm”)	Перевод (Гиббонс С. «Неуютная ферма» / пер. Доброхотова-Майкова Е.М.)
Robert Poste was aye like a bullock: a great moitherin' man, aye playin' wi' <i>batses and baleses</i> .	Роберт Пост был здоровущий бугай, все игрался в <i>мячи</i> да в <i>биты</i> .
Curses, like <i>rookses</i> , flies home to rest in <i>bosomses and barnses</i> .	Старый <i>ворон</i> мимо не каркнет, а из пуста дупла либо сыч, либо сова.

Интересно, что вторая фраза представляет собой своего рода устойчивое выражение, которое персонаж повторяет несколько раз за все произведение и каждый раз допускает одну и ту же ошибку.

Рассмотрим еще один пример, связанный с использованием грамматически некорректных форм местоимений.

Оригинал (Gibbons S. “Cold Comfort Farm”)	Перевод (Гиббонс С. «Неуютная ферма» / пер. Доброхотова-Майкова Е.М.)
It passes the time away, and takes <i>me</i> thoughts off <i>me</i> liddle wild bird.”	Так я коротаю время и отвлекаюсь от дум о <i>моей</i> дикой пташке.
“Why do ye come here, mockin’ me in me shame – and me only out of <i>me</i> trouble yesterday?”	Почто вы пришли сюда надсмехаться над <i>моим</i> позором, когда я только вчерась опросталася?
’Twill be a new sin to wrestle with, the sin of carin’ whether <i>me</i> soul is puffed up or not.	Новый грех, грех попечения о том, тешу я <i>свою</i> гордыню или нет.

На основании анализа обеих таблиц можно заключить, что переводчица делает упор на лексические просторечия.

Таким образом, грамматическое просторечие – это целый комплекс отклонений от литературной нормы, находящихся на морфологическом и синтаксическом уровнях. Его структуру составляют в большей степени глаголы и местоимения. Глаголы подвергаются сокращению: происходит процесс элиминации вспомогательных глаголов, а в *Present Indefinite Tense* основные смысловые глаголы употребляются в несочетающихся с местоимениями формах. В свою очередь притяжательные местоимения активно заменяются личными местоимениями. Двойное отрицание – еще один часто встречающийся способ создания образа неграмотного персонажа.

Гибкость русского языка значительно усложняет воссоздание всех вышеперечисленных грамматических отклонений, поэтому переводчикам

важно выбрать действенную тактику передачи колорита оригинала, и к тому же при этом стараться соблюдать существующие правила адекватности перевода.

Список литературы

1. Адяева Н. Л. Грамматическое просторечие в английском языке (на материале художественной литературы): Автореф. дисс. на соиск. учен. ст. канд. фил. наук – Санкт-Петербург, 2009. 20 с.
2. Гиббонс С. Неуютная ферма: [роман]. Москва: АСТ, 2015 [Электронный ресурс] URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14804531 (дата обращения: 15.07.2019)
3. Тул Дж. К. Сговор остолопов: [роман]. ASTPublishers, 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://pda.litres.ru/dzhon-kennedi-tul/sgovor-ostolopov> (дата обращения: 2.08.2019).
4. Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971. 103 с.
5. Gibbons S. Cold Comfort Farm [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.207573> (дата обращения: 15.07.2019).
6. Toole J. K. A Confederacy of Dunces. Wings Books, New York, 1994. 462 p.

***GRAMMATICAL ASPECT OF ENGLISH LOW COLLOQUIALISMS
IN ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN (BASED ON NOVEL
WRITTEN BY S. GIBBONS “COLD COMFORT FARM” AND J. K. TOOLE
“A CONFEDERACY OF DUNCES”)***

Irina Vladimirovna Gerasimenko
Anfisa Alexeyevna Kharakhorina
Magadan, Russia

Annotation.The article is devoted to the grammatical aspect of English low colloquialisms in its translation into Russian, which have so far been marginalized both in linguistics and in translation theory. The research topic contributes to understanding the necessity of a more detailed study of grammatical aspect of English low colloquialisms in order to identify the most suitable methods of translation.

Key words: English low colloquialism, grammatical aspect, translation, equivalence.

***РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В ПРЕДВЫБОРНЫХ
РЕЧАХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ***

Х. КЛИНТОН)

Евтушенко Валерия Борисовна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.11

Аннотация. Статья посвящена исследованию реализации стратегий борьбы за власть американского предвыборного политического дискурса на материале публичных высказываний Х. Клинтон. Дается определение стратегии, тактики политического дискурса. Приводятся наиболее часто употребляемые в ходе предвыборной гонки Х. Клинтон тактики стратегий борьбы за власть, а также лексико-стилистические средства, воплощающие данные тактики.

Ключевые слова: политический дискурс, стратегия, тактика, стилистическое средство, дискурсив, демократическая партия, Хиллари Клинтон.

Понятие речевой стратегии – ключевой термин данного анализа политических речей Х. Клинтон. Доктор филологических наук, российский лингвист О. Н. Паршина описывает это понятие как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации [Паршина, 2005: 15]. Тактика же представляет собой конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, для которого характерен набор приемов, определяющих использование тех или иных языковых средств [Акопова: электронный ресурс].

Стратегии борьбы за власть делятся на стратегию дискредитации и нападения, манипулятивную и стратегию самозащиты. Цель стратегии дискредитации – подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унижить

его, опорочить, очернить в глазах избирателя. Стратегия дискредитации в политическом дискурсе в последнее время была объектом изучения отдельных лингвистов.

Манипулятивная стратегия включает в себя более конкретные тактики: демагогические приемы и манипулятивные тактики. «Демагогия» представлена как использование и лживых обещаний, и преднамеренного извращения фактов, и лести для достижения той или иной популярности.

Зачастую в условиях ожесточенной борьбы за власть политик, являющийся объектом дискредитации или прямого нападения, делает ответный ход, используя при этом «наступательную» или же «оборонительную» стратегию, т.е. стратегию самозащиты. Данная стратегия имеет специализированные тактики: оправдания, оспаривания, критики.

Несмотря на более либеральный, чем у основного противника в президентских выборах в США в 2016 году Д. Трампа, курс политической риторики Х. Клинтон, бывшая первая леди США также успешно реализует в своих речах стратегии борьбы за власть. Первым применением тактики обвинения (специализированной тактики стратегии дискредитации и нападения) в выступлении 29 июля 2016 года в Филадельфии служит прямая критика оппонировавшего кандидата в президенты, Д. Трампа: *Well, we heard Donald Trump's answer last week at his convention. He wants to divide us – from the rest of the world, and from each other. He's betting that the perils of today's world will blind us to its unlimited promise. He's taken the Republican Party a long way from "Morning in America" to "Midnight in America." He wants us to fear the future and fear each other.* В данном контексте лексемы *divide*, *fear* реализуют агональную функцию – подрывают авторитет дискредитируемого субъекта, внушают чувство недоверия избирателю. Фраза *He's taken the Republican Party a long way from "Morning in America" to "Midnight in America"* реализует такое стилистическое средство выразительности, как прямой сарказм, направленный на Д. Трампа, как представителя Республиканцев, и на партию в целом.

Х. Клинтон, как известный борец за права женщин, конечно же, не могла упустить шанса обвинить Д. Трампа в намеренном бездействии в отношении экономического равенства женщин и мужчин: *And yes, if you believe that your working mother, wife, sister, or daughter deserves equal pay, join us. That's how we're going to make sure this economy works for everyone, not just those at the top. Now, you didn't hear any of this – did you – from Donald Trump at his convention. He spoke for 70-odd minutes – and I do mean odd. And he offered zero solutions. But we already know he doesn't believe these things. No wonder he doesn't like talking about his plans. You might have noticed; I love talking about mine.* Данный пассаж нацелен на то, чтобы вызвать у женской половины электората четкую мысль – нет сомнений, что, если миллиардер придет к власти, о равных правах, заработных платах мужчин и женщин не может быть и речи.

Более того, для усугубления создаваемого эффекта, бывший Государственный секретарь США переходит к обвинениям республиканца в мизогинии, национализме, насмешках над людьми с ограниченными возможностями и ветеранами: *For the past year, many people made the mistake of laughing off Donald Trump's comments – excusing him as an entertainer just putting on a show. They thought he couldn't possibly mean all the horrible things he says – like when he called women “pigs”. Or said that an American judge couldn't be fair because of his Mexican heritage. Or when he mocks and mimics a reporter with a disability. Or insults prisoners of war like John McCain – a hero and a patriot who deserves our respect.*

Демагогические приемы, входящие в состав манипулятивных стратегий, Х. Клинтон использует, в основном, для самоутверждения, не стремясь заставить адресата действовать в своих интересах:

1) *Now, sometimes the people at this podium are new to the national stage. As you know, I'm not one of those people. I've been your first lady. Served eight years as a Senator from the great State of New York. Then I represented all of you as Secretary of State;*

2) *My primary mission as president will be to create more opportunity and more good jobs with rising wages right here in the United States. From my first day in office to my last. Especially in places that for too long have been left out and left behind.*

Однако в условиях политической коммуникации, зачастую, границы этих понятий стираются, и становится возможным наблюдать, как политик, с помощью таких семантических единиц как *motivate, keepfighting, change, yourhelp, yourvoicesandstories*, пытается как можно более мягко и тактично воздействовать на эмоциональную сферу избирателя, таким образом показывая, что все положительные изменения могут произойти только благодаря действиям самих гражданам страны (конечно, только при условии, что они поддержат «правильного» кандидата): *In this campaign, I've met so many people who motivate me to keep fighting for change. And, with your help, I will carry all of your voices and stories with me to the White House.*

Если судить по лексико-синтаксическому составу примеров реализации демагогических приемов, можно сделать вывод о том, что данный тип тактик весьма прост в применении, доступен даже начинающему политику. Использование же средств манипуляции требует некоторой подготовки, мастерства. В рамках данного исследования кандидат от партии демократов демонстрирует весьма большой диапазон манипулятивных воздействий:

а) гиперболизация – *A man you can bait with a tweet is not a man we can trust with nuclear weapons* (моральное «уничтожение» политического оппонента, прямая насмешка, сарказм в сторону Д. Трампа); *Now America is once again at a moment of reckoning. Powerful forces are threatening to pull us apart. Bonds of trust and respect are fraying* (указание на критическую ситуацию, якобы грозящую народу);

б) прогнозирование негативных последствий – *And if we're serious about keeping our country safe, we also can't afford to have a President who's in the pocket of the gun lobby. I'm not here to repeal the 2nd Amendment. I'm not here to take away your guns. I just don't want you to be shot by someone who shouldn't*

have a gun in the first place (высказывание негодования по поводу политики свободного ношения оружия в Америке);

в) компрометация – *Well, let's take a closer look, shall we? In Atlantic City, 60 miles from here, you will find contractors and small businesses who lost everything because Donald Trump refused to pay his bills. Now remember what the President said last night – don't boo, vote.*

С тактикой оспаривания, входящей в состав стратегий самозащиты, Х. Клинтон выступает как в сторону общего негативного отношения некоторых стран к Соединенным Штатам, так и в защиту однопартийца, Б. Обамы:

1) *So don't let anyone tell you that our country is weak. We're not. Don't let anyone tell you we don't have what it takes. We do;*

2) *Now, I don't think President Obama and Vice President Biden get the credit they deserve for saving us from the worst economic crisis of our lifetimes. Our economy is so much stronger than when they took office. Nearly 15 million new private-sector jobs. Twenty million more Americans with health insurance. And an auto industry that just had its best year ever. Now that's real progress but none of us can be satisfied with the status quo* (приведение необоснованных цифр катализирует эффект психологического воздействия на адресата).

Используя дискурсивные слова, косвенные формы выражения негативной оценки, Х. Клинтон реализует тактику критики, что примечательно, в основном, в отношении Д. Трампа. Благодаря риторической грамотности адресанта, применяемая тактика выполняет свою роль – выражается достаточно эмоционально и резко, но при этом, не оскорбительно для оппонента:

1) *And most of all, don't believe anyone who says: "I alone can fix it." Yes, those were actually Donald Trump's words in Cleveland. And they should set off alarm bells for all of us. Really? I alone can fix it? Isn't he forgetting troops on the front lines? Police officers and firefighters who run toward danger? Doctors and nurses who care for us? Teachers who change lives?;*

2) *So just ask yourself: Do you really think Donald Trump has the temperament to be commander-in-chief? Donald Trump can't even handle the rough-and-tumble of a presidential campaign. He loses his cool at the slightest provocation – when he's gotten a tough question from a reporter, when he's challenged in a debate, when he sees a protestor at a rally. Imagine, if you dare imagine, imagine him in the Oval Office facing a real crisis. A man you can bait with a tweet is not a man we can trust with nuclear weapons.*

Основываясь на исследованном материале, становится возможным утверждать, что выбор политиком той или иной тактики стратегий борьбы за власть обусловлен не только особенностями речевой ситуации, но и типом языковой личности говорящего. Так Д. Трамп проявляет склонность к использованию тактики обвинения, манипулятивных тактик и демагогических приемов, а Х. Клинтон – тактики критики и оспаривания.

Список литературы

1. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 – Саратов, 2005. – 325 с.
2. Аكوпова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса [Электронный ресурс].
3. Hillary Clinton's address to the Democratic National Convention in Philadelphia (July 29, 2016) [Электронный ресурс].

***REALIZATION OF THE STRUGGLE FOR POWER STRATEGIES IN THE
AMERICAN POLITICIANS' CAMPAIGN SPEECHES
(BASED ON H. CLINTON'S PUBLIC STATEMENTS)***

Valeriya Borisovna Evtushenko
Magadan, Russia

Annotation. The article is devoted to the study of the implementation of the struggle for power strategies, as well as the stylistic devices of the American political discourse based on of H. Clinton's public statements. It gives the definition of strategy, tactics of political discourse. The author points out the most frequently used tactics of the struggle for power strategies during the pre-election race by H. Clinton, as well as the lexical stylistic devices embodying these tactics.

Key words: political discourse, strategy, tactics, stylistic device, discursive words, Hillary Clinton.

РОЛЬ И МЕСТО ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

Жирова Ирина Григорьевна
доктор филологических наук, профессор
г. Магадан, Россия

г. Москва, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.12

Аннотация. В статье представлена проблема переосмысления первичной и доминирующей ассоциации с выражением «интерсубъективная интерпретация» с разнообразием точек зрения двух и более интерпретаторов на объект перевода. В то же время и интрасубъективная интерпретация как толкование объекта одним субъектом может продемонстрировать интерсубъективный результат.

Ключевые слова: интерсубъективная интерпретация текста, интерпретатор, ментально-лингвальный комплекс, вариативность, репрезентировать

Взаимодействие перевода и межкультурной коммуникации вызывает огромный интерес в современной науке о языке. Так, в частности, в переводоведении «поднимается вопрос об интеграции художественного перевода, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в синтезированную и междисциплинарную научную теорию, призванную вывести разрозненные исследования в пограничных областях научного знания на уровень отдельной ветви филологической науки» [Чайковский Р. Р. и др., 2015, с. 199]. В связи с этим считаем необходимым уделить особое внимание роли интерпретации того или иного текста в теории и практике перевода.

В своем классическом понимании интерсубъективная интерпретация строится на разнообразии возможных отношений между различными точками зрения [Колшанский, 1990, с. 103] людей, являясь, таким образом, процедурой толкования объекта интерпретации двумя и более субъектами. В отношении интерпретации текста, известно, что «... значения вычисляются

интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» [Демьянков, 2001, с. 309]. Безусловно, интерпретации одного текста разными субъектами, ввиду особенностей индивидуальных ментально-лингвальных комплексов [Жирова, 2012, с. 25-31], будут иметь отличающиеся друг от друга результаты.

Однако в этой статье мы делаем попытку доказать, что интересубъективная интерпретация играет исключительно важную роль в теории и практике перевода и способна представить как высокую степень «понимания» текста, так и вариативное разнообразие конечных продуктов (переводов текстов) интерпретации. Актуальность такого подхода к исследованию обусловлена популярностью антропоцентрического подхода в современных лингвистических дисциплинах, в центре которых познающее и реагирующее сознание, деятельность которого представлена вновь созданной речью-текстом.

Так, в результате интересубъективной интерпретации мы получаем данные об объективности понимания объекта (переводного текста) интерпретации благодаря сопоставлению мнений нескольких субъектов (переводчиков). Однако и интрасубъективная интерпретация (интерпретация текста одним субъектом – переводчиком) предполагает право субъекта на выбор из нескольких возможностей, вследствие чего при сопоставлении именно этих вариантов перевода может возникнуть адекватная картина понимания всего многообразия возможных смыслов, заключенных в объекте интерпретации.

Разнообразие процедур, осуществляемых сознанием интерпретатора в процессе внутренней обработки интерпретируемого материала, характеризуется многообразием и возможной вариативностью. Фаза обработки текстовой информации может проходить как долго, так и считанные мгновения. Однако полученный в ходе внутренней обработки результат отражает прохождение всей последовательности ассоциативных и когнитивных преобразований в сознании интерпретатора.

Представим себе интерпретацию текста как некий путь, который проходит сознание интерпретатора с момента начала работы над текстом и ее завершением (представлением нового интеллектуального продукта):

- 1) «ввод кода»: первичное (внешнее) распознавание знаков;
- 2) «обработка»: соединение знаков с заключенными в них смыслами (внутренняя обработка);
- 3) «вывод полученной информации»: вербализация обработанных значений в соответствии с контекстом ситуации.

Отметим, что этап внутренней обработки знаков можно считать успешным при выполнении следующих обязательных условий:

- Каждый знак имеет отражение в репрезентативной системе интерпретатора (память о прошлых обращениях к смыслу знака / его значению, картинка, ощущение и пр.).
- Интерпретатор связывает значения знаков и репрезентирует полученную структуру у себя в памяти, производя ряд логических операций: обобщений, анализ возможных упущений и искажений.
- Помимо этого, интерпретатор запоминает знаковую линейную последовательность. В его когнитивной структуре ментально-лингвального комплекса (единство языка, сознания и мышления) на логическом уровне сознания происходит расстановка смыслов знаков, с учетом их иерархии в интерпретируемой части картины мира.
- Интерпретатор выделяет среди возможных ассоциаций и взаимосвязей смыслов адекватные контексту текста варианты.
- Интерпретатор задействует множественные позиции восприятия: от первого лица (индивидуальной трактовки) к позиции «другого лица». Он моделирует «картину мира» автора текста или другого субъекта восприятия с отличными от своих собственных установок и приоритетов ассоциирования.
- Далее следуют позиции «вне личности», когда интерпретатор воспринимает смыслы текста как структуру в составе более обширной

структуры (как, например, культуры) и рассматривает связи между смыслами текста и абстрактными контекстами, в которые эти смыслы включены.

Свобода выбора интерпретатора или, по крайней мере, возможность такого выбора широко присутствует на всех стадиях когнитивной обработки информации, заложенной в текстовых знаках. Смысловая парадигма интерпретируемого текста зачастую «образуется не словами, а образами – моделями, имеющими синкретическое словесно-зрительное бытие, противоречивая природа которого подразумевает возможность не просто разных, а дополнительных (в смысле Н. Бора, то есть одинаково адекватно интерпретирующих и одновременно взаимоисключающих) прочтений» [Лотман, 1996, с. 221]. Именно эта вариативность прочтений, будучи реализованной в интерпретации и зафиксированной интерпретатором на разных этапах процесса, делает возможным присутствие интересующего аспекта в интерпретации текста одним субъектом.

Чтобы проиллюстрировать очевидную вариативность, рассмотрим некоторые из этапов когнитивной обработки интерпретируемого материала.

Так, первый этап: «*Репрезентация символа*», представленного словом, – это процесс с разными результатами, зависящими от множества факторов. Допустим, интерпретатор должен представить значение слова «любовь» в процессе чтения литературного произведения. От участка памяти, к которому обратится в процессе внутреннего представления интерпретатор, будет зависеть конечный результат репрезентации этого чувства или эмоции в созданном именно им тексте. Перечислим некоторые возможные участки памяти, к которым мог бы обратиться интерпретатор-переводчик:

- а) воспроизведение позитивного опыта влюбленного человека;
- б) эмоциональная травма от расставания с любимым человеком;
- в) кинестетическое переживание телесной связи с возлюбленным;
- г) позитивный / негативный опыт совместного времяпрепровождения и пр.

Индивидуальное эмоциональное состояние будет вызвано у интерпретатора независимо от контекста произведения и подразумеваемых в нем смыслов. Последующие знаки произведения будут интерпретированы с учетом актуализировавшегося в момент репрезентации смысла слова «любовь» соответствующего участка мозга и памяти. Более вероятно будут задействованы первичные ассоциации интерпретатора.

Второй этап: «*Адаптация полученного в результате интерпретации смысла и контекста*». Речь идет как о внутренних (сочиненных авторам) контекстах, отраженных в содержании произведения, так и о глобальных внешних контекстах: особенностях жизни автора, время и место создания им художественного произведения и пр.

Так, А. С. Пушкин в своем произведении «Каменный гость» описывает памятник командору, как атлетически сложенного человека:

Каким он здесь представлен исполином!

Какие плечи! Что за Геркулес! ... [Пушкин, 2004, с. 15].

They've made him look a very giant here!

What mighty shoulders! What a Hercules!... [Pushkin, 2012, с. 986].

Однако в более широком контексте произведения, затрагивающем непосредственно и жизнь человека, которому установлен памятник, мы видим, что:

А сам покойник мал был и щедушен,

Здесь став на цыпочки не мог бы руку

До своего он носу дотянуть [Пушкин, 2004, с. 15].

Whereas the man himself was small and puny;

If he were here and, standing on tip-toe,

Stretched out his arm, he could not reach his nose [Pushkin, 2012, с. 986].

Командор – «каменный гость» уже по самому определению, – казалось бы, должен быть воплощением какой-то одной застывшей идеи. Однако и он «не уместается в себе» [Якобсон, 1987, с. 170], что подчеркивается

несоответствием физических характеристик командора и качеств его личности.

Если сравнить исторические контексты, становится очевидно, что современный читатель вряд ли может в полной мере оценить всей ироничности описания вышедшего из широкого речевого обихода звания «командора» как «обладателя высшей орденской степени, что подразумевало рыцарские доблести и плохо вязалось с телесной слабостью» [Лотман, 1995, с. 310]:

... а был

Он горд и смел – и дух имел суровый [Пушкин, 2004, с. 15].

But he was proud and fearless — and he had

A rugged spirit... [Pushkin, 2012, с. 986].

Творческая игра литературных гениев на смысловых противоречиях подчеркивает роль субъекта как создателя множественных смысловых слоев описываемых объектов. Интерпретатор-переводчик обязан сохранить эту смысловую множественность при обращении к художественному произведению.

Третий этап: «*Изменение восприятия полученного в результате интерпретации смысла*» подразумевает то, что прочтение текста привносит в интерпретацию следующие важные компоненты. Такими компонентами выступают «Я»-«Мы», а также «Свой»-«Чужой», «Такой»-«Другой» и «диссоциированная (отстраненная) позиция» – взгляд наблюдателя со стороны, в результате чего возникают различные точки зрения на интерпретацию текста, что и позволяет переводчикам создавать свои собственные переводные тексты, многие из которых заслуживают отдельного внимания со стороны ученых-литературоведов.

Действительно, на каждом из этих этапов всестороннего ассоциирования интерпретатор волен выбирать способы и методы прочтения того или иного художественного произведения. Возможен неосознанный

выбор в соответствии с «мета»установками, задействованными на момент интерпретации.

Так, Ю. М. Лотман справедливо утверждает, что «элементарный акт мышления есть перевод», в то время как «элементарный механизм перевода есть диалог. Диалог подразумевает асимметрию, асимметрия выражается, во-первых, в различии семиотической структуры (языка) участников диалога и, во-вторых, в попеременной направленности сообщений» [Лотман, 1995, с. 268]. Основываясь на приведенной ученым теоретической модели, сравним в качестве иллюстрации непосредственно смыслы, заключенные в названии научного труда Ю. М. Лотмана «Внутри мыслящих миров» [Лотман, 1996] и, соответственно его англоязычного варианта “The Universe of the Mind” [Lotman, 1996].

Англоязычное название дословно переводится на русский язык как «Вселенная разума / сознания». В то же время, если перевести русскоязычное название «Внутри мыслящих миров» на английский язык, результат оказался бы следующим: “Within the Cognitive Universes / Within the Universes of Minds”. При сравнении дословно переводных вариантов научного труда Ю. М. Лотмана мы имеем несколько, отличных по смыслу, названий. Так, в русском языке: авторскому варианту «внутри мыслящих миров» соответствует дословный (интерпретативный) перевод «вселенная разума / сознания». Англоязычному авторскому варианту “the Universe of the Mind” соответствует дословные (интерпретативные) переводы “Within the Cognitive Universes / Within the Universes of Minds”. В оригинальном русскоязычном названии автором подразумевается наличие «когнитивных миров», или картин мира как способов представления реальности в МЛК человека. В англоязычном названии научной работы автор, напротив, в качестве пресуппозиции выдвинул идею «единичности» Вселенной, что позволяет интерпретатору увидеть вложенный в название работы смысл единого (неделимого) поля разума, подобного «информационному полю», или «семиосфере» Ю. М. Лотмана.

Следующей особенностью является то, что русскоязычный вариант названия «Внутри мыслящих миров» предполагает наличие интерсубъективности в пределах одной личности, моделирующей в своем сознании разнообразие смысловых сфер в процессе индивидуальной интерпретации рассматриваемого объекта. «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур...» [Бахтин, 1979, с. 334]. Англоязычный вариант (“the Universe of the Mind”), напротив, обозначает одно сознание, чем выделяет одну интрасубъективную черту, подразумевая эгоцентрический аспект интерпретации, что для американского представления о роли ученого в познавательном освоении окружающей действительности более типично, чем эмпатического русского осознания реальности.

Примечательно, что автор научной работы включил в русский вариант лексему «внутри» и осознанно убрал эту лексему в своем английском варианте названия. Вместе с этой лексемой из английского смысла названия исчезло значение нахождения субъекта в разных культурно-семиотических сферах одновременно. Соответственно в смысл англоязычного названия автором не заложена идея возможности интерпретатора находится во множественных позициях восприятия действительности по отношению к объекту интерпретации.

Одной из основных задач переводчика является «передача средствами другого языка целостно и точно содержания подлинника, сохранив при этом его стилистические и экспрессивные особенности» [Рецкер, 2007, с. 10]. Однако в представленном случае смысловые оттенки русскоязычного и англоязычного названий одного научного произведения существенно отличаются. Если “The Universe of the Mind” является красноречивым обобщением затрагиваемых в научном труде процессов, то «Внутри мыслящих миров» является более глубоким и семантически полным

отражением описываемых открытий. Это скорее всего название лингвофилософского научного произведения.

Подводя итог нашего исследования, мы можем утверждать, что вариативность результатов интерпретации текста одним субъектом возможна ввиду следующих факторов: индивидуальные стратегии репрезентации знаков; особенности процесса адаптации полученного в ходе интерпретации смысла с интра- и экстралингвистическим контекстам взятого для анализа текста; способности интерпретатора к изменению собственного восприятия полученных смыслов с позиций «Я»-«Мы», «Свой»-«Чужой», «Такой»-«Другой», «наблюдатель со стороны». В связи с тем, что к тексту можно применить и такое определение Н. Хомского, как «самотворящий смысл» [Хомский, 1972, с. 126], или «смыслорождающее устройство» [Лотман, 1996, с. 155], перед современными лингвистами открыта перспектива к разностороннему и плодотворному исследованию процессов интерпретации, как в ее интересующем, так и интрасубъективном аспектах в рамках теории и практики перевода.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста. Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. редакторы: Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-323.
3. Жирова И. Г. Лингвистическая категория «Эмфатичность» в антропоцентризме: Языковая личность Маргарет Тетчер в эмоционально-оценочном дискурсе. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 256 с.
4. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
6. Лотман Ю. М. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год). – СПб.: Искусство-СПб., 2004. – С. 300-315.
7. Пушкин А. С. Каменный гость. М.: Public Domain, 2004. 30 с. [Microsoft Word doc]
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р.Валент, 2007. – 244 с.
9. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: изд-во МГУ, 1972. – 126 с.
10. Чайковский Р. Р., Воронежская Н. В., Лысенкова Е. Л., Харитонова Е. В. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации (основы теории [Электронный ресурс]: монография. Под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Р.Р. Чайковского. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2015. – 222 с.
11. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
12. Lotman Y. M. The Universe of the Mind. A Semiotic Theory of Culture. – GB: Indiana University Press, 1990. – 288 p.
13. Pushkin A. S. The Works of Pushkin Alexander. – GB: Delphi Classics, 2012. – 1067 p.

***THE ROLE AND PLACE OF INTERSUBJECTIVE INTERPRETATION OF
TEXT IN THE THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION***

Irene Grigorievna Zhirova

Moscow, Russia

Annotation. The article presents the problem of rethinking the primary and dominant association with the expression "intersubjective interpretation" with a variety of points of view of two or more interpreters on the object of translation. At the same time, intrasubjective interpretation as the interpretation of an object by one subject can show an intersubjective result.

Key words: intersubjective interpretation of the text, interpreter, mental-linguistic complex, variability, represent

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БАКАЛАВРОВ

Капаева Анжелика Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.13

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием и развитием социокультурной компетенции. Анализ трактовок понятия социокультурная компетенция послужил подбору наиболее эффективных способов, приемов и средств развития социокультурной компетенции для успешной иноязычной коммуникации бакалавров с носителями языка, как на бытовом, так и на профессиональном уровне.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, межкультурное общение, аутентичный текст, лингвострановедение.

В период глобальных инноваций во всех областях культуры, экономики, техники, общественной мысли и индивидуальной жизни каждого человека обучение иностранному языку (ИЯ) как средству межкультурного общения в условиях диалога культур становится важной задачей.

Даже в тех случаях, когда языковой барьер преодолен, и собеседники свободно разговаривают на одном языке, как в бытовой сфере, так и в профессиональной, установить понимание удается далеко не всегда. Участники диалога могут произносить фразы, реплики, обмениваться информацией, но понимания в процессе общения не происходит. Одной из причин нам представляется – отсутствие у коммуникантов социокультурной коммуникативной компетенции.

В современной отечественной и зарубежной методике обучения ИЯ существует множество исследований, посвященных изучению проблемы

формирования и развития социокультурной компетенции как у учащихся средних образовательных учреждений, так и у студентов университетов и институтов (М. Байрам, Г. А. Воробьев, Р. П. Мильруд, Г. Нойнер, Е.И. Пассов, В. В. Сафоновой, П. В. Сысоев).

Существуют различные подходы к раскрытию понятия «социокультурная компетенция». Социокультурная компетенция как способность сопоставлять соизучаемые лингвокультурные общности, интерпретировать межкультурные различия и адекватно действовать в ситуациях нарушения межкультурного взаимопонимания рассматривается в работах Р. П. Мильруд, В. В. Сафоновой, П. В. Сысоева.

Г. А. Воробьев отмечает, что "социокультурная компетенция является комплексным явлением и включает в себя набор компонентов, относящихся к различным категориям» [Воробьев, 2003, с.30]. Он выделяет следующие компоненты социокультурной компетенции:

- лингвострановедческий компонент (лексические единицы с национально-культурной семантикой и умение их применять в ситуациях межкультурного общения);

- социолингвистический компонент (языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов);

- социально-психологический компонент (владение социо- и культурнообусловленными сценариями, национально-специфическими моделям поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);

- культурологический компонент (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон) [Воробьев, 2003, с. 31].

Так, М. Байрам разрабатывает собственную модель "интеркультурной компетенции", понимая под ней социокультурный аспект коммуникативной компетенции. Рассматривая ее составляющие как цели обучения, исследователь классифицирует их по 4 категориям. Под первой категорией,

"способностью жить", подразумевается преодоление этноцентрических установок и предрассудков, а также способность устанавливать и поддерживать связь между родной и иноязычной культурой. Вторая категория, способность учиться, предполагает исследовательский подход к ранее неизвестным социокультурным феноменам, выявляющий новые значения, представления и явления. Третью категорию представляют знания. Четвертая категория, способность действовать, предполагает применение полученных знаний в реальных ситуациях общения, учет специфических отношений между культурным своеобразием участников межкультурной коммуникации [Сафонова, 1991, с.19].

Социокультурный компонент содержания обучения ИЯ рассматривается П. В. Сыроевым по трем направлениям: средства социокоммуникации, национальная ментальность и национальное достояние. Под «средствами социокоммуникации» понимается совокупность приемов и средств устной и письменной передачи информации представителями определенной культуры и субкультуры. К ним относится язык, а именно специфические различия между существующими языковыми вариантами. Данные различия могут наблюдаться в лексике (социокультурно маркированные лексические единицы), грамматике, фонетике (различия в произношении представителей разного социального статуса, рода деятельности). К средствам устной передачи информации относится язык звуков, жестов и язык невербального общения.

Следующее направление, по которому рассматривается социокультурный компонент содержания обучения – это национальная ментальность. Ментальность народа рассматривается в трех измерениях: общем, ситуативном и культурном самоопределении. Общие характеристики ментальности – это знания, поведение и отношения. К общим характеристикам относятся праздники, традиции, обряды, ритуалы носителей языка, что студенту-лингвисту необходимо знать для адекватного понимания юмористических текстов, поскольку в шутке или анекдоте может

упоминаться какая-либо традиция или какой-либо обряд, присущий только данной культуре.

Овладение иностранным языком, кроме усвоения фактов культуры, предполагает формирование способности и готовности понимать ментальность носителей языка, совокупность стереотипов восприятия и понимания действительности народом. Р. П. Мильруд исследовал проблему соприкосновения российской и английской культур в ментальности студентов. Определяя понятие «ментальность» как внутреннюю готовность личности к определенным мыслительным и физическим действиям, он сопоставляет три компонента: знания, отношения, поведение [Мильруд, 1997, с. 18].

Так, например, знания российских студентов носят программный характер, их высказывания часто клишированы, стандартны, тогда как английские студенты обнаруживают свои знания путем импровизации. Разницей менталитетов объясняется и то обстоятельство, когда адресат не воспринимает ситуацию как включающую внутреннее несоответствие, не видит абсурдности или странного положения вещей [Мильруд, 1997, с. 19].

По убеждению В. В. Сафоновой социокультурная компетенция, включает лингвострановедческую, социолингвистическую и культуроведческую компетенции, которые обеспечивают носителю языка «возможность ориентироваться в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды, избежать социокультурные «ловушки» и препятствия, прогнозировать возможные социокультурные помехи в условиях межкультурного общения и способы их устранения» [Сафонова, 2001, с. 20].

Подчеркивая важность социокультурного образования, она определяет его дидактические задачи в терминах социокультурной компетенции (входящей в состав би-/поликультурной коммуникативной компетенции). В. В. Сафонова полагает, что структура социокультурной компетенции, объединяющая общекультурную, страноведчески маркированную

культуроведческую, лингво-культуроведческую, социолингвистическую и социальную компетенции человека, обеспечит ему возможность:

- ориентироваться в социокультурных маркерах аутентичной языковой среды и социокультурных характеристиках людей, с которыми он общается;
- прогнозировать возможные социокультурные помехи в условиях межкультурного общения и способы их устранения;
- адаптироваться к иноязычной среде, умело следуя канонам вежливости в инокультурной среде, проявляя уважение к традициям, ритуалам и стилю жизни представителей другого культурного сообщества.

Выступающая в качестве компонента содержания и объекта обучения социокультурная компетенция, выполняет не только коммуникативную функцию, но и функцию воздействия на поведение или действия, мысли, чувства и сознание иноязычных собеседников. «Одновременно формирование социокультурной компетенции отражает современную тенденцию к гуманизации и гуманитаризации образования, способствуя достижению соответствующих целей – приобщает к иной культуре, повышает общий уровень образованности у изучающего иностранный язык в процессе овладения новыми социокультурными знаниями, расширяет его кругозор, обеспечивает эффективное управление как его коммуникативной деятельностью, так и личным поведением учащихся» [Шишканова, 2012, с. 81].

Таким образом, исходя из определений социокультурной компетенции, ее содержание может быть представлено в виде четырех составляющих:

- социокультурные знания (сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностях и культурных традициях, особенностях национального менталитета, знания сходства и различия в традициях родной страны и страны изучаемого языка);
- опыт общения (выбор приемлемого стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры);

– личностное отношение к фактам иноязычной культуры (в том числе способность преодолевать и разрешать социокультурные конфликты при общении);

– владение способами применения языка (правильное употребление социально маркированных языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения, восприимчивость к сходству и различиям между родными и иноязычными социокультурными явлениями, умение представлять родную культуру на ИЯ).

Несомненно, самым эффективным средством формирования и последующего развития социокультурной компетенции является пребывание в стране изучаемого языка, погружение в самую атмосферу культуры, традиций, обычаев и социальных норм страны.

Ввиду того, что не все студенты имеют такую возможность, необходим поиск эффективных путей и способов развития социокультурной компетенции вне языковой среды. В современной парадигме иноязычного образования существует огромное количество приемов, способов и средств формирования социокультурной компетенции. Формирование данной компетенции осуществляется в ходе естественного процесса обучения без нарушения учебного плана и, в целом, реализует те же практические, образовательные, воспитательные, развивающие и стратегические цели.

Анализируя образовательный процесс в вузе можно отметить, что главным социокультурным компонентом содержания обучения является учебный текст. В качестве учебного текста можно использовать тематические, страноведческие, художественные тексты, диалоги и полилоги, стихи, песни, письма, ситуативные клише, пословицы, поговорки, высказывания, интервью, аудиотексты бесед с носителями языка. Например, изучая английские пословицы, сравнивается, как одна и та же мысль передается разными средствами в разных языках, и обращается внимание на то, что народная мудрость, выраженная в пословицах интернациональна. Мы

говорим по-русски «Красив тот, кто красиво поступает» и по-английски: «Handsome is handsome does». Из произведений художественной литературы студенты узнают о жизни, традициях, обычаях, образе жизни страны, а также знакомятся с языковой культурой этих стран.

Следующий момент, о котором нельзя забывать, говоря о формировании социокультурной компетенции – это конечно, речевой этикет. Речевой этикет имеет особое значение для воспитания личности в целом. Принимая во внимание нашу языковую культуру, можно многому научиться и научить, изучая английский разговорный этикет. Про англичан говорят? что они «hardly ever lie, but they would not dream of telling you the truth» что означает «они едва ли говорят неправду, но и правду не говорят». Такова языковая культура как, впрочем, и национальный характер. Те, кто побывал в Великобритании, отмечают тот факт, что буквально на каждом шагу на улице и в любом общественном месте вы слышите: «I am sorry, Excuse me, Thanks a lot» и т.д. Обучая речевому этикету нужно знать не только старые традиции, но и быть на уровне сегодняшнего дня. Например, быть в курсе, что появился неологизм «Ms» позволяющий обращаться к любой женщине, не боясь ошибиться, замужем она или нет, наряду со старыми обращениями «Miss» и «Mrs».

Социокультурная компетенция является сложным целым, одной из составляющих которого выступает безэквивалентная лексика, топонимика, имена собственные и др. Эти составляющие находят свое отражение в таких источниках информации, как жанрово-стилистические разновидности аутентичных текстов, которые содержат социокультурную информацию о стране изучаемого языка, ее культуре, традициях. При этом аутентичные визуальные тексты служат в качестве опоры при формировании навыков диалогической и монологической речи. Ту же роль играют и видеоматериалы, аудиоматериалы в виде текстов социокультурной направленности. Использование указанных материалов и усвоение содержащихся в них социокультурных знаний является обязательным

условием достижения обучающимися соответствующего уровня социокультурной компетенции, необходимой для межкультурного общения.

Однако при подборе текстов, необходимо опираться на определенные требования:

- аутентичность используемых материалов;
- информационная насыщенность;
- новизна информации для адресата;
- современность и актуальный историзм;
- коммуникативность (тексты отражают те или иные ситуации социокультурного общения);
- проблемный характер, стимулирующий последовательное обсуждение социокультурных вопросов;
- учет интересов студентов (в том числе профессиональных);
- соответствие речевых высказываний литературной норме изучаемого иностранного языка;
- страноведческая и лингвострановедческая значимость материалов.

Методика работы с текстами может включать следующие упражнения:

1. Упражнения, основанные на сопоставлении языковых и культурных фактов родной и иноязычной культур, выявление в них общего и различного.

2. Упражнения познавательно-поискового характера, направленные на выявление стереотипов поведения и традиций иноязычной деловой культуры.

3. Речевые упражнения на аудирование, чтение аутентичных текстов лингвострановедческого характера как на бытовую тематику, так и профессиональной направленности.

4. Речевые упражнения на говорение: ролевые игры, проблемно-коммуникативные задания, культурологические-познавательные задания.

В процессе формирования социокультурной компетенции посредством выполнения условно-речевых и речевых упражнений могут решаться следующие задачи:

- распознавание культурных образов и символов;
- изучение предметов культуры;
- изучение моделей повседневной жизни;
- изучение поведения иностранцев;
- изучение моделей общения;
- изучение ценностей и традиций;
- сравнение родной культуры и культуры страны изучаемого языка;
- познание региональной культуры.

Ещё одним способом развития социокультурной компетенции студентов является использование видеоматериалов. Видеофильмы являются своего рода культурным портретом страны. Благодаря им студенты могут воочию увидеть ландшафты и достопримечательности страны, наблюдать процесс праздника, обряда, модели поведения людей в повседневной жизни, например, в кафе и в магазине, на вокзале и на дне рождения, поиск и аренда квартиры, приеме у врача и т.д.

Аудио- и видеоматериалы продолжают быть популярными в настоящее время и являются неотъемлемой составляющей медийных средств современного учебного процесса. Но сегодня телекоммуникация и информационные технологии играют всё большую роль в повседневной и профессиональной жизни современного специалиста, поэтому возникает необходимость использования информационных технологий в формировании

и развитии социокультурной компетенции. Интернет является аутентичной виртуальной интерактивной языковой средой и мощным инструментом приобретения знаний. Существует множество тематических справочников и каталогов интернет-ресурсов, в которых можно найти конкретные веб-адреса тех или иных сайтов, посвящённых тем или иным сферам человеческой жизни, в том числе и обучению иностранным языкам.

Электронные словари и энциклопедии, газеты и журналы на языке оригинала, образовательные сайты, форумы, - все это дает возможность в более полном объеме увидеть социокультурные особенности изучаемого предмета и получить исчерпывающую информацию по тем или иным вопросам.

Таким образом, формирование и развитие социокультурной компетенции при обучении ИЯ бакалавров позволит избежать ошибок социокультурного характера, что предотвратит дискommunikацию при общении с носителями языка. Кроме того, социокультурная компетенция будет способствовать пониманию взаимосвязи между сложившимися образцами поведения и традициями, ценностями, отношениями, присущими культуре изучаемого языка; осознанию роли родного языка и культуры в развитии общечеловеческой культуры; формированию аналитического подхода к изучению зарубежной культуры в сопоставлении с культурой своей страны; развитию у бакалавров языковой культуры описания реалий страны изучаемого языка и реалий российской жизни на ИЯ.

Список литературы

1. Воробьев Г. А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 30-35.
2. Мильруд Р. П. Максимова И. Р. Обучение культуре и культура обучения языку // Иностранные языки в школе. 2012. № 5. С. 12.

3. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высш. шк.; Амскорт Интернэшнл, 1991. 305 с.
4. Сафонова В. В. Культуроведение в системе современного языкового образования //Иностранные языки в школе. 2001.№ 3. С. 14-16.
5. Шишканова В. В. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения ИЯ // Иностранные языки в школе. 2012. № 2. С. 80.

***THE DEVELOPMENT OF BACHELORS' CULTURAL COMPETENCE IN
FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION***

Angelika Evgenevna Караева
Magadan, Russia

Annotation. The article is dedicated to the development of Bachelors' cultural competence. The analysis of cultural competence definitions provided the selection of the most effective methods, aids for the development of Bachelors' cultural competence to communicate successfully with native speakers in everyday life as well as in professional sphere.

Key words: cultural competence, intercultural communication, authentic text, culture-oriented linguistics.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ КОММУНИКАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Карева Людмила Александровна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Баюкова София Денисовна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.14

Аннотация. В статье рассматриваются глаголы коммуникации, которые выражают передачу, прием, обмен, преобразование, хранение и воспроизведение информации. Были выявлены особенности употребления глаголов коммуникации, характерные для научных текстов. Проведенное исследование научных текстов подтвердило наличие пяти лексико-семантических групп коммуникативных глаголов.

Ключевые слова: глаголы коммуникации, научно-технические тексты, лексико-семантическая группа, синтаксическое исследование.

Под глаголами коммуникации мы понимаем глаголы, которые выражают передачу, прием, обмен, преобразование, хранение и воспроизведение информации. Глаголы коммуникации широко употребляются в текстах разных жанров, в том числе и в научно-технических. Это утверждение основано на проведенном нами исследовании глаголов коммуникации в синтагматическом окружении. Исследование включало статистический анализ выборки текстов, общим объемом 2,5 млн. словоупотреблений, а также сплошную выборку глаголов коммуникации из 25 англо-русских, англо-английских и многоязычных словарей. Полученный частотный список глаголов показал, что глаголы коммуникации составили 30% от общего количества глаголов, встретившихся в выборочной совокупности.

Изучение типов текстов научно-технической литературы дало нам возможность заключить, что глаголы коммуникации в них в количественном

отношении представлены в меньшей степени, чем в художественных текстах. По соответствующим типам текстов, взятых из пьес, прозаических произведений и научно-технических текстов мы получили следующие данные; на одинаковое количество словоупотреблений (305000) приходится 5400 употреблений глаголов коммуникации в пьесах, 3490 — в прозе и 1720 — в научно-технических текстах. В последних глаголы коммуникации выделяются среди других своей достаточно высокой степенью употребительности. Результаты исследования глаголов коммуникации в английском языке в научно-технической литературе могут быть наиболее эффективно применены в области информатики, при составлении компьютерных программ, при составлении учебных пособий, в частности учебных словарей. Данные проведенного исследования могут быть также использованы для сопоставительного анализа наборов коммуникативных глаголов, принадлежащих к разным лексико-семантическим группам в научно-технической литературе с одной стороны, в художественной литературе — с другой. Полученные данные могут быть использованы и в области лексикологии и стилистики английского языка.

Приведенная нами парадигматическая классификация глаголов коммуникации методом дефиниционного анализа выявила пять лексико-семантических групп: 1 группа — глаголы передачи информации; 2 — глаголы приема информации; 3 — глаголы обмена информацией; 4 — глаголы преобразования информации; 5 — глаголы хранения и воспроизведения информации[2].

В общей классификации глаголов коммуникации интерес представляют глаголы, которые связаны с характеристикой процессов коммуникации, имеющих место в компьютерных программах. Условно их можно назвать техническими глаголами коммуникации. Технические глаголы коммуникации в своем подавляющем большинстве оказываются фактофиксирующими и содержат очень незначительный слой фактооценивающих глаголов. Иными словами, план выражения языка

технических устройств не описывается в терминах коннотативной семантики. Для машин безразлична паралингвистическая информация (мимика, жесты, эмоциональная окраска произносимого). В машинном языке отсутствуют информационная избыточность, полисемия, омонимия и т. д., которые характерны для коммуникации на естественном языке.

Если рассмотреть распределение технических глаголов коммуникации по отдельным лексико-семантическим группам коммуникативных глаголов, то выявится следующая картина. В лексико-семантической группе глаголов передачи информации присутствуют технические глаголы коммуникации, выражающие только информацию о различных командах. Из сферы технических глаголов коммуникации выпадают все глаголы, характеризующие манеру речепроизводства. Техническую группу глаголов передачи информации образуют глаголы, являющиеся по своему функциональному назначению аналогом директивных речевых актов, выполнение которых обязательно для принимающего установку. В лексико-семантическую группу глаголов приема информации входит небольшая группа технических глаголов, так как в компьютерных устройствах факт приема информации подтверждается механизмом обратной связи, (например, *toget, toreceive, together, etc.*). Наиболее специфичной для технических глаголов коммуникации является группа глаголов преобразования информации (например, *toencode, totranslate, tocipher, totransform, etc.*). К этой группе вплотную примыкает лексико-семантическая группа глаголов хранения информации (например, *tostore, tostorage*). Группа глаголов обмена информацией в технической литературе в целом характеризует коммуникативную деятельность людей: отдельные глаголы приобретают смысл технического обмена информацией. При этом понятие «обмен информацией» в актах коммуникации с участием технических устройств не имеет другого смысла, кроме как последовательность отдельных актов передачи и приема информации.

Считается, что отличительные черты каждого стиля зависят от его социального назначения и от той комбинации языковых функций, которая преобладает в акте коммуникации, т. е. от сферы общения [1]. Что касается основной функции научного стиля, то ею является интеллектуально-коммуникативная функция, которую можно проследить в текстах, предназначенных для сообщения точных сведений из какой-либо области науки, техники и т.д.

Материалом для синтагматического исследования глаголов коммуникации, с точки зрения их употребления в научно-технической литературе, послужили научные журналы по информатике, радиоэлектронике и др. Исследование данной научной литературы позволило выявить некоторые особенности употребления глаголов коммуникации, характерные для различных научных текстов:

1. Научные тексты характеризуются тем, что авторская речь построена в них от первого лица множественного числа, что как бы вовлекает читателя в процесс доказательств и рассуждений.

2. Глаголы коммуникации особенно часто встречаются в высказываниях в прямой или косвенной речи в статьях, содержащих отчеты о научных конференциях, симпозиумах, в международных обзорах по технике, в научных обзорах. Здесь выделяется довольно многочисленная группа глаголов, таких как *to comment, to explain, to note, to point out, to observe, to state, to add, to remark, to declare, to stress, to assert, to say, to continue, to sum up, to inform, to indicate, to report, etc.*

3. В научных статьях глаголы коммуникации широко употребляются в безличных конструкциях типа *it states, it reports, it notes, etc.*

4. В В статьях под рубрикой «New product's/material» («Новинки») при описании работы различных механизмов глаголы коммуникации употребляются очень редко, в основном в форме страдательного залога, например, *the results are summarized in...; calculations were carried out to...; the results were compared with...* («A of N. E.». - P. 237—238).

5. В научных текстах часто информация передается с помощью различных средств наглядности, а именно таблиц, рисунков и т. п., которые сопровождаются глаголами коммуникации. Например:

Table 1 indicates, expresses, reproduces describes, shows, etc.

Figure 3 summarizes, tells us, illustrates, etc.

6. Глаголы коммуникации часто употребляются в настоящем продолженном и будущем времени вместо простого настоящего времени, например:

We are offering to take responsibility... («El. 10». - P. 179). We will now demonstrate the application of the theory to... («A. of N. E.» - P. 209)

В научном стиле глаголы коммуникации довольно широко используются в пассивном залоге, чем достигается большая степень обобщения. Здесь можно выделить такие конструкции, как *it is known, it is said, it is recommended, it is suggested, it has been said, it has been shown, it was concluded, it was noted, it will be shown, etc.*

Научные тексты не исключают также экспрессивность при указании на важность излагаемого материала.

Проведенное исследование научных текстов подтвердило наличие пяти лексико-семантических групп коммуникативных глаголов (упомянутых выше).

Наибольшее количество глаголов составляет группа глаголов передачи информации, среди них такие глаголы, как *to declare, to point out, to inform, to show, to prove, to describe, to explain, to mention, to formulate, to announce, to suggest, to analyze, to report, etc.*

This paper reports on some analysis of... («A of N. E. - P. 277). They inform us of important new programming algorithms. («El. 10». - P. 25).

Лексико-семантическая группа глаголов приема информации представлена такими глаголами, как *to examine, to investigate, to learn, to read, to test, etc.*

A programme called IPP analyses newspaper stories about terrorism. It reads the stories. It elicits the important information from... («М. Т. Т.» - P. 36-37). The effect of...has been investigated by testing... («£. С.»), P. 147).

Среди глаголов преобразования информации можно выделить, следующие глаголы: to interpret, to translate, to transmit, to decode, etc.

Programs... first wait for a ready information, then transfer the data and finally check that... («El.10». P. 142). It normally decodes all but three addresses... (Ibid. P.137).

Лексико-семантическая группа глаголов хранения и воспроизведения информации в технических текстах представлена следующими глаголами: to contain, to know, to remember, to recall, etc.

... an operator going through a test and controller remembering how he configures... («El.10». - P. 112). We know the problems that arise in developing these systems. (Ibid.-P. 148).

Встречаются также и некоторые глаголы, связанные с обменом информацией, например: to exchange, to communicate, to discuss, to talk, etc.

One day a global network of smart machines will be exchanging rapid fire bursts of information with unimaginable speed («М. Т. Т.» P. 40). Machines are even communicating with each other (Ibid. P. 34). They will be able to produce machines that, both talk and listen with a high degree of accuracy (Ibid - P. 34).

Как показало данное исследование, в научной литературе по информатике, а также в литературе, где описываются коммуникативные процессы, глаголы коммуникации представлены в большем объеме по сравнению с другой научной литературой (по радиоэлектронике, ядерной энергии и т. д.), ведь информатика определяется как наука о способах восприятия, хранения, переработки и использования информации в машинах, живых организмах и их объединениях.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным сделать следующие выводы.

В научно-технических текстах, исследованных нами, встречаются глаголы коммуникации пяти лексико-семантических групп: глаголы передачи, приема, обмена, преобразования, хранения и воспроизведения информации. Наиболее характерно употребление глаголов передачи информации в письменном виде и с помощью технических средств, глаголов преобразования, хранения и воспроизведения информации. Совершенно отсутствуют в научных текстах глаголы коммуникации, характеризующие манеру говорения (речепроизводства) в отличие от произведений художественной литературы, где они занимают значительное место. Нельзя не указать на необходимость выделения для учебных целей специфической группы глаголов коммуникации, характеризующих процессы обмена информацией, которые играют огромную роль в современных системах хранения, переработки и выдачи информации, а также глаголов общего назначения, т. е. в равной мере употребляющихся в научно-технических текстах всех типов.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1973. – С. 68.
2. Багдасарова А. А. Лексико-семантические и текстовые свойства глаголов коммуникации в современном английском языке. АКД. Одесса, 1983.
3. Баюкова С. Д., Карева Л. А. Трудности усвоения лексики и пути их преодоления // I Международные научные чтения (памяти А. М. Бутлерова) Сборник статей Международной научно-практической конференции – М.: 2019. С. 19-23.
4. Дефиниционный анализ глаголов коммуникации проводился по Оксфордскому словарю „TheShorterOxfordEnglishDictionary”.-Vol. 1-2.- 1955 — 1956, 2006.
5. Карева Л. А. Опора и учет родного языка в процессе иноязычного обучения // Современный ученый No 1 – 2019. С. 68-72.

6. Карева Л. А. Понимание интернациональных словосочетаний при аудировании и чтении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. - Серия: Гуманитарные науки. – Вып. 11/2 (ноябрь). - 2018.С. 56-60.

7. Weinrich H.. Wege der Sprachkultur.-Stuttgart: Deutsche Verlags — Anstalt, 1985.-S. 7.

***THE USAGE OF ENGLISH COMMUNICATIVE VERBS IN SCIENTIFIC
TECHNICAL PUBLICATIONS***

Lyudmila Aleksandrovna Kareva
Sofia Denisovna Bayukova
Magadan, Russia

Annotation. In the article “The Usage of English Communicative Verbs in Scientific Technical Publications” communicative verbs of transmission, reception, exchange, transformation, storage and reproduction of information have been examined. It has been revealed peculiarities of communicative verbs typical usage for different scientific publications. The investigation of scientific publications has been corroborated the presence of five lexic-semantic communicative verbs groups.

Key words: communicative verbs, scientific technical publications, lexic-semantic group, syntagmatic investigation.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕДАЧИ РОМАНА «ЗАГАДОЧНОЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ В СТАЙЛЗЕ» НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ)

Касымбекова Анара Адилбековна

г.Москва, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.15

Аннотация.Статья посвящена исследованию приемов перевода реалий в художественной литературе. Анализу подвергаются 3 перевода романа А. Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе» на русский и немецкий языки. Сопоставление оригинала и переводов между собой обнаруживает разную частотность и разную успешность решения переводческой задачи.

Ключевые слова: транскрипция, транслитерация, калькирование, компенсация, уподобление, описательный и нулевой перевод.

Лингвисты давно стали уделять внимание изучению средств и способов перевода, а также авторскому стилю выполнения перевода, что всё вместе принято называть «переводческой манерой». Уже в Средневековье была замечена зависимость между степенью буквализма и удобочитаемостью перевода. Переводческое своеобразие стало объектом более пристального изучения европейских филологов в эпоху Возрождения, когда в связи с изобретением книгопечатания резко возросло количество переводов. Стали появляться различные переводы одних и тех же литературных памятников (как религиозных, так и светских). Следует отметить, что в Англии в период с 1558 по 1568 гг. было создано в четыре раза больше переводов, чем за предыдущие 50 лет [Baker, 1998, 654 p.], в котором одни переводчики стремились к формально точной передаче оригинала, а другие придерживались более свободного подхода, чтобы достичь в переводе связности. В интеллектуальных кругах Европы Нового времени обсуждался ряд вопросов осуществляемой при переводе адаптации для удобства рядового читателя. Переводчики также считали, что благодаря

переводам обогащается и развивается их родной язык, оформляется литературная норма. Следует отметить первых английских переводчиков, таких как: Джордж Чапмен (1559-1634), Джон Денем (1614/15-1669), Джон Драйден (1631-1700), которые пытались теоретически описать переводческую работу. Остановимся на словах Д. Драйдена: «... между буквальным и вольным переводами следует искать золотую середину, сохраняя дух автора в традициях классицизма и адаптируя произведение соответственно эстетическим канонам эпохи» [Комиссаров, 2000, с. 27].

Вопросами трансформационной теории перевода и переводческих трансформаций занимались многие известные лингвисты, в частности: В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, Л. С. Бархударов, Я. И. Рецкер и др., поэтому существует несколько различных классификаций переводческих трансформаций. Следует отметить, что не существует абсолютного согласия относительно самого понятия «переводческой трансформации» между лингвистами, изучающими вопросы трансформационного перевода.

В нашем исследовании мы рассматриваем реалии в художественной литературе на примерах анализируемого романа А. Кристи, которые считаются одной из важных проблем для переводчиков. Реалии являются лексическими единицами, называющими предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, они передают социальный и исторический колорит народа. В литературных произведениях встречается немало реальных и вымышленных имен собственных. Имена собственные в литературном переводе не только выполняют функции наименования, но и являются теми словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета мысли [Лысенкова, Чайковский, 2012, с. 147]. Таким образом, собственные имена способствуют сохранению в переводе национального колорита оригинала. Для передачи на языке принимающей культуры (культуры-реципиента) используются следующие приемы перевода реалий (в том числе, онимов): транскрипция/транслитерация, калькирование, компенсация, описательный и

уподобляющий перевод, дополнения и нулевой перевод. Далее в ходе анализа эмпирического материала мы оценим степень успешности некоторых приемов перевода для передачи прагматического содержания (на уровне интерпретатора языкового знака) онимов. Для проведения исследования мы выбрали детективный роман британской писательницы Агаты Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе» (1920) и его переводы на русский (А. Смолянского 1990 г. и М.Ю. Юркан 2015 г.) и немецкий языки (Н. Шиндлер 2015 г.).

*"Oh, **Sherlock Holmes** by all means [Christie, 1920, p.15].*

Прежде чем приступить к рассмотрению передачи имен собственных, нам хотелось обратить внимание на имя известного литературного персонажа Шерлока Холмса в оригинале романа. По словам единственного внука автора Мэтью Причарда, Агата Кристи с ранних лет увлекалась «Приключениями Шерлока Холмса», поэтому упоминание этого легендарного персонажа английской литературы в детективном романе его горячей поклонницы – не случайность.

1) *Да, да, как **Шерлок Холмс!** Нет, правда, меня все это очень привлекает [пер. Смолянского, 1990, с.4].*

2) *О, безусловно, только **Шерлоком Холмсом** [пер. Юркан, 2015, с.6].*

3) *Oh, am liebsten wie **Sherlock Holmes** [aus dem Englischen von Nina Schindler, 2015, S.14]*

Имя любимого литературного персонажа Агаты Кристи *Шерлока Холмса*, русские переводчики А. Д. Смолянский и М. Ю. Юркан передают при помощи транскрипции, на наш взгляд, правильно, поддерживая переводческую традицию. В немецком переводе этот же антропоним передан с помощью транслитерации, т.к. немецкий и английский языки генетически и типологически ближе друг другу, чем английский и русский [Нелюбин, 2012, с. 42]. Выбор приема перевода в данном случае определен степенью сходства языковых систем.

В исследуемом романе и его переводах на русский и немецкий языки переводчиками был многократно использован прием калькирования при передаче реалий.

*She works in the **Red Cross Hospital at Tadminster**, seven miles away [Christie, 1920, p.10].*

1) *Она работает в Тэдминстерском госпитале Красного Креста в семи милях отсюда [пер. Смолянского, 1990, с.2].*

2) *Она трудится в тэдминстерском госпитале Красного Креста, в семи милях отсюда [пер. Юркан, 2015, с.4].*

3) *Sie arbeitet übrigens im **Roten-Kreuz Krankenhaus in Tadminster**, etwa sieben Meilen von hier» [aus dem Englischen von Nina Schindler, 2015, S.10-11].*

Название больницы **RedCrossHospital** переводчики передали на русский и немецкий языки при помощи кальки «**госпитале Красного Креста**» и «**Roten-Kreuz Krankenhaus**», а место топоним – при помощи транслитерации.

Одна из самых прагматических причин замены реалий описана еще у Юджина Найды в его книге 1964 г. «К науке переводить» [Найда, 1964]. Отсутствие в одной из контактирующих культур понятия, идиомы, культуремы вызывает необходимость обращения к компенсации:

*Oh, it's pleasant enough if you want to lead the idle life. I drill with the **volunteers** twice a week, and lend a hand at the farms [Christie, 1920, p.9].*

1) *Ну и отлично. У нас тут все условия для праздного существования. Я иногда возжусь на ферме и дважды в неделю занимаюсь с добровольцами [пер. Смолянского, 1990, с.2].*

2) *Ну да, у нас довольно мило, если вам хочется отдохнуть в тиши. Дважды в неделю я обучаю волонтеров и помогаю на окрестных фермах. [пер. Юркан, 2015, с.4].*

Следует отметить, что слово *волонтер* имеет латинское происхождение: *voluntarius*, т.е. *доброволец* или *желающий*. В русском языке

считают заимствованным с французского *volontaire*, что означало лицо, добровольно поступившее на военную службу. Как нам известно из истории, что слово вошло в обиход еще в 1792 г. во время Великой французской революции, когда Франции понадобились военные – к границам государства подошли австрийские войска. В результате мужское население добровольно записывалось в ряды защитников Родины. Роман был написан во время войны, и подобные слова мы можем встречать на протяжении всего текста. При переводе на русский язык А. Д. Смолянский использует словарный эквивалент *добровольцы*, тогда как М. Ю. Юркан переводит обращается к транслитерации *волонтеры*.

3) *Na ja, es ist ganz schön, wenn man ein Faulenzer leben führen will. Ich exerziere zwei mal wöchentlich mit der freiwilligen Bürgerwehr und helfe den Bauern [aus dem Englischen von Nina Schindler, 2015, S.10].*

Н. Шиндлер передает *volunteers* как *freiwilligen Bürgerwehr* (добровольцы-дружинники), т.е. прибегает к помощи функционального аналога, замещая элемент английской картины мира соответствующим фрагментом немецкоязычной картины мира и осуществляя культурную адаптацию к читателям романа на немецком языке.

Следует согласиться с мнением Н. С. Автономовой и М. Л. Гаспарова, что различия между переводами могут быть объяснены тем, что «ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным – это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [Автономова, Гаспаров, 1969, с.111].

Анализ переводов показал, что при передаче безэквивалентной лексики на русский язык переводчиками также был использован уподобляющий перевод.

*I myself had been given a job at the **War Office**, so was able to see them continually [Christie, 1920, p.224].*

1) *...я имел возможность часто их видеть, поскольку устроился на работу в том же районе – в министерство обороны [пер. Смолянского, 1990, с.75].*

2) *Сам я устроился на работу в Военное министерство, поэтому мог видеться с ними практически ежедневно [пер. Юркан, 2015, с.92].*

3) *Ich hatte inzwischen einen Posten be im Kriegsministerium bekommen und konnte sie so regelmäßig besuchen [aus dem Englischen von Nina Schindler, 2015, S.180]*

Незначительное распространение при передаче реалий через языковой и культурный барьеры [Филиппова, 2017, с. 172] для носителей русского и немецкого языков получил описательный перевод.

*The inquest was held on Friday at the **Stylites Arms** in the village [Christie, 1920, p.119].*

1) *Дознание состоялось в пятницу в здании местного суда [пер. Смолянского, 1990, с.39].*

2) *Пятничное дознание организовали в приемном зале деревенского трактира² «Приют фермера» [пер. Юркан, 2015, с.49].*

3) *Die gerichtliche Voruntersuchung fand am Freitag im **durflichen Gasthof** statt [aus dem Englischen von Nina Schindler, 2015, S.97].*

Согласно мнению Л. Л. Нелюбина, художественный перевод должен «передать дух переводимого произведения» и произвести впечатление на своего читателя, какое подлинник производит на «своего» [Нелюбин, 2008, с.246]. Никакое литературное произведение немислимо без «места действия» в его сюжете. Особенно это важно для детективного романа, в котором топонимика является документальным подтверждением описываемых событий. Стоит отметить, что в тексте оригинала «**Stylites Arms**» – имя

² Деревенские трактиры, популярные в начале XX в. (в основном среди мужского населения), также включали в себя дешевый паб или ресторан и жилые номера.

собственное того объекта, где происходит дознание. А. Д. Смолянский передает топоним как *здание местного суда*, а М. Ю. Юркан – как *приемный зал деревенского трактира «Приют фермера»*. Известно, что деревенские трактиры, популярные в начале XX века (в основном среди мужского населения), также включали в себя дешевый паб или ресторан и жилые номера. Необходимо отметить, что М. Ю. Юркан не только употребляет понятие «деревенский трактир», но и вводит свои реалии описывая топоним как «Приют фермера». В немецком переводе Н. Шиндлер прибегает к генерализации *Gasthof – сельская гостиница*.

Как отмечали в своей статье «К вопросу о так называемом «Нулевом переводе» И. О. Мазирка и Г. Т. Хухуни, все авторы, занимавшиеся проблемами теории перевода, признавали, что «полнота передачи» представляет собой весьма относительное понятие. Об этом свидетельствует, к слову, и довольно часто используемый в соответствующих трудах как по отношению к грамматической стороне оригинала, так и применительно к лексическим единицам исходного текста термин «нулевой перевод». Применяется он, в частности, по отношению к реалиям, в известной работе С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1986], хотя нельзя не заметить некоторую парадоксальность указанного термина: отсутствие перевода квалифицируется как один из способов последнего [Мазирка, Хухуни, 2015, с. 66]. Рассмотрим примеры при передаче реалий в разных переводных версиях:

*He took the path **through the plantation**, and we walked down to the village through the woods which bordered one side of the estate [Christie, 1920, p.22].*

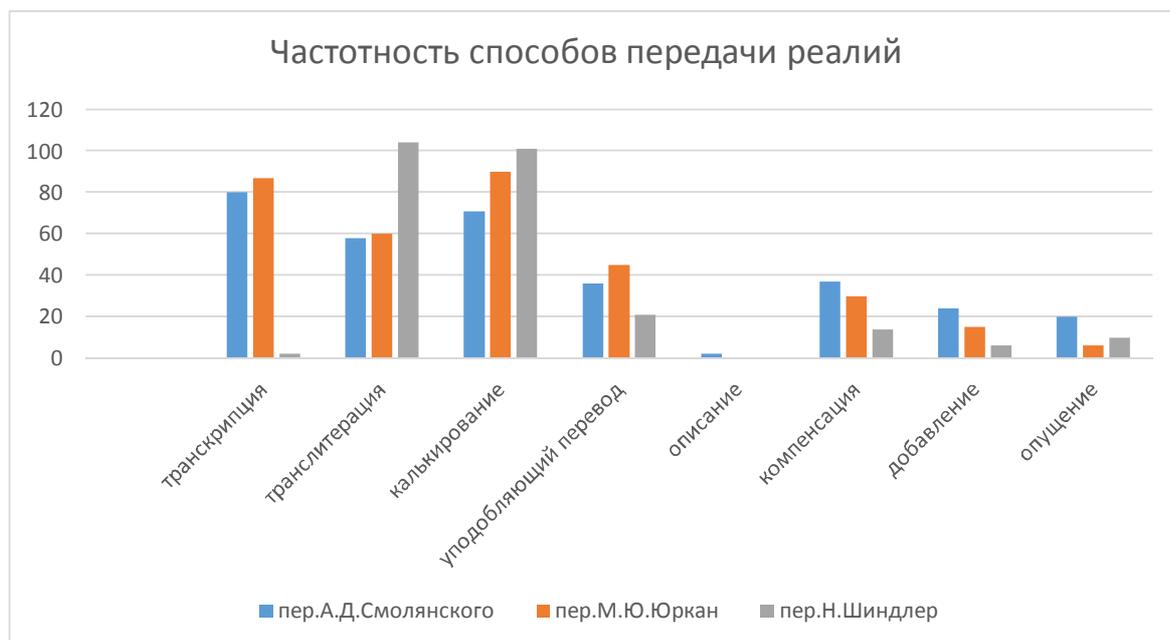
1) *В лесок, окаймлявший поместье с одной стороны, уходила тропинка, и мы двинулись по ней в сторону деревни [пер. Смолянского, 1990, с.7].*

2) *Я углубился вслед за ним в парковую аллею, и мы направились в сторону деревни через лесок, граничивший с поместьем [пер. Юркан, 2015, с.9].*

3) *Wir liefen auf dem Feldweg zum Dorf und weiter bis zum Wald, der an das Gut grenzte [aus dem Englischen von Nina Schindler, 2015, S.20].*

В нашем исследовании обнаружено расхождение способов передачи реалий, использованных переводчиками А. Д. Смолянским, М. Ю. Юркан и Н. Шиндлер. Это различие демонстрирует диаграмма, в которой представлена частотность нескольких приемов перевода реалий:

Диаграмма №1

Необходимо отметить, что в произведении «Загадочное происшествие в Стайлзе» встречается большое количество ономастических реалий. В ходе нашего исследования было выявлено, что межъязыковая передача отмечена значительной вариативностью приемов перевода. Вариативность приводит к множественности создаваемых текстов перевода [Филиппова, 2015, с. 403; Филиппова, 2017, с. 248], диверсифицируя содержание оригинала [Лысенкова, 2006, с. 112]. Тексты перевода не всегда сохраняют авторский стиль, что подтверждает тезис о необходимости обладания переводчиком большим культурологическим запасом, чтобы минимизировать ошибки [Чайковский, 2011, с. 84-87] и неточности.

Список литературы

1. Автономова Н., Гаспаров М. Сонеты Шекспира – переводы Маршака // Вопросы литературы. 1969.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986, 342 с.
3. Комиссаров В. Н., Черняковская Л. А., Латышев Л. К. Текст и перевод. М.: Наука, 2000, 192 с.
4. Лысенкова Е. Л. О законе переводной дисперсии // Вестник Московского университета. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 111-118
5. Мазирка И. О., Хухуни Г. Т. К вопросу о так называемом «Нулевом переводе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. №1. С. 65-70.
6. Найда Ю. К науке переводить. Москва, 1964.
7. Нелюбин Л. Л. Сравнительная типология английского и русского, немецкого и русского, французского и русского языков: учебник / под ред. проф. Л. Л. Нелюбина / Л. Л. Нелюбин, С. А. Бухтиярова, Л. Г. Гаркуша, И. Н. Филиппова. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 204 с.
8. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
9. Филиппова И. Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 403.
10. Филиппова И. Н. Переводная множественность в свете контакта национальных культур // Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность: сб. статей по мат. Всеросс. заоч. науч.-практ. конф. 2017. С. 167-173.
11. Филиппова И. Н. О некоторых факторах переводной

множественности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 241-248.

12. Чайковский Р. Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2011. Т. 2. № 6. С. 84–87.

13. Лысенкова Е. Л., Чайковский Р. Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2(18). С. 147-156

14. Baker M. The Routledge encyclopedia of translation studies // London, New York: Routledge. 1998.

Список источников фактического материала

15. Агата Кристи. Загадочное происшествие в Стайлзе / перевод с английского М.Ю. Юркан. М.: Эксмо, 2015. 320с.

16. Агата Кристи. Таинственное происшествие в Стайлз / перевод с английского А.Д. Смолянского. Свердловск: Лига, 1990. 288с.

17. Agatha Christie “The Mysterious Affair at Styles”. New York: Berkley, 1920. P.320

18. Agatha Christie “Das fehlende Glied in der Kette” (tr. Nina Schindler). Мьнchen: Atlantik, 2015.P.224

THE VARIABILITY TRANSLATION OF REALITIES (ON THE MATERIAL “MYSTERIOUS AFFAIR AT STYLES” INTO RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

Anara Adilbekovna Kasymbekova
Moscow, Russia

Annotation. We investigate the translation methods of realities in fiction. The analysis includes 3 translations of A. Christie's novel "Mysterious Affair at Styles" into Russian and German. Comparison of the original and the translations reveals different frequency and different success of the translation task.

Key words: transcription, transliteration, tracing, compensation, assimilation, descriptive and zero translation.

АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭЗИИ Э. М. РЕМАРКА

Ковынева Елена Александровна
кандидат филологических наук
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.16

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с отличительными особенностями неологизмов, окказионализмов и авторских слов на примере поэтического наследия всемирно известного писателя Э.М. Ремарка.

Ключевые слова: неологизм, окказионализм, индивидуально-авторские неологизмы, поэзия Э. М. Ремарка, идиостиль.

Проблема возникновения неологизмов достаточно актуальна для носителей любого языка. Все новое, с одной стороны, привлекает внимание, а с другой стороны может вызывать опасение и даже неприятие. Такое положение вещей наиболее ярко проявляется в восприятии особого вида неологизмов – окказионализмов или, по-другому говоря, авторских неологизмов. Немецкоязычному читателю также знакомо окказиональное поэтическое творчество, свойственное всей современной немецкой поэзии. Поэтому обращение к творческому наследию всемирно известного литератора Эриха Марии Ремарка в вышеуказанном аспекте вполне обосновано. Процесс обновления лексики любого языка непрерывен, в силу того, что язык является сложной динамической системой, общественным феноменом. Язык находится в вечном развитии, так как он является средством коммуникации людей. Развитие общества находит отражение в разнообразных лексических единицах, которые определяют общественные отношения и изменения, которые обязательно влекут за собой лексические инновации и преобразования в языке. За период с конца XX и по начало XXI вв. в немецком языке произошли значительные изменения, его словарный состав обогатился новыми словами, многие уже имеющиеся слова приобрели

новые значения, в это же время многие другие слова утратили свою актуальность.

Неологизмами являются слова и словосочетания, созданные для обозначения новых явлений, предметов, понятий [Тугуз: 25].

Неологизмы подразделяются на общеязыковые (лексические) и авторские.

Лексические неологизмы появляются с помощью словообразовательной деривации – образования новых слов из существующих в языке морфем по известным моделям, то есть по образцу уже существующих в языке слов.

В результате семантической деривации новые слова, уже существующие в языке, приобретают новое значение.

Индивидуально-авторские неологизмы создаются писателями и поэтами с определённой художественной целью. Как правило, такие слова не находят широкого распространения в языке и используются только в узком контексте произведения (окказионализмы).

От неологизмов следует отличать окказионализмы – слова, образуемые «по случаю», в конкретных условиях речевой коммуникации. Как правило, такие слова противоречат языковой норме и отклоняются от привычных способов словообразования в данном языке.

А. Г. Лыков даёт следующее определение: «Окказионализм – это речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производности» [Лыков: 36].

Авторские неологизмы – это, по сути, тоже случайные слова, использованные автором один раз в каком-либо тексте или акте речи. Авторские неологизмы не фиксируются в словарях, они носят единичный характер в языке одного автора и тесно связаны с окружающим контекстом.

Существуют следующие типы индивидуально-авторских неологизмов:

1. Фонетические. Такие неологизмы появляются тогда, когда автор использует в качестве нового слова определенный звуковой набор, полагая, что этот набор передаёт некую семантику, обусловленную либо фонетическими значениями звуков, либо контекстом.

2. Лексические. Создаются путём слияния узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой;

3. Грамматические. Создаются путём нарушения грамматической нормы.

4. Семантические окказионализмы – результат появления семантический приращений, которые обретаются в контексте.

5. Окказиональные словосочетания, образованные нарушением семантической сочетаемости, то есть входящие в состав слова, взятые по отдельности, не имеют общих сем, но приобретают их в данном контексте. [Бабенко: 12].

В художественной речи исключена неподготовленность, спонтанность. Слова могут создаваться авторами как по моделям, так и с нарушением словообразовательных закономерностей, для особой выразительности текстов. Это делает окказионализмы ярким стилистическим средством. Некоторые исследователи считают, что окказионализм по своей сути не может являться неологизмом поскольку является «персональным» фактом речи. В таком случае, по мнению А. Ю. Астафьева, окказиональные образования принципиально не могут называться неологизмами, так как используются только для определенной цели. [Астафьев: 5]

К неологизмам обращаются многие авторы, используя лексику родного языка, чтобы обозначить всем известные понятия, и изобретая новые слова для тех явлений, которые он сам впервые придумал и зафиксировал в своем произведении [Алексеева: 120].

Таким образом, слово в художественном произведении становится носителем поэтического смысла, оно обретает способность вызывать различные эмоции.

Обратимся к поэтическому творчеству Э.М. Ремарка и проанализируем эволюцию авторского стиля писателя.

Так в стихотворении «Intermezzo», относящемся к первому периоду его поэтического творчества, встречается один авторский неологизм – *fernfremd*. Может показаться, что Ремарк в данном случае не оригинален: он использует частотную словообразовательную модель немецкого языка: соединяет основы *fern* и *fremd*. Но новизна в том, что именно такое сочетание этих основ в едином слове не зарегистрировано в различных текстах, написанных на немецком языке, а также отсутствует в словарях. На наш взгляд, словосочетанием *an fernfremdem Ort* Ремарк усиливает стремление лирических героев кардинально изменить свою судьбу.

Стоит отметить, что в конце первого периода появляются произведения, акценты в которых смещаются в сторону философских рассуждений, усложняются лексемы. В одних из первых произведений доминировал лексический материал, представленный корневыми словами, а последующих периодах появляется значительное количество сложных слов, представленных в основном авторскими неологизмами поэта. В синтаксической составляющей тоже произошли значительные перемены, строки удлиняются или сокращаются, некоторые строки заканчиваются тире, что свидетельствует о невозможности высказать свои мысли.

В стихотворении «Dir», которое также можно отнести к любовно-философской лирике, оригинальность создается за счет использования окказионализмов *All-Eini All-Glaube*. На первый взгляд данные слова по своей модели похожи на такое широкоупотребительное слово, как *Alltag*. Ремарк же акцентирует внимание на внешней подаче данных слов, прописывая их составные части через дефис, а также выбирая курсив. Тем самым он привлекает внимание читателя к этим словам, делает их наиболее важными, смыслообразующими:

All-Ein – это не просто единство, целостность, в нем герменевтически представляется все через отдельное, а индивид через всеобщное;

All-Glaube – это не просто вера, а всепоглощающая вера, пронизывающая все существо, и поэтому разрушение веры воспринимается как конец существования.

Как показывает лингвостилистический анализ лексики стихотворений Ремарка, то постепенно в первом периоде появляются, а в последующих начинают доминировать, поэтические тексты, акценты в которых смещаются в сторону философских понятий, в связи с чем, количество авторских неологизмов увеличивается: *Mensch-Sein, Dasein, Nichtigkeit, Nichts, Dasein-Sturm, Ewigkeit, Dämmern, Dämmerregen, Seele, Menschtum, Frage=Schrei, Ur=Beginn, Lebens Sinn, All, Alleinseins Qual* и др. При этом большинство текстов неопубликованы и доступны для прочтения только в Архиве Э. М. Ремарка (Оснабрюк, Германия).

Использование неологизмов говорит об эволюции индивидуального стиля Ремарка. По мнению Е. Л. Лысенковой, эволюция идиостиля проявляется в предпочтительном использовании тех или иных лексических средств и в предпочтении, которое автор отдает тем или иным синтаксическим конструкциям, а также тем или иным стихотворным жанрам и формам [Лысенкова, 1996: 63].

Это утверждение справедливо и в отношении развития стиля Ремарка, поскольку изменение стилистики его стихотворений за счет использования новых лексических единиц прослеживается на разных уровнях поэтических текстов.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. – М.: Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
2. Астафьев А. Ю. Художественные функции окказионализмов (на материале поэм В. В. Маяковского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 16 с.

3. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте: структурно-семантический анализ. – М.: Прогресс, 1997. – 84 с.
4. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 119 с.
5. Лысенкова Е. Л. Эволюция поэтического языка Р. М. Рильке и проблемы ее отражения в русских переводах: дис. ... на соиск. уч. степени канд. филол. наук. – Магадан, 1996. – 290 с.
6. Ремарк Э. М. Стихотворения / Пер. с нем. Р. Чайковского. – Текст парал. нем., рус.– Магадан: Кордис, 1999. – 75 с.
7. Тугуз Э. А. Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2014. – 271 с.

AUTHOR NEOLOGISMS IN POETRY OF E. M. REMARQUE

Elena Alexandrowna Kovyneva
Magadan, Russia

Annotation. The article discusses issues related to the distinctive features of neologisms, occasionalisms and author words on the example of the poetic heritage of the world famous writer E.M. Remarque.

Key words: neologism, occasionalism, individual author's neologisms, poetry of E. M. Remarque, idiostyle.

**РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ
ЗАВЕДЕНИИ**

Крашенинников Евгений Евгеньевич
кандидат психологических наук
г. Москва, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.17

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития языковой компетенции в условиях применения структурно-диалектического подхода. Автор применяет метод построения диалектических задач, формирующих пространство возможностей для применения диалектических мыслительных действий.

Ключевые слова: высшая школа, языковая компетенция, структурно-диалектический подход.

Раскрытие диалектической структуры содержания предмета позволяет раскрыть внутри учебной дисциплины новые возможности для развития творческого, продуктивного мышления обучающихся (6; 19-20). Педагог может конструировать диалектические учебные задачи в рамках любой программы, используя любой имеющийся учебник и учебное пособие. Диалектическая структура может изначально находиться внутри содержания учебного материала (как в процессе сознательного структурирования автором, так и в скрытом для автора, но явленном для проектировщика учебной задачи виде); она может быть выявлена преподавателем в процессе разработки занятия.

Когда идеи структурно-диалектического подхода стали применяться в процессе обучения и была разработана технология позиционного обучения студентов (3; 217-237), возник вопрос: насколько возможно развитие диалектического мышления (а, значит, и выстраивание методически проработанного пространства) при работе с формальнологическим содержанием. На позиционных семинарах по предметам лингвистического,

психологического, литературоведческого, исторического цикла участникам предъявлялись тексты (лекция, отрывок монографии, статья), которые требовалось понять, так как их реальный смысл не был предъявлен напрямую. Это могли быть тексты, в которых описывались взгляды учёных, с которыми соглашался или не соглашался автор текста; тексты, в которых вводилось новое научное понятие (при этом могло использоваться уже существующее в языке слово, которое насыщалось новым смыслом); могли предъявляться тексты, описываемое в которых явно расходилось с опытом обучающихся и т.п. Вся работа велась, во-первых, с текстами научными, во-вторых, гуманитарной, общекультурной направленности. Именно поэтому оставалось дискуссионным: 1) можно ли разворачивать позиционный диалектический анализ не научного текста: например, главы учебника или некритично написанной монографии, сомнительной с точки зрения предъявления доказательств и выводов; 2) можно ли разворачивать позиционный диалектический анализ текста из области точных или естественных наук (в котором выводится математическая формула, описываются экспериментальные процедуры обнаружения явления и т.п.). В экспериментальной работе со студентами были проведены серии занятий, в которых проводилось обсуждение не научных текстов; позиционный анализ на математике, физике или химии не апробировался. Важно понять, возможно ли построение развивающих диалектических занятий на основе содержания, в котором все взаимосвязи явлены, одно вытекает из другого, логика следует закону непротиворечия. С возрастанием знаний всё больше становится схем, формул, правил, которые можно напрямую применять для оценки содержания, ответов на вопросы, формулировок выводов. Диалектическое обучение возможно, если темы касаются открытия каких-либо явлений, содержание включает либо дискуссию между оппонентами, либо внутреннюю дискуссию, в которой преодолеваются стереотипы и «сопротивление материала». Но в данном случае мы имеем дело уже с содержанием историческим – по сути, гуманитарным.

Диалектическая задача задает пространство возможностей для применения диалектических мыслительных действий (1; 133-134). Можно выделить пять групп способов преобразования проблемных ситуаций (привнесённых извне и принятых субъектом как задачи или же переформулированных обычных, формально-логических с обнаружением противоположностей и диалектического противоречия) на разном содержании:

- первичные (когда при решении диалектической задачи происходит применение одного диалектического мыслительного действия);

- вторичные параллельные (когда при решении диалектической задачи одно и то же диалектическое мыслительное действие применяется дважды или неоднократно, в результате чего предлагаются новые варианты решений, альтернативные, не отрицающие предыдущие, но демонстрирующие иные возможности развития ситуации);

- вторичные последовательные (когда при решении диалектической задачи одно и то же диалектическое мыслительное действие применяется дважды или неоднократно, но не с целью продемонстрировать богатство возможностей, а последовательно, с целью найти продуктивный ответ);

- последовательные (когда при решении диалектической задачи применяются несколько диалектических мыслительных действий для достижения результата);

- целостные (когда в процессе решения диалектической задачи обнаруживается целостная структура объекта и задаются возможности его преобразования путём применения любых диалектических мыслительных действий).

В случае применения последовательных и вторичных последовательных диалектических мыслительных действий можно вести речь о нескольких диалектических задачах, из которых реально состояла первичная; но дело как раз в том, что задачей является та изначальная проблемная нерасчленённая ситуация, как она явлена субъекту и как принята

им. Поэтому её членение, происходящее по ходу решения, является единым процессом; мало того, это членение в ситуации реального решения жизненной задачи происходит уже в дальнейшем в процессе рефлексии способов этого решения или даже не происходит вовсе; само решение задачи воспринимается как естественный, натуральный процесс; субъект оперирует элементами содержания, не выделяя для себя (и не делая заметной для окружающих) противоречивую структуру, противоположности, не фиксирует этапы решения (а если фиксирует, то опять-таки оперируя при этом элементами содержания, которые могут не совпадать с диалектическими схемами решения, на которых они базируются).

Приведём несколько примеров диалектических учебных задач филологической и культурологической направленности.

- Является ли театральная монологическая речь?

- Если человек звонит на радио и задаёт гостю в студии вопрос, после чего его (звонившего) отключают и передают слово для ответа ведущему, является ли такое общение диалогом?

- В литературе часто можно встретить записанную автором практически дословно, со всеми речевыми особенностями устную речь. Является ли эта записанная речь устной или письменной?

- Посмотрите запись отчётного доклада генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС. Относится ли этот доклад к устной речи или письменной?

- Если человек не знает ни одного правила из тех, что изучают на предмете «Русский язык» в школе, но свободно разговаривает по-русски, можно ли сказать, что он владеет русским языком?

- Отражает ли литература «потока сознания» (Дж. Джойс «Улисс», Викт. Ерофеев «Русская красавица») реальную речь и реальное мышление?

- Если разрешить произносить в официальных речах, в средствах массовой информации слова, которые относятся к нецензурной лексике, станут ли они культурными?

- Может ли слово «утюг» стать ненормативным?

- Если при составлении словаря будет допущена ошибка и в слове проставлено неправильное ударение или написано неверное количество удвоенных согласных, то становится ли такое написание или произношение нормативным?

- «Русский словарь языкового расширения», составленный А.И. Солженицыным, включает заключительный раздел «Некоторые бранные слова», в том числе балахрыст, вахлюй, выпентюх, глупендяй, голощап, гугнивый, долбень, дуботолк, задрёпа, захухрай, злодырь, маламзя, мормотень, обламон, оболдоха, остолбень, пакостун, пинюгай, плюгавец, разбрында, размахоля, расхлебеня, сбродыга, чувахлай. Являются ли эти слова бранными?

- Является ли современная Европа Европой?

- Если музыка И.С. Баха практически не исполнялась на протяжении ста лет после его смерти, не оценивалась высоко ни слушателями и искусствоведами и имела очень ограниченное число почитателей, относилась ли она к субкультуре? Относится ли сейчас музыка И.С. Баха к субкультуре?

- Относится ли литературное творчество В. Пелевина к культуре, субкультуре, контркультуре или антикультуре? Относится ли живопись А. Шилова к культуре, субкультуре, контркультуре или антикультуре?

- Почему русская культура называется русской?

- Бывает ли эпоха, которую нельзя охарактеризовать как «кризис культуры»?

- Опишите, как, по Вашему мнению, будет выглядеть постпостмодернизм.

В процессе установления противоположностей существуют две трудности. Первая проявляется во множественности качеств, существующих в реальном объекте. Вторая заключается в определении самих противоположностей. Противоположности должны, во-первых, располагаться на краях некоего континуума, задавая тем самым всё

пространство возможных опосредствований; при этом данный континуум может быть включён в другой, более обширный. Во-вторых, противоположности должны быть выделены по одному основанию; при этом основание должно относиться именно к ним и не охватывать другие возможные элементы (так «синее» не является противоположностью «коричневому» на основании того, что «коричневое» – это «не синее», так как «не-синим» является не именно «коричневое», а все объекты, помимо самого «синего»). В-третьих, противоположности должны отрицать друг друга, быть несовместимыми с точки зрения логики; они не могут истинно описывать одну и ту же реальность в одно и то же время (поэтому «зелёный» и «варёный» не опосредствуются в понятии «горох», так как изначально могут относиться к одному объекту). Отсюда четвёртое уточнение: противоположности должны иметь отношение ко всему объекту и не относиться друг к другу, как часть к части или как часть к целому.

Существенный вопрос: насколько выделение противоположностей является объективным. Если странность и непривычность объекта, противоречащего законам формальной логики – следствие несоответствия ожиданиям, то не является ли этот процесс всего лишь субъективным восприятием мира; а тогда и сами противоположности становятся эфемерными допущениями, и их опосредствования не могут служить реальному разрешению сложной ситуации. Но, во-первых, речь о непривычности и странности идёт лишь как о маркерах ситуации, в которой надо ещё только обнаруживать противоположности; само непривычное ещё не есть то содержание, которое потом будет подвергаться опосредствованию, замыканию или отождествлению (5, 32-33). В этом странном и непривычном нужно будет выявить скрытые существенные стороны, и они являются существенными только в том случае, если мы относимся к нашему прежнему опыту, который сейчас подвергается сомнению, как к объективному, неслучайному, как к опыту реального видения существенных отношений. Если наш опыт хаотичен и субъективен, то как раз в этом случае не

возникнет ничего непредвиденного или странного: все элементы равны, всё возможно. И это не приводит к восприятию уникальности мира; наоборот, любой элемент становится взаимозаменяемым, то есть несущественным, теряет свою привлекательность.

Для анализа и последующей разработки диалектических учебных задач нами были взяты учебные программы гуманитарной направленности (филологической, культурологической и психологической); требовалось проанализировать, насколько они соответствуют возможностям диалектического структурирования при проектировании конкретных учебных занятий и последующего конструирования диалектических учебных задач.

По результатам анализа можно сформулировать следующие выводы:

1) материалы, предлагаемы обучающимся в качестве основных и дополнительных источников, представляют собой фактологически насыщенные тексты с большим количеством научного и практического материала; в них используются количественные данные, схемы, таблицы; большое внимание уделяется точным определениям и классификациям;

2) научные концепции представляются линейно; то есть обучающимся могут быть предъявлены взаимоисключающие точки зрения на изучаемую проблему, но при этом последняя из излагаемых концепций предъявляется как правильно отвечающая на поставленные вопросы и предлагающая конструктивные, продуктивные ответы;

3) можно отметить варианты, когда научные концепции излагаются параллельно, без оценки того, какая из них является истинной в отношении обсуждаемого вопроса; но в этом случае не фиксируется то, что они дают разные ответы на один и тот же вопрос; у обучающегося создаётся иллюзия, что они обсуждают различные проблемы, говорят о разном; поэтому нет стимула к обсуждению содержания именно как научной задачи, а не просто проблемы, растворённой в неких реальных фактах;

4) вопросы, предлагаемые в конце изучаемых тем, направлены на проверку знаний; те вопросы, которые внешне формулируются как проблемные (сравнить точки зрения, описать перспективы и т.п.) внутри текста имеют предполагаемый ответ, который рассматривается как правильный;

5) в проанализированных источниках не обнаружено предъявления содержания, как столкновения противоположных взглядов с корректным и убедительным обоснованием каждой противоположности;

6) научные знания подаются в законченном виде; практически отсутствует указание на нерешённость многих проблем; в случае же описания перспектив развития науки либо создаётся впечатление о скором возможном решении проблем, используя уже существующие методы и теоретические модели, либо проблемы относятся к разряду «вечных», то есть нерешаемых;

7) при анализе не обнаружено целенаправленного применения авторами учебников и учебных пособий диалектических мыслительных действий; те же диалектические мыслительные действия, которые выделялись в процессе анализа, относятся к привносимым в исходные тексты в процессе собственного мышления;

8) практически в любом тексте (даже и не имеющем проблемного характера) можно выделить противоположности и сформулировать задачи, требующие для решения оперирования этими противоположностями;

9) создание диалектических учебных задач по конкретным предметам, используя имеющиеся текстовые источники, возможно и для специалиста иного профиля, не находящегося в ситуации глубокого погружения в данное содержание, не имеющего опыт профессиональной работы с детьми, не являющемуся профессионалом в рассматриваемой области знания.

Важной проблемой является формализация заданий по развитию диалектического мышления. Как уже отмечалось выше, в реальной жизни содержание задачи предъявляется в бытовых терминах, неструктурированно;

решая её, человек ищет способы, выбирает варианты, исходя из их признаков и оценки ценности, не задумываясь о том, создаёт ли он новое, совершает ли творческий акт, разрешает ли тем самым противоречие. И диалектическое мышление (как и формальный интеллект) человек применяет целостно; в продуктивном решении в процессе последующей рефлексии бывает затруднительно определить, какие именно диалектические мыслительные действия применялись и в каком порядке. Конечно, процесс обучения всегда носит модельный характер; предполагается, что, освоив отдельные единицы содержания (законы, формулы, правила), ребёнок и взрослый будут потом применять их, в том числе, и «автоматически», «само собой» при решении важных познавательных или жизненных задач. Но владение структурно-диалектическим методом познания включает в себя способность целенаправленного построения диалектической структуры в процессе мышления: выделение в изучаемом сложном объекте базовых противоположностей (диалектическое мыслительное действие объединение) или рассмотрение объекта как противоположного самому себе (диалектическое мыслительное действие превращение), конструирование ситуации, объекта, явления, в которой противоположности не будут находиться в состоянии противоречия (диалектическое мыслительное действие опосредствование), выстраивание процесса перехода из одной противоположности в другую и обратно с сохранением и одновременным изменением свойств (диалектическое мыслительное действие замыкание) и т.п. (4; 18-20). Но трудно представить человека, который в реальности именно так решает сложную задачу: сначала выделяет противоположности, потом их опосредствует. При этом всё-таки история культуры даёт нам такие образцы именно в сфере чистого мышления (построение трудов Г.В.Ф. Гегеля, В.С. Соловьёва или А.Ф. Лосева). Кроме того, частота встречаемости определённой формы поведения не только не говорит ничего о её продуктивности, но служит и косвенным подтверждением, что именно такое поведение (способ решения задачи) тормозит понимание реальности и выход

из конфликтной ситуации (бытовой или когнитивной). А рефлексивные описания, как конкретные специалисты (учёные, инженеры, политики) пришли к определённым решениям и конкретным действиям несут на себе следы существующих мифов и стереотипов в отношении понимания процесса мышления; учёный или политик не являются профессиональными психологами; мало того, у них даже может и не быть опыта погружения в себя и самоанализа и, тем более, рефлексии способов достижения результата. Изучение истинного процесса мышления на основании самоотчёта под руководством подготовленного специалиста-психолога является редким, практически единичным, как, например, в случае самоанализа мышления А. Эйнштейна, произведённым им под руководством М. Вертгеймера (2; 247-268). Но при этом существует и опыт многочисленных практик по развитию отдельных свойств креативности (беглости, гибкости, оригинальности, разработанности) путём решения специально разработанных для каждого свойства задач, и множественный опыт конструирования заданий для развития так называемого критического мышления, результаты которого сводятся зачастую к созданию особого типа мыслящего человека, умеющего прекрасно решать «задачи на сообразительность», но не способного применить полученное в реальной жизни. Поэтому остаётся открытым вопрос, насколько разделение живого процесса мышления на составные части (мыслительные операции) и обучение решению задач, основанных на применении конкретных отдельных диалектических мыслительных действий, позволит в дальнейшем выпускнику применять их уже целостно в процессе решения сложных творческих задач.

Список литературы

1. Веракса Н.Е. Диалектическое мышление. – Уфа: Вагант, 2006. – 212 с.
2. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.

3. Диалектическое обучение. – М.: Эврика, 2005. – 272 с.
4. Крашенинников Е.Е. Вопросы диалектической психологии: курс лекций. – М.: МГПУ, 2017. – 156 с.
5. Крашенинников Е.Е. Структурно-диалектический метод психологического исследования. // Интеллектуальное развитие дошкольника: структурно-диалектический подход. – М.: МГПУ, 2009. – 168 с.
6. Модель позиционного обучения студентов. Теоретические основы и методические рекомендации. – М.: МГПУ, 2012. – 152 с.

***DEVELOPMENT OF DIALECTIC THINKING IN THE SPACE
OF LANGUAGE AND CULTURE STUDY IN HIGHER EDUCATION
INSTITUTION***

Krasheninnikov Evgeny Evgenievich
Moscow, Russia

Annotation. The article discusses the problems of language competence development in the context of applying structural-dialectical approach. The author uses the method of constructing dialectical tasks which form the space of opportunities for the use of dialectical mental actions.

Key words: higher school, language competence, structural-dialectical approach.

**ЭВФЕМИЯ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Крылов Алексей Сергеевич
г. Москва, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.18

Аннотация. В статье представлена смешанная классификация эвфемизмов немецкого языка, основанная на анализе и синтезе предшествующих классификаций на материале английского, немецкого и русского языков и абстрагировании и унификации выявленных языковых фактов. Представленная классификация разграничивает лексико-семантические (с 8 видами), морфологические (с 4 видами) и комплексные (2 видов) способы образования эвфемизмов.

Ключевые слова: эвфемизм, немецкий язык, троп, словообразование

Актуальность настоящей статьи определена сложным организационным единством социального и лингвистического в эвфемизме, активизацией образования и употребления эвфемизмов в последние десятилетия, широким распространением эвфемизмов в разных сферах речевой деятельности и межкультурной асимметрией эвфемизации. Цель исследования – выявить способы и языковые средства образования эвфемизмов. Объектом исследования являются эвфемистические обороты английского, немецкого и русского языков, используемые в сфере политики, экономики и общественной жизни. Предмет исследования – способы образования эвфемистических оборотов в немецком языке в указанных сферах употребления. Методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по эвфемии. Практический языковой материал исследования составили эвфемистические единицы из средств массовой информации, печатных и электронных, и лексикографических изданий.

Вопрос о способах образования эвфемизмов является одним из самых обсуждаемых в работах по эвфемии. Проблематичность систематизации способов эвфемизации связана с неоднородностью анализируемого материала, в котором представлены эвфемизмы-слова, -словосочетания и -предложения. Проявления эвфемии обнаружены исследователями на всех уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом.

В отечественной лингвистике один из первых перечней способов эвфемизации был составлен Ж. Ж. Варбот [Варбот 1979, с.345]. Л. П. Крысин выделяет 9 языковых средств эвфемизации в русском языке: 1) слова с «диффузной» семантикой; 2) номинации с общим смыслом; 3) иноязычные слова и термины; 4) аббревиатуры; 5) слова с семантикой неполноты действия; 6) некоторые глагольные формы с приставкой под- [Крысин 1996, с.400-402]. В. П. Москвин предлагает более подробную классификацию: 1) метонимическая номинация; 2) метафорическая номинация; 3) синекдоха; 4) прономинализация; 5) замена близкозвучным словом; 6) аббревиация; 7) искусственная книжность; 8) генерализованная номинация; 9) перифразирование; 10) антономазия; 11) замена словом без отрицательного компонента; 12) замена словом, выражающим неполноту действия; 13) эллипсис [Москвин 1998, с.160-167].

Аналогичные списки способов образования эвфемизмов для немецкого языка были составлены К. Нюропом [Nyrop 1903], В. Хаверсом [Havers 1946,], Х. Шредером [Schröder 1999].

А.М. Кацев в английском языке выделяет 3 основных типа, оценивая также их продуктивность: семантические изменения, новообразования и заимствования [Кацев 1977, с.18-19].

Смешанные классификации эвфемизмов представлены в работах В. П. Москвина, З. Лухтенберга, Б. А. Ларина.

В. П. Москвин подразделяет способы образования эвфемизмов в русском языке на 4 разряда: 1) нарочито двусмысленная речь

(метонимическая номинация, металепсис, метафора, антифразис, замена близкозвучным словом); 2) нарочитая неясность (прономинализация, замена родовым понятием, антономазия, эллипсис, искусственная книжность); 3) нарочито неточная речь («перенесение с вида на вид», синекдоха, мейозис); 4) прямое наименование через термины и иноязычные слова) [Москвин, 2001, с. 160-168].

Примером смешанной классификации является также схема способов образования эвфемизмов немецкого языка, предложенная З. Лухтенберг [Luchtenberg 1985, S.127-141], анализируя ресурсы немецкого языка, обнаруживает 1) содержательные средства (метафорические эвфемизмы, литота, «выделение аспекта», использование слов широкой семантики, «расширение значения», использование чисел, использование иностранных слов, отклонение от стиля, пропуск, эллипсис) и 2) формальные средства (сокращение, «манипуляция со звуками и буквами», «тире и многоточие»).

Смешанные классификации рассматривают эвфемизм и как приём стилистической выразительности, и как средство пополнения словарного состава. Б. А. Ларин видит отличие эвфемизма от тропа в назначении и в сфере применения: хотя по семантической структуре эвфемизмы являются «одной из разновидностей тропа, т.е. метафоры, метонимии, синекдохи и т.д.», однако «имеют целью не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни или нескромных намерений, мыслей» [Ларин 1961, с.120]. В. П. Москвин также акцентирует функциональное различие между эвфемизмом и тропами: «эвфемизм является средством смягчения, поэтический троп выполняет в тексте декоративную функцию» [Москвин 2001, с.62].

Различные тропы (литота, метафора, метонимия, синекдоха и др.), которые используются при образовании эвфемизмов, мы вслед за Б. А. Лариным и В. П. Москвиным рассматриваем исключительно в номинативном аспекте, исходя из функционального различия между тропами и эвфемизмом.

В представляемой ниже классификационной схеме на основе проанализированного фактического материала исследования выделяются следующие основные способы образования эвфемизмов в современных английском, немецком и русском языке: 1) лексико-семантические; 2) морфологические; 3) комплексные способы. При использовании лексико-семантических способов эвфемистическая номинация возникает благодаря установлению новой семантической связи между прямым наименованием и словом или выражением, которое впоследствии будет выполнять функции непрямого, прикрытого наименования на основе общих компонентов значения. При морфологических способах эвфемистическая номинация возникает благодаря изменениям формы прямого наименования либо эвфемизма. Комплексные способы основаны на взаимодействии нескольких приемов внутри одной группы или между группами.

Лексико-семантические способы образования охватывают в исследованном материале метафорический и метонимический перенос, перифраз, дейктики, эврисемию, гиперонимы, антомы и заимствованную лексику.

1. Примерами метафорического переноса, т.е. расширения смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств [Нелюбин 2003, с.109] могут служить следующие словарные единицы: blau [Do., S.139] (букв. синий) 'пьяный', Fünf-Finger-Rabatt [WbdJs., S.44] (букв. скидка пяти пальцев) 'воровство', heimgehen [Du., S.681] (букв. отправиться домой) 'умереть'.

2. Метонимический перенос, употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними [Нелюбин 2003, с.111], выявлен в следующих номинациях: eine Flasche anstechen [Do., S.138], einer Flasche den Hals brechen [Du., S.514] со значением 'выпить' (указывают не на сам процесс распития спиртных напитков, а на открытие бутылки), zur Flasche greifen [Du., CD-ROM]

'пристраститься к алкоголю' (букв. хвататься за бутылку) (перенос наименования с сосуда на содержимое).

3. Использование перифраза иллюстрируют следующие примеры: die reiferen Jahrgänge [Du., S.785] 'пожилые люди', eine lange Leitung haben [Du., S.946] 'туго соображать', bei Petrus anklopfen [Du., CD-ROM] 'умереть'.

4. Использование дейктиков (провербов, прономиналов, проадъективов, [Нелюбин 2003, с.43]) в немецком языке также эффективный способ эвфемизации. В следующем примере указательные местоимения es и das, местоимённое наречие darüber позволяют указывать на стигматичные объекты, не называя их: Auf blauem Samt lag darin ein seltsames, weißes Plastikhäutchen. Sie holte es heraus, und ließ es zwischen Daumen- und Zeigefinger hin- und herbaumeln. Ich wusste sofort, was das war, obwohl ich nie eins zuvor gesehen hatte. "Wo hast du das her?" flüsterte ich, obwohl uns keiner hören konnte. "Gefunden", flüsterte sie zurück. Wo gefunden? wollte ich sie fragen, aber dann bekam ich Angst, dass sie vielleicht viel mehr darüber wusste als ich... [D.D. Fiue., S. 11].

5. Замена словом широкой семантики в эмпирическом материале нами охватывает использование существительных -Aktivitäten, -Angelegenheit, -Ding, -Problem, -Sache, Situation, -Zeug, глаголов machen, tun, неопределённых местоимений. Конкретизация еврисемичной единицы при словосожении может происходить с помощью первой основы композита, например, Alkoholproblem [Du., S.90] 'проблемы с алкоголем', Eheproblem [Du., CD-ROM] 'проблемы в браке'.

6. Использование гиперонима – замена слова наименованием соответствующего родового понятия, приводит к сужению значения. Слово Zustand 'состояние' является родовым по отношению к видовому 'состояние алкогольного опьянения', поэтому при наличии указательного местоимения dieser и соответствующего ситуативного контекста, номинанту необязательно употреблять гипоним. Эвфемизм der gewisse / bewusste Ort, das gewisse

Örtchen [Du., S.1108] ‘туалет’ состоит из определения, выраженного прилагательным широкой семантики, и гиперонима ‘место’.

7. К использованию антонимов, слов с противоположенным значением [Нелюбин 2003, с.21], мы причисляем также тропы (антифразис, мейозис, литоту), поскольку термин антоним представляется нам для них родовым понятием. Литота дает возможность уйти от точных оценок, ведь *unwahr* звучит менее категорично, чем *gelogen*, а *unschön* не равнозначно *hässlich*. Это особенно важно, если задеты интересы собеседника или самого говорящего.

8. При заимствовании иноязычная лексика используется как самостоятельные лексемы или входит в состав сложных слов, например *die [Arbeitsplatz] rationalisierung* [E-men.de] ‘увольнение работников’, *chirurgische Bombardements* [Unw., S.78] ‘точечные бомбардировки’.

Под морфологическими способами образования эвфемизмов мы понимаем эллипсис, аббревиацию, фонетическую аллюзию и аффиксацию.

1. Эллипсис – пропуск (опущение) элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном речевом или бытовом контексте [Нелюбин 2003, с.257], действует не только на синтаксическом, но и на лексическом уровне. В рамках эллипсиса мы предлагаем различать также случаи обрыва слова (а не только предложения). При обрыве слова сохраняемая его часть помогает восстановить отсутствующий фрагмент. Так, в следующих фразеологизмах со значением ‘умереть’ мы наблюдаем обрыв вульгаризма *Arsch: einen kalten A... haben, am A... sein* [Kü., S.148].

2. Аббревиация – редукция ряда элементов в лексической единице, несущих минимальную информационную нагрузку, и сведения оставшихся элементов в новую лексическую единицу [Нелюбин 2003, с.9], в подвергнутом анализу материале представлена (по классификации К.В. Манёровой [Манёрова 2005, с.10]) инициальными аббревиатурами *ABC-Kampfwaffen (atomare, biologische, chemische Kampfwaffen)* [Du., S.52] ‘атомное, биологическое, химическое оружие’; слоговыми сокращениями

Stasi (Staatssicherheitsdienst) [Du., S.1456] ‘служба государственной безопасности’; усечениями das Klo (Klosett) [Du., S.847] ‘туалет’; частично сокращёнными словами: die H-Bombe [Du., S.675] ‘водородная бомба’.

3. Термин «фонетическая аллюзия» представляется нам удачным родовым понятием, внутри которого мы различаем две разновидности: случаи с использованием уже существующей в языке единицы (замена словом близким по звучанию) и случаи с образованием новой номинативной единицы (фонетическое искажение). В целях прикрытого наименования могут быть использованы уже существующие в языке единицы, т.е. происходит замена словом близким по звучанию. Вместо антецедента Scheiße узуально используются следующие существительные: Scheibe, Scheibenhonig, Scheibenkleister.

4. Аффиксация. Префиксация может быть представлена эвфемизмами с приставками ab-, miss-, unter-, ver-. К примеру, эффект смягчённой номинации у существительного Ableben [Du., S.1668] ‘смерть’ связан с корнем, выраженным антонимом антецедента Leben ‘жизнь’, а также с возвышенной стилистической окраской данной лексемы. Суффиксация может быть представлена эвфемизмами с суффиксами -chen, -i. Уменьшительный суффикс -chen представлен узуальными эвфемизмами Porochen/ Poröchen/ Porchen [Kü., S.623] ‘ягодицы’, а также эвфемизмом Kittchen [Du., S.837] ‘тюрьма’.

Комплексные способы эвфемизации представляют собой сочетание нескольких способов одной или различных групп, выделенных и охарактеризованных нами ранее: нескольких лексико-семантических либо морфологических способов образования эвфемизма, возможно также совмещение лексико-семантических и морфологических способов.

Приведём пример соединения в эвфемизме нескольких лексико-семантических способов: Darf ich Sie bitten, mir aus einer momentanen Schwierigkeit zu helfen? Bei den Immobilien, mit denen ich zur Zeit zu tun habe, bin ich in einer schon länger drin, als es mir recht ist. Als Folge habe ich ein

kleines Cash-flow-Problem, das den Empfang nicht beeinträchtigen soll, nicht wahr? [Schlink, 2000, S.132]. В роли эвфемизма выступает словосочетание ein kleines Cash-flow- Problem, содержащее экономический термин Cashflow [Du., S.298] «движение денежной наличности». Номинант, являющийся коммерсантом, собирается давать приём. Прося у своего знакомого денег взаймы, он вуалирует свои денежные затруднения с помощью словосочетания, в котором совмещаются мейозис klein, использование слова широкой семантики Problem с заимствованным из английского языка термином Cashflow.

Представленный выше материал позволяет из множества способов и на основе различных классификаций выделить две основные группы способов образования эвфемизмов в немецком языке – лексико-семантические и морфологические способы. Также нередко можно встретить использование сразу нескольких способов, что позволяет выделить еще одну группу – комплексные способы. Таким образом, авторская классификация эвфемизмов немецкого языка по способу образования «корректной» номинации имеет два уровня детализации, что позволяет логично и стройно систематизировать имеющийся эмпирический материал.

Стремительное развитие эвфемизации и привлечение к созданию новых номинаций языковых ресурсов различных уровней и активное распространение эвфемизмов в различных сферах речевой деятельности требуют их тщательного исследования и дифференциации от смежных явлений (тропов, окказионализмов, заимствования и т.п.).

Эвфемизмы немецкого языка являются результатом культурного опыта обществ Германии, Австрии и Швейцарии и – как отражение национального своеобразия языковой картины мира и речевого поведения носителей немецкого языка – могут иметь и универсальные, и уникальные способы образования, не имеющие строгих аналогий в иных языках в силу различия языковых систем и типологических различий языков. Эту гипотезу предстоит

проверить в сопоставительных исследованиях, которые могут открыть исследуемый вопрос с новой стороны.

Список литературы

1. Варбот Ж. Ж. Табу. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
2. Кацев А. М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социалингвистического исследования): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Л., 1977. 22 с.
3. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 384-408
4. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961. С. 119-124
5. Манёрова К.В. Сокращения в языке современной немецкой прессы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 18 с.
6. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. №3. С. 58-70
7. Москвин В. П. Способы эвфемистической зашифровки в современном русском языке // Языковая личность: социалингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998. С. 160-168
8. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
9. Havers W. Neuere Literatur zum Sprachtabu. Sitzungsberichte (Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse) 223. Band 5. Wien: Rohrer, 1946.
10. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu „Deutsch als Fremdsprache“. Frankfurt a. M.: Lang, 1985.
11. Nyrop K. Das Leben der Wörter. Leipzig: Avenarius, 1903.
12. Schröder H. Tabuforschung als Aufgabe interkultureller Germanistik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. Band 21 (1999). S. 15-35

Источники материала (с принятыми в работе сокращениями):

13. Do. – Deutscher Wortschatz nach Sachgruppen. 7. Aufl. Berlin, 1970.
14. Du. – Duden. Deutsches Universalwörterbuch/ hrs. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996.
15. Du., CD-ROM. – Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 5. Aufl. Mannheim, 2003 [CD-ROM],
16. Unw. – Lexikon der Unwörter / von H. D. Schlosser: Bertelsmann Lexikon Verl., 2000.
17. WbdJs. – Pons. Wörterbuch der Jugendsprache. Ernst Klett Sprachen GmbH. Stuttgart, 2003.
18. E-men.de – Веб-словарь эвфемизмов <http://www.euphemismen.de>.
19. Unw. – Unwort des Jahres. – Веб-словарь табуированных слов. <http://www.unwortdesjahres.net/>
20. Schlink B. Liebesfluchten. Diogenes Verlag, 2000. 308 S.

***EUPHEMIA AS A LANGUAGE PHENOMENON: WORD-FORMATIVE
ASPECT***

Alexey Sergeevich Krylov
Moscow, Russia

Annotation. We present a mixed classification of German euphemisms based on the analysis and synthesis of previous classifications based on the material of English, German and Russian languages and abstraction and unification of the revealed linguistic facts. The presented classification distinguishes between lexical-semantic (with 8 types), morphological (with 4 types) and complex (2 types) methods of euphemisms formation.

Key words: euphemism, German, trope, word formation.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Кудзоева Анжела Федоровна
кандидат филологических наук, доцент
г. Владикавказ, Россия

Чехов Сослан Анатольевич,
г. Владикавказ, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.19

Аннотация. В статье поднимается круг вопросов, связанных с переводом богослужебных текстов на осетинский язык. Это причины возникновения переводческой традиции и этапы ее развития, проблема языка богослужения, вопросы, связанные с трудностями адекватного перевода основных терминов, а также проблема образования терминов.

Ключевые слова: перевод, адекватная передача, язык религии, термины.

Религиозные тексты оказали бесспорное влияние на языки народов, прикоснувшихся к христианской культуре. Особенно велико влияние Библии и переводных текстов. Достаточно сказать, что у многих народов сама наука перевода возникла вследствие необходимости перевода на родной язык богослужебных и иных религиозных текстов. Первыми переводчиками были ученые – монахи, священники, богословы, глубоко вникавшие в суть оригинальных текстов, кропотливо искавшие адекватные эквиваленты и тем самым создавшие и утвердившие этику перевода. «Став своеобразной матрицей науки о переводе, религиозные переводы сыграли огромную роль в формировании письменности и литературы – сначала переводной, а затем и оригинальной», - пишет А. Митягина [4, с. 279].

В одном из списков торжественного слова "О похвале Богородице Кирилла Философа" в перечень народов, исповедующих христианство, упоминаются ясы, что, как полагают специалисты, является пояснением одного из переписчиков, т.к. в русской традиции аланы назывались ясами» [8]. Правда, вопрос об авторстве данного источника остается открытым, так

как в славянской рукописной традиции нередко смешивались Константин Философ и его ученик Константин Преславский. Показательно, что сведения русского источника по времени описываемого положения практически совпадают с таковым по сирийским данным. Как отмечает А. А. Туаллагов, в анонимной сирийской "Хронике до 1234 г.", датирующейся концом XIV в., в части рукописи, озаглавленной "Гражданская история", среди "...пятнадцати языков мира, которые имеют буквы и письменность", упоминаются и аланы [8].

Сегодня имеются бесспорные доказательства существования аланской письменности: это и Зеленчукская надпись [1; 3; 7; 9], и так называемые «аланские маргиналии» (пометки на полях греческой рукописи богослужебного текста): очевидно, аланский священник для удобства ориентирования в тексте богослужения, сделал пометки на полях на греческом и аланском языках, используя греческую графику. Как отмечают специалисты, некоторые пометки были составлены на смешанной, греко-аланской основе [2; 5]. Сама рукопись богослужебного текста датируется 1275 г., а маргиналии на ней – XIV или XV вв. Свидетельствами наличия аланской письменности являются также аланские фразы в «Теогонии» Иоанна Цеца [5] и яско-венгерско-латинский глоссарий [6].

Таким образом, можно предположить, что основой для практики перевода религиозных текстов на осетинский (аланский) язык послужили указанные выше маргиналии. Именно из них почерпнут принятый и сегодня активно использующийся в осетинском богослужении осетинский вариант имени Святителя Иоанна Златоуста – *Зæринком Иуане*. Надо отметить, что в маргиналиях это имя указано с обратным (по сравнению с современным осетинским) порядком расположения компонентов – *Иоанн Зæринком*. Это буквальный перевод греческого Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος (Иоанн Хризостом), с постпозитивным атрибутом. Была ли такая аранжировка атрибутивного сочетания обычной для аланского языка в средние века или же священник просто постарался максимально сохранить форму имени Святителя, теперь

уже не представляется возможным установить. К сожалению, практика перевода христианских текстов, как и сама христианская традиция, а с ней и письменность, пришли в упадок вместе с распадом Аланского государства. Однако полной утери христианской традиции не произошло, и тому свидетельство – пришедшее к нам через века имя *Зæринком Иуане*. Это типичная для осетинского языка позиция определения – перед определяемым словом. Однако здесь важен не порядок расположения компонентов, а изумительно верная, стилистически и семантически полностью адекватная оригиналу форма *Зæринком*: композит, образованных от двух слов высокого стиля: *зæрин* - *злато, золото* (в отличие от обиходного *сыгъзæрин / сызгъæрин*) и *ком* - *уста, рот* (в отличие от обиходного, нейтрального *дзык*). Оба слова в современном осетинском употребляются большей частью в составе сложных слов или устойчивых словосочетаний: *зæринхъæлæс* - *златоголосый, зæриндзыкку* - *златовласый, комæгæс* - *послушный* и др.

В XVIII в. с большим трудом возобновляется практика перевода богослужебных текстов – теперь уже с грузинского языка и на основе грузинской графики, по указанию Священного Синода. Однако никаких сведений о таких переводах, кроме упоминания о них в донесениях священнослужителей, нет. И уже в 1767 году был издан указ Синода о том, чтобы осетины – учащиеся открытой в 1766 году первой официальной осетинской школы - учились грамоте на русском языке.

С христианской культурой и переводческой практикой напрямую связано появление первой осетинской печатной книги. «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» вышло в печати в 1799 году в Москве в типографии Синода. Небольшая по формату книга представляет собой краткий катехизис в вопросах и ответах параллельно на русском и осетинском языках. Непосредственным переводчиком катехизиса и основных молитв являлся Павел Генцауров (Кесаев), единственный осетин в составе Осетинской духовной комиссии в Моздоке. судить о высоком уровне переводческого мастерства П. Кесаева и глубоком знании им родного

языка можно по тому факту, что терминология этой небольшой книги легла в основу современного осетинского богослужения. Отсюда *Единый Бог - Иунæг Хуыцау, Господь – Хицау, Мария - Майрæм, Святой Дух - Сыгъдаг Уд, благодать – фарн, благо – хорзæх, благодарить - арфæ кæнын, грех – тæригъæд, милосердный – хорзæхгæнæг, покаяние – фæсмон, каяться - фæсмон кæнын, непорочный – æнæтæригъæд, Божий дар – Хуыцауы лавар, усердная молитва – зæрдæйæ кувын, во веки веков – мыггагæй-мыггагмæ* и др.

Много было сделано в деле перевода богослужения на осетинский язык в конце XIX – начале XX в.: это деятельность священникв Аксо Колиева, Алексея Гатуева, Соломона Жускаева, а также представителей творческой интеллигенции – Сека Гадиева, Коста Хетагурова и др.

Учитывая то, что по сути своей осетинская духовная культура во многом – архаичное христианство, воспринятое древним арийским сознанием, язык дает достаточно богатый материал для перевода богослужебных текстов. При этом возникает проблема богослужебного языка: сохранять ли в неприкосновенности тексты переводов, сделанных до XIX - XX в.в. или же их можно и нужно редактировать, уточнять по каноническим текстам и приводить в соответствие с нормами современного осетинского литературного языка? И у одной, и у другой точки зрения есть достаточное количество сторонников как среди священнослужителей, так и среди филологов. Мы придерживаемся того мнения, что богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение, поэтому должно совершаться на языке, доступном понимаю людей, затрагивающем самые сокровенный струны души верующего человека. А это может сделать только родной язык, причем язык чистый, нормированный, кодифицированный. Чем больше сфер духовной и материальной жизни охватывает язык, тем больше он развивается и укрепляется. И в этом смысле перевод богослужения на осетинский язык – это один из факторов его сохранения, так же верно и обратное отверждение , что осетинский язык и культура – фактор

сохранение православия в Алании. Церковнославянский язык - это богатство, но нельзя постоянно пользоваться чьим-то богатством, ибо растеряешь и то, что имеешь. До 1917 года уже были осуществлены и применялись в церковной практике переводы Писания и Богослужения на осетинский язык. Несколько лет назад группой энтузиастов из духовенства было решено пересмотреть этот перевод Литургии Иоанна Златоуста. Новая редакция Литургии была издана, и было совершено первое пробное богослужение практически за сто лет, которое было очень тепло встречено. В 2017 году по благословению владыки Леонида была создана комиссия по переводу богослужения на осетинский язык. В комиссию вошли представители духовенства, ученые – филологи, переводчики, а также представитель Института перевода Библии. В новой редакции Божественная литургия была издана в 2019 году. В отредактированном тексте предприняты попытки синтеза старых и современных вариантов переводов богослужебных текстов. Так, современное *Ева* заменено более архаичной формой *Еуа*, как и *архиерей* – *алчер*, *Хицау* – *Бардарæг* и др. Переведены на осетинский и стали понятны прихожанам слова *воздух* – *æмбæрзæн кæттаг*, *покровец* – *æмбæрзæн гæппæл*, *полунощница* – *æмбисæхсæвы аргъуыд*, *соборный* – *æмбырдон* и др.

Приведены в соответствие с нормами осетинского языка некоторые термины: *æвдбонон* – *æвдбойнон*, *аргъуыдты (зылд)* – *аргъауыны* и др. утверждена единственная форма для имени Иоанна Златоуста – *Зæринком Иуане* (и совершенно справедливо отвергнуты формы *Зæриндзых*, *Зæриндзырд*)

Введены в оборот термины *мон - дух*, *монад* – *духовенство*, *Рухс Мон* – *Святой Дух*, *рæстдин* – *православный* и др.

Однако остается достаточно слов, перевод которых вызывает разногласия даже среди членов комиссии. Так, необходимо уточнить сферу использования слов *рухс* – *светлый* / *священный* / *святой*; *стыр* – *великий* / *святой*, *сыгъдаг* – *чистый* / *священный* и некоторых других.

Таким образом, перевод богослужебных текстов на осетинский язык имеет достаточно длительную традицию, является действенным средством сохранения и развития языка, духовного и нравственного воспитания людей.

Список литературы

1. Бигулаев Б. Б. Краткая история осетинского письма. Дзауджикау, 1952.
2. Виноградов А. Ю. Очерк истории аланского христианства в X-XII вв. // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006.
3. Згуста Л. Древнеосетинская Зеленчукская надпись (Перевод с английского Т.К. Салбиева) /Памятники аланского языка и письма/ Ин-т истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания /под ред. Ю.А. Дзиццойты.: М: Наука, 2016. С. 19 – 82.
4. Митягина А. Тексты религиозного интернет-дискурса: проблемы перевода // Вестник МГЛУ. Выпуск 9 (695). 2014.
5. Лубоцкий А. М. I. Аланские маргинальные заметки в греческом литургическом манускрипте. II. Аланский текст в «Теогонии» Иоанна Цеца (Перевод с английского Т.К. Салбиева) /Памятники аланского языка и письма/ Ин-т истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания /под ред. Ю.А. Дзиццойты.: М: Наука, 2016. С. 89 – 162.
6. Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Перев. с немецкого и примечания В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
7. Туаллагов А. А. Зеленчукская надпись. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015.
8. Туаллагов А. А. Аланская письменность // Северная Осетия. – 2018. – 13 июля.
9. Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990.

***TO THE PROBLEM OF TRANSLATION OF LITERAL TEXTS TO
OSSETIAN LANGUAGE***

Angela Fedorovna Kudzoeva
Soslan Anatolyevich Chekhov
Vladikavkaz, Russia

Annotation. The article raises a range of issues related to the translation of liturgical texts into the Ossetian language. These are the causes of the translation tradition and the stages of its development, the problem of the language of worship, the issues associated with the difficulties of an adequate translation of the basic terms, as well as the problem of the formation of terms.

Key words: translation, adequate transmission, language of religion, terms.

Р.Р. ЧАЙКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК И ПЕРЕВОДОВЕД

Лысенкова Елена Леонидовна
доктор филологических наук, профессор
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.20

Аннотация. Статья посвящена значимому российскому переводчику и переводоведу, вошедшему в теорию перевода на рубеже XX–XXI века – Роману Романовичу Чайковскому. Учитель, переводчик и ученый неиссякаемой энергии посвятил свою жизнь преподавательской и научной деятельности, воспитав не один десяток достойных молодых коллег-исследователей.

Ключевые слова: художественный перевод, переводоведение, перевод, типология перевода, редактор, научный руководитель, конференции, научные работы.

Истинно велики те, чье сердце бьется для всех (Р. Роллан)

Есть люди, которые и после ухода из жизни продолжают жить, жить в своих учениках, в своих делах, идеях, книгах. Таким был и остается Роман Романович Чайковский (1939–2017 гг.).

Р. Р. Чайковский родился в карпатском селе Плавьє (Украина). В 1950 году, после ареста отца, вместе с матерью и братьями был сослан на Дальний Восток. Закончил сельскую школу в Хабаровском крае, затем в 1962 году факультет иностранных языков Хабаровского педагогического института. После этого два года работал учителем иностранных языков в средней школе №1 города Комсомольска-на-Амуре. Закончив в 1966 году двухгодичные Высшие педагогические курсы иностранных языков по подготовке высококвалифицированных преподавателей для вузов при Первом Московском государственном педагогическом институте иностранных

языков имени М. Тореза, стал преподавать в Магаданском государственном педагогическом институте (МГПИ).

Через три года Р. Р. Чайковскому довелось снова оказаться в стенах МГПИИЯ им. М. Тореза – на этот раз в качестве аспиранта. Его преподавателями и учителями во время пяти лет учебы в Москве были известные профессора, прекрасно знающие немецкий язык: Э. Г. Ризель, О. И. Москальская, А. Д. Райхштейн, Г. В. Колшанский, М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. После защиты в 1972 году кандидатской диссертации в МГПИИЯ имени М. Тореза. В диссертации рассматривались проблемы экспрессивного синтаксиса немецкой художественной прозы [Чайковский, 1972]. Затем Р. Р. Чайковский продолжил работу в Магаданском пединституте (Северо-Восточный государственный университет), где преподавал до последних дней жизни.

Конец XX века и первое десятилетие XXI столетия – это годы расцвета профессора Чайковского как переводчика и переводоведа. Переводить Р. Р. Чайковский начал еще в молодости, он обращался к отдельным произведениям и отрывкам из произведений В. Борхерта, Б. Брехта и других авторов. Переводы делались «для себя», и лишь спустя многие годы некоторые из них вошли в его переводоведческие работы.

В 1995 году в печати появляются переводы Р. Р. Чайковского из Рильке и с этого времени он начинает активно публиковать научные работы в области теории и практики художественного перевода. В 1997 году Р. Р. Чайковский становится доктором филологических наук, защитив диссертацию по теме «Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты)». В 1999 году в свет выходит уникальная книга: стихотворения Э. М. Ремарка в переводе Р. Р. Чайковского на русский язык [Ремарк]. Это было первое в мире отдельное издание поэзии Э. М. Ремарка на иностранном языке. Кроме того, в его переводах опубликованы стихи других немецких авторов, а также поэтов Великобритании и США, польских и украинских поэтов.

В сфере художественного перевода Р. Р. Чайковский проработал больше пятидесяти лет. Он автор более 300 работ, среди которых около 20 книг и монографий, по проблемам стилистики, лингвопоэтики, социолингвистики, лингводидактики, переводоведения. Наиболее значимые книги и монографии: «Реальности поэтического перевода: (типологические и социологические аспекты)» (1997), «Милости Булата Окуджавы» (1999), «Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков» (2001), «Хтось мені квіти приніс...»: штрихи до портрета священника Романа Чайковського (до 100-річчя з дня народження – 1905–2005)» (2005), «Истины Булата Окуджавы: работы последних лет» (2006), «Основы художественного перевода» (2008), «Небо Надежды: (слово о моей маме)» (2010), «Художественный перевод как форма межкультурной коммуникации (начала теории)» (2012), «Перевод поэзии: типология и множественность» (2013) и другие. Отметим то обстоятельство, что на работы Р. Р. Чайковского всегда появлялись рецензии ведущих отечественных и зарубежных ученых, переводчиков, а его исследования поэтического перевода инициировали новые работы молодых лингвистов. Рецензии на его работы печатались в Белгороде, Берлине, Вене, Вологде, Иркутске, Киеве, Клинтоне (США), Минске, Москве, Нью-Йорке, Париже, Санкт-Петербурге, Франкфурте-на-Майне и в других городах.

Р. Р. Чайковский обладал колоссальной энергией и работоспособностью. Он выступал редактором многочисленных монографий, пособий коллег, коллективных сборников. Был главным редактором издаваемого в СВГУ научного альманаха «Перевод и переводчики» (2000–2013). За эти годы было выпущено 11 номеров альманаха, все выпуски соответствовали тематике научных исследований, проводимых в Северо-Восточном государственном университете. Так как Магадан был по праву признан основным российским центром изучения творчества Р. М. Рильке [Витковский, с. 8], первый выпуск по праву был посвящен переводам и переводчикам Рильке. Во втором выпуске публиковались работы о

творчестве Э. М. Ремарка и о переводах его произведений на русский язык. Третий выпуск посвящен Б. Окуджаве, четвертый – В. Борхрту, пятый – проблемам перевода лагерной литературы. В шестом выпуске рассматривались проблемы художественного перевода вышеупомянутых авторов, в седьмом – особенности американской национальной переводческой школы. Восьмой выпуск содержал работы по разработке проблем взаимосвязи художественного перевода и межкультурной коммуникации, девятый – статьи и материалы о проблемах взаимодействия языка, перевода и межкультурно-художественной коммуникации. Десятый выпуск был издан к 75-летию доктора филологических наук, профессора Р. Р. Чайковского и посвящен актуальным проблемам художественного перевода. В этом выпуске приводится подборка выполненных Р. Р. Чайковским переводов стихотворений с английского, немецкого, польского и украинского языков на русский и с русского языка на немецкий, а также авторские комментарии к ним. Одиннадцатый справочный выпуск завершает публикацию альманаха и содержит информацию о структуре и содержании предыдущих сборников, об авторах и переводчиках всех номеров.

Благодаря неиссякаемой энергии Р. Р. Чайковского как ученого и организатора науки, Северо-Восточный университет в Магадане превратился в крупнейший у нас в стране центр теоретических исследований художественного перевода, имеющий научные связи с коллегами из многих стран. В этой школе выросло более 10 кандидатов и 2 доктора наук. Много сделал Р. Р. Чайковский для укрепления науки на Дальнем Востоке: он входил в состав диссертационного совета в Дальневосточном государственном университете (Владивосток) и оказывал поддержку защищающимся в центральных вузах страны исследователям.

Р. Р. Чайковский был уникальным научным руководителем, помогавшим молодому исследователю от момента определения и утверждения темы исследования до момента оформления всех материалов и документов в ВАК после защиты. Именно по его инициативе в

Международном педагогическом университете (г. Магадан) в 1994 году начала проводиться конференция аспирантов «Идеи, гипотезы, поиск...», в которой в течение многих лет участвовали и оттачивали мастерство все его ученики. Если же вспомнить ситуацию в России в начале 90-х годов (распад Советского Союза, политический и финансовый кризис, нестабильность обстановки во всех областях и сферах, в том числе и в науке), нужно было обладать уникальными способностями и потенциалом, чтобы убеждать молодых людей заниматься наукой и верить в необходимость этого занятия. И мы слушали, доверяли и делали... Конференция проводится ежегодно и в наши дни, и каждый раз на пленарном заседании вспоминают имя организатора и вдохновителя этого мероприятия – имя Романа Романовича Чайковского.

В 2010 году кафедра немецкого языка под руководством Р.Р. Чайковского организовала первую Международную научную конференцию «Язык, культура, перевод», которая проводится теперь традиционно раз в три года. В конференции принимают участие ученые из многих стран, в том числе из Германии, Франции, США, Японии, Украины, Молдовы, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана и других стран.

Как теоретик художественного перевода Р. Р. Чайковский отличался широким кругозором, глубоким знанием истории перевода, независимостью взглядов, критическим отношением к отдельным давно существующим и вновь появляющимся теориям, объективностью при оценке переводов, умением увидеть такие качества переводного текста, которые на первый взгляд кажутся незаметными.

Первой книгой Р. Р. Чайковского о проблемах художественного перевода, в которой он изложил теоретические взгляды по многим аспектам, стала его монография «Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты)». Автор обращается к вопросам взаимодействия оригинала и перевода, вводит понятие «третья литература», рассматривает социологические критерии поэтического перевода. Но самой объемной и

значимой частью стала глава, содержащая типологию поэтического перевода, в которой Р. Р. Чайковский выделяет и обосновывает девять типов перевода поэтических текстов: адекватный, вольный перевод, стихотворение на мотив оригинала, подражание, перевод-реминисценция, перевод-девальвация, подстрочный перевод, прозаический перевод, перевод-адаптация [Чайковский, 1997]. Отметим тот факт, что в учебном пособии «Перевод поэзии: типология и множественность», опубликованном в 2013 году в соавторстве с Е. Л. Лысенковой, Р. Р. Чайковский предложил уже десять типов, добавив близкий к адекватному переводу перевод-вариацию и внося отдельные изменения в терминологию, обозначив вольный перевод как перевод-модификацию [Чайковский, Лысенкова, 2013].

Данная типология, на наш взгляд, стала неким прорывом в теории перевода. На основе этого теоретического материала было написано множество кандидатских, магистерских и курсовых работ, в которых рассматривается переводческая рецепция творчества писателей разных стран с учетом этой типологической классификации..

Еще одной научной книгой, о которой непременно стоит сказать, стало учебное пособие Р. Р. Чайковского «Основы художественного перевода» [Чайковский, 2008]. Его можно рассматривать как настольную книгу и путеводитель по теории художественного перевода не только для студентов, но и для исследователей и преподавателей перевода. Нам импонирует выверенная многоплановая структура пособия: в первой теоретической главе рассматриваются многочисленные категории литературы и переводоведения: литературно-художественное произведение, художественная речь, художественный текст, методы теории художественного перевода, законы теории художественного перевода и др. Вторая глава содержит исторический компонент, в ней дается обзор работ отечественных переводоведов с начала XX века, отмечаются достижения и отдельные спорные взгляды ученых. Третья глава посвящена проблеме переводимости/непереводимости как ключевой проблеме теории художественного перевода. Четвертая глава

представляет собой, как нам думается, наиболее интересную часть пособия, так как в ней на примере многочисленных отрывков из поэтических и прозаических художественных текстов, и их переводов на разные языки показаны трудности перевода на всех языковых уровнях. В пятой и шестой главах описывается категория переводной множественности и основные этапы работы переводчика. Учебное пособие «Основы художественного перевода» представляет собой очень ценный дополнительный материал для использования в курсе лекций по теории перевода и практических занятий для студентов-филологов.

Мы глубоко убеждены, что нельзя стать хорошим теоретиком в какой-либо области знаний, не затрагивая практический аспект. Р. Р. Чайковский был очень добросовестным, скромным и честным переводчиком. Как мы упоминали выше, он переводил произведения многих авторов, среди которых В. Борхерт, Б. Брехт, Р.М. Рильке, Э.М. Ремарк, М. Калеко, Р. Фрост, С. Грабовско-Андриев, В. Щурат, И. Драч и др. Почему мы говорим о скромности и честности по отношению к переводчикам? Потому что это были наряду с другими основополагающие требования Р.Р. Чайковского к своей работе переводчика и к работе других: переводчик не имеет право выпячивать свое «я» в тексте другого автора, так как перевод вторичен и должен быть максимально приближен к оригиналу. Большое значение Р.Р. Чайковский уделял этапу конечной критической проверки созданного перевода: «Для того, чтобы исключить появление некачественных переводов, в работе переводчика непременно должен присутствовать этап авторедактирования готового текста перевода. Опыт самокритичных переводчиков показывает, что повторная работа над всем текстом конечного перевода позволяет вскрыть многочисленные ошибки самого разного характера» [Чайковский, 2008, с. 166]. Нередко он сам выступал по просьбе знакомых переводчиков в качестве филолога-редактора и давал весьма ценные советы, благодаря которым переводы коллег только выигрывали в плане адекватности.

Р. Р. Чайковский не признавал переводов по подстрочнику, справедливо расценивая эту форму речевой деятельности не как межъязыковой перевод, а как внутриязыковую переделку текста. Как переводчик Р.Р. Чайковский работал только с языками, которые знал.

Можно было бы привести множество примеров качественной работы Р. Р. Чайковского как переводчика, но мы остановимся лишь на одном поэтическом переводе, который был создан в 1995 году и по времени создания был опубликован одним из первых. Это знаменитая «Пантера» Р. М. Рильке:

Так взгляд ее мельканьем прутьев мерным
измучен, что уже не держит свет.

Ей мнится – прутьев тысячи, наверно,
за тысячами прутьев мира нет.

А мягкий шаг лап сильных и пружинных,
что в круге самом маленьком кружит, –
как танец силы вокруг той середины,
где воля оглушенная стоит.

Лишь изредка зрачок приотворится
беззвучно. Образ в тишине войдет
сквозь члены напряженные разлиться,
а после – в сердце изойдет.

[Чайковский, Лысенкова, 1996, с.80]

В 2002 году по представлению Союза переводчиков России Оргкомитет творческих союзов России наградил Р. Р. Чайковского Золотой Пушкинской медалью. Он был также награжден знаком Министерства образования РФ «Почётный работник высшего профессионального образования России».

Р. Р. Чайковским был жизнелюбивым человеком, умеющим и любящим работать. Вот как он писал о своей судьбе: «В детстве мне пришлось поделить мое сердце между двумя языками – украинским и русским и между двумя странами – Украиной и Россией. Постепенно к ним добавлялись другие языки, которые стали моей профессией, и еще одна страна, которая стала родиной моих внуков. Но есть еще одна маленькая родина, которая всегда со мной – это письменный стол, а в последние годы портативный компьютер. За ним нельзя не быть счастливым» [Чайковский, 2004].

Благодарные ученики и коллеги продолжают исследования, инициированные Р. Р. Чайковским, и будут дальше работать над проблемами рецепции иноязычных авторов в России, над проблемами художественного перевода и вопросами взаимосвязи перевода и межкультурной коммуникации. Навыки работы, которым научил нас наш Учитель, мы передаем своим ученикам. И цепочка этих знаний, а значит и памяти, не прервется.

Список литературы

1. Витковский Е. Райнер. Мария. Орфей // Рильке Р.М. Стихотворения (1895–1905). – Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. С. 5–36.
2. Ремарк Э. М. Стихотворения / пер. с нем. Р. Чайковского. Магадан: Кордис, 1999. 73 с.
3. Чайковский Р. Р. Несколько слов о себе // Роман Романович Чайковский: Библиографический указатель / Сост. Т.Ю. Ашхацава. Магадан: СМУ, 2004. С. 5–6.
4. Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода: вводная часть: учеб. пособие. Магадан: Изд. СВГУ, 2008. 182 с.
5. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.

6. Чайковский Р. Р. Стилистические функции асиндетической и полисиндетической связи в современной немецкой художественной прозе (к проблеме экспрессивности синтаксиса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1972. 28 с.

7. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е.Л. «Пантера» Р.М. Рильке в русских переводах. Магадан: АО «МАОБТИ», 1996. 132 с.

8. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е.Л. Перевод поэзии: типология и множественность: учеб. пособие для студентов-филологов. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 194 с.

***R.R. TCHAIKOVSKI – A TRANSLATER
AND A THEORIST OF TRANSLATION***

Elena Leonidovna Lysenkova
Magadan, Russia

Annotation. The article is devoted to a significant Russian translator and scientist who entered the theory of translation at the turn between XX–XXI centuries. A teacher, a translator and a scientist with inexhaustible energy he dedicated all his life to teaching and scientific career brought up more than a dozen worthy young colleagues-researchers.

Key words: literary translation, theory of translation, translation, typology of translation, editor, scientific supervisor, conferences, scientific works.

ПОЧЕМУ ВЕРЛИБР?

О ПЕРЕВОДАХ СОВРЕМЕННОЙ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Меликсетян Лилит Суреновна
кандидат филологических наук, доцент
г. Ереван, Республика Армения
DOI: 10.12731/LCT.2019.21

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие современной армянской поэзии и определяются причины ее явного тяготения к верлибру. Среди таковых указывается связь со средневековой армянской поэтической традицией, особенности звучащего сегодня несколько архаично традиционного армянского силлабического стихосложения и другие. Анализируется специфика перевода стихотворений, написанных верлибром.

Ключевые слова: перевод, верлибр, функциональная доминанта, ритм, армянское стихосложение.

Бродский как-то шутя заметил, что «отношения поэта с переводчиками сводятся к трем типам. Первый – вы ему доверяете, а он вас убивает; второй – вы ему не доверяете, и он вас убивает; и третий, мазохистский – вы ему говорите: “убей, убей меня!”, и он вас убивает.

В 2017 году в российской «Литературной газете» вышла стихотворная подборка молодых армянских поэтов – лауреатов Президентской премии последних нескольких лет. Вышла в моем переводе, потому что поэты сами обратились ко мне с соответствующей просьбой. Если воспользоваться определением словами Бродского, я их «убила». Именно об этом убийственном опыте пойдет речь.

Дело в том, что ни один из молодых лауреатов не представил рифмованных стихов – исключительно верлибр. Думается, это далеко не случайность, а вполне явственная тенденция ухода в пространство свободного стиха, требующая, как мне кажется, определенного филологического и переводческого комментария.

Формулировка Томаса Элиота в эссе «The Music of Poetry» о том, что «автор верлибра свободен во всём, если не считать необходимости создавать хорошие стихи», давно стала хрестоматийной. Однако хрестоматийность этого определения географически и цивилизационно маркирована – речь в данном случае именно о западной поэтической картине мира, в русской же поэтической традиции отношение к верлибру было разительно иным. Вспомним категоричность Варлама Шаламова: «Свободный стих и так называемые стихи – все, что к ним относится, все это – поэзия второго сорта. Выражаясь по-спортивному, «верлибр» – это стихи второго эшелона, второго класса» [11]. Вспомним также слова Давида Самойлова: «Свободный стих медленно прививается в русской поэзии. Но он ежедневно вторгается к нам через переводную поэзию» [10].

Правда, в данном контексте нелишне вспомнить и противоположные взгляды русских поэтов и исследователей, таких как выдающийся стиховед Михаил Леонович Гаспаров [5] или поэт и автор ставших уже каноническими при изучении русского верлибра трудов Владимир Бурич [3, 4], те же Орлицкий, Куприянов и др.

Наиболее корректной мне представляется оценка И.Бродского, мягко говоря, не понаслышке знающего обе поэтические традиции: «Русская поэзия дала пример нравственной чистоты и моральной стойкости, что выразилось более всего в ее приверженности к так называемым классическим формам без всякого ущерба для содержания. В этом коренится ее отличие от западных сестер, *однако никоим образом не пристало судить, в чью оно пользу...*» (курсив мой. – ЛСМ) [2].

Обсуждение и оценка всей разноголосицы в оценке русского верлибра не входят в задачи данной работы. Скорее нас интересует, почему армянская поэзия, обладая древнейшей и богатейшей историей, сегодня так явственно потянулась к верлибру. Не касаясь обывательского представления о верлибре как способе создать иллюзию поэзии, не умея быть поэтом (то есть хорошим рифмовальщиком, как некоторые в простоте душевной представляют себе

роль поэта), тезисно представлю несколько взаимосвязанных объяснений любви современных армянских поэтов к свободному стиху.

Во-первых, одно из наиболее почитаемых и сакрализованных произведений армянской поэзии – написанная верлибром и стилистически соотносящаяся с Псалтырью, масштабная и по замыслу, и по объему «Книга скорби» или «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци, завершенная им в 1002 году. Значение этой книги не только для армянской поэзии, но и для армянского христианства и армянского мировидения практически невозможно переоценить. И если редактор российского журнала «Арион» Алексей Давидович Алехин в своей статье «Радости верлибра» предполагает, что «Евангельское Слово, скорее всего, прозвучало верлибром» [1], то в армянской поэтической традиции, благодаря фигуре Григора Нарекаци, это не допущение, а твердое знание: как говорил один из персонажей горинского «Мюнхгаузена», «это не факт, это больше, чем факт – так оно и было на самом деле».

Поэтому современное *обращение* к верлибру – это еще и *возвращение* к верлибру как к внеполитизированному и в некотором смысле вневременному сакральному поэтическому пространству, не нуждающемуся в формальных регламентированных версификационных средствах, но от этого не перестающему быть ни поэтическим, ни сакральным.

Во-вторых, как известно, «в языках с фиксированным и, следовательно, слабым ударением господствует силлабическая система стихосложения. Языки с подвижным силовым ударением тяготеют к тоническим формам стиха» [9]. Это означает, что для армянской поэзии наиболее характерным видом метрики является силлабическое, в то время как для русской поэзии – силлабо-тоническое (слоγοударное) и чисто тоническое (ударное) стихосложение. И при этом классическое армянское силлабическое стихосложение воспринимается сегодня как достаточно архаичное, причем совсем не в том высоком понимании архаики, о котором мы говорили чуть выше. Поэтому переход от силлабического стихосложения

к верлибру многими поэтами делается исходя из стремления к современному звучанию.

В-третьих, после распада Советского Союза, крушения не только государственных, но и поэтических границ и нарастающего расширения глобализационных процессов, оказалось, что в западной поэтической традиции рифма достаточно давно, еще со времен Уитмена и Эмили Дикинсон, используется либо в детской литературе, либо для достижения юмористического эффекта или написания песенных текстов, и само использование рифмы – свидетельство снижения смысла и значимости поэтического высказывания. Вспомним неловкость первых слушателей написанных по-английски стихотворений Бродского, не понимающих, как им реагировать на вроде бы настоящие стихи, написанные не верлибром.

Итак, возвращение к сакральности поэзии, отказ от архаичной рифмовки и соотнесенность с современностью и более широким поэтическим контекстов – вот те причины, которые, на наш взгляд, сегодня определяют «верлиброванность» армянской поэзии.

В целом, армянский верлибр обладает теми же видовыми особенностями, которые свойственны верлибру вообще, так сказать по определению. В нем, как известно, отсутствуют регулярный размер и рифма, однако особое значение приобретает разбивка строк, потому что именно членение строки выделяет из множества возможных интерпретаций лишь одну – важную и значимую для автора, ограничивая, по терминологии Гаспарова, «произвол читательского восприятия» [5]. Поэтическая речь сама по себе семантически максимально насыщена, а при верлибре смысловая нагрузка используемых слов еще более возрастает, потому что говоря о верлибре, мы говорим о «минус-приемах» (термин А. Л.Жовтиса) [7], и это вычитание оставляет в сухом остатке «голые» слова и тот пульс, то энергетическое и смысловое напряжение между ними, без которого немислим поэтический текст, и который индивидуален и неповторим в каждом хорошем верлибре. Потому что каждый хороший верлибр –

высвобождение авторской индивидуальности от пут размера и лишних слов. Или, как отмечает уже цитировавшийся нами Алехин, «Верлибр освобождает не только от лишних слов, но и от лишних – заемных – чувств и образов» [1].

Однако в итоге перевод «голых слов» верлибра оказывается не проще, а сложнее перевода рифмованной поэзии. Ведь «при переводе классической поэзии у переводчика есть надежные образцы, есть устоявшаяся традиция и есть, наконец, внешние признаки стиха, которые можно сохранить в переводе» [6]. При переводе же верлибра мы имеем дело с исключительной уплотненностью, емкостью стиха, что делает «верлибр одной из самых сложных и совершенных верификационных систем» [8].

Отметим при этом, что, хотя границы «точности точности» при передаче формальной стороны верлибра расплывчаты, очевидно, что механический перенос особенностей верлибра из оригинала в перевод невозможен [6]. Очевидно также, что при переводе верлибра ключевое значение приобретает передача не только смысла, но и ритма. Можно много и обоснованно говорить о невозможности точной передачи ритма оригинала в переводе из-за различий в языках. Это действительно невозможно. Ведь ритмические особенности стиха также специфичны, как и особенности словоупотребления или грамматического строя, поэтому **«речь может идти не о формальном воспроизведении ритма или его компонентов, а о передаче их функциональной доминанты»** [6].

Но все переводчики – дети Сизифа, так что будем поднимать камень в гору, пока гора не сдастся.

Ниже в билингвальной таблице представляются некоторые образцы упоминаемых переводов современных армянских поэтов.

Армен Саргсян	
Ուզում էի մոռանալ քեզ, նետի՛նով ջնջեցի մատիտանկարդ,	Мне хотелось забыть тебя, Ластиком стер твой

<p>թուղթը փչեցի, հիմա ամբողջ սենյակումս դու ես...</p>	<p>карандашный портрет, Сдул его с листа, И теперь по всей моей комнате – ты...</p>
<p>Ես քեզ ընտրել եմ չկարդացած բոլոր գրքերի և չնայած բոլոր ֆիլմերի փոխարեն...</p>	<p>Я выбрал тебя – Вместо всех непрочитанных книг И всех непросмотренных фильмов Взамен...</p>
<p>Ես քեզ սիրում եմ բանաստեղծություն գրելու նման չնտածված, կարճ ու սիրուն, ճերմակը դեղին ներկելու պես, վերևում՝ արև, ներքևում՝ ձյուն, ու ռետինով եմ նկարում մեր սերը...</p>	<p>Я люблю тебя так, как пишут стихи – кратко, красиво, навзрыд, как проводят желтым по белому: наверху - солнце, внизу снег лежит, и любовь нашу рисую резинкой...</p>
<p>Փոքր քաղաքներում երջանկության ավտոբուսներ չեն գալիս-գնում, թեև միշտ լսել եմ դրանց մասին, գիտեմ, որ կարմիր են ու Կոկակոլա են գովազդում, որոնց շշերին երբեք չեմ փնտրել անունդ,</p>	<p>В маленькие города автобусы счастья не ходят, хотя я всегда о них слышал, знаю, они красного цвета и рекламируют колу, на бутылках которой никогда не искал твое имя, у автобусов счастья нет</p>

<p>երջանկության ավտորուսները մեծ քաղաքներում կանգառներ չունեն.</p> <p>մեծ քաղաքներում կանգառներ չեն լինում...</p>	<p>остановок</p> <p>и в больших городах:</p> <p>в больших городах остановок</p> <p>вообще</p> <p>не бывает...</p>
---	---

Асмик Симонян

Որդիական սեր	Сыновнее
<p>Դու կրկնում ես, որ երբ հայրդ լինի մահամերձ, մտրակելու ես նրան անխնա ու դաժան, անփոխադարձ պատժով, կյանքիդ բոլոր օրերում լցված- չպարավաճի համար, ամեն անգամ, երբ դու կրկնում ես սա ու ձեռքով ցույց տալիս իջնող մտրակի շառաչուն հարվածը, ես զգում եմ, թե ինչպես է կարոտից ու սիրուց մտրակվող սիրտդ սպառնում, հայհոյում ու հորդորում հորդ ապրել, այլապես դու չես ների նրան, երբեք չես ների նրան,</p>	<p>Ты твердишь, что когда твой отец будет при смерти, Ты жестоко и безжалостно высечешь его, Безответно накажешь за все, чем полнились и разорвались дни твоей жизни каждый раз, когда ты твердишь об этом и рукой показываешь хлесткий удар бича, чувствую, как твое сердце, рассекаемое тоской и любовью, угрожает, ругает и уговаривает твоего отца жить, иначе ты его не простишь, никогда его не простишь, никогда.</p>

Список литературы

1. Алехин А. Радости верлибра // Арион, 2015. URL: [3http://magazines.russ.ru/arion/2015/3/20a.html](http://magazines.russ.ru/arion/2015/3/20a.html).
2. Бурич В. От чего свободен свободный стих. URL: <http://www.litkarta.ru/russia/moscow/persons/burich-v/vers-libre/>
3. Бурич В. Типология формальных структур русского литературного текста // Бурич В. Тексты: Стихи. Удетирыны. Проза. М.: Советский писатель, 1989. С. 143-156.
4. Гаспаров М. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортунa Лимитед, 2001. С. 15.
5. Демецкая В. Верлибр и перевод: жанровая традиция элегии (на материале произведений У.Уитмена и их переводов). URL: <http://dspace.ksu.ks.ua/handle/123456789/207>.
6. Жовтис А. Пульс стихотворного перевода // Мастерство перевода. М.: Высшая школа, 1964. С. 102-113.
7. Карапетян Г. Перевод верлибра и проблемы функциональной эквиритмии. URL: [http://raber.asj-oa.am/4163/1/1981-9\(36\).pdf](http://raber.asj-oa.am/4163/1/1981-9(36).pdf).
8. Папаян Р. К вопросу о метрических эквивалентах (армянская и русская поэзия) // «Мастерство перевода. М., 1975. С. 259.
9. Самойлов Д. Редактор и перевод, М., 1965. С. 70.
10. Шаламов В. Национальные границы поэзии и свободный стих. URL: <https://shalamov.ru/library/21/13.html>.

WHY VERS LIBRE?***ON TRANSLATIONS OF MODERN ARMENIAN POETRY***

Lilit Surenovna Meliksetyan
Yerevan, Republic of Armenia

Annotation. The article discusses the originality of modern Armenian poetry and determines the reasons for its apparent inclination towards the vers libre. The connection with the medieval Armenian poetic tradition, the features of the somewhat archaic traditional Armenian syllabic versification, sounding today, etc. are indicated among this. The specifics of the translation of poems written by the vers libre are also analyzed.

Key words: translation, vers libre, functional dominant, rhythm, Armenian versification.

**ПРОЦЕССЫ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ В ПРАКТИКЕ
ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ ТОПООБЪЕКТОВ КАЗАХСТАНА:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Мусабекова Улжан Есеновна
доктор филологических наук, доцент
г. Алматы, Казахстан
DOI: 10.12731/LCT.2019.22

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются переименования населенных пунктов в Республике Казахстан с 1991 года по 2019 г. В статье анализируется нормативная база активно идущей кампании по переименованию в республике. Также описывается мотивационное основание инициатив о переименованиях топообъектов.

Ключевые слова: топообъекты, трансономизация, ономастика, переименование, мотивация.

В разные эпохи в разных странах мира периоды значительных общественных изменений сопровождались активными процессами переименований географических объектов. «Чем глубже происходящие процессы в общественно-экономической и политической жизни страны, тем сильнее сдвиги в топонимии, как и в других областях языковой деятельности», – отмечал в 1939 г. выдающийся лингвист А. М. Селищев [4].

С обретением независимости и возникновением нового государства изменилась идеология онимизации в Республике Казахстан. Нормативная правовая база ономастической работы основывается на соответствующих положениях Конституции Республики Казахстан, Закона Республики Казахстан от 11 июля 1997 года «О языках в Республике Казахстан», Концепции языковой политики Республики Казахстан, одобренной распоряжением Президента Республики Казахстан от 4 ноября 1996 года №3186, Закона Республики Казахстан от 8 декабря 1993 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Казахстан», Положения о Государственной ономастической комиссии при Правительстве

Республики Казахстан, утвержденного постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 апреля 1998 года №368, Порядка наименования и переименования организаций, железнодорожных станций, аэропортов, а также физико-географических объектов Республики Казахстан и изменения транскрипции их названий, утвержденного постановлением Правительства Республики Казахстан от 5 марта 1996 года №281, Постановления Правительства Республики Казахстан о Правилах учета мнения населения соответствующей территории при наименовании, переименовании административно-территориальных единиц, составных частей населенных пунктов, а также уточнении и изменении транскрипции их наименований от 24 февраля 2014 года №138.

Ономастиологическая политика суверенного Казахстана последовательно решает две задачи: 1) восстановление и возвращение исторических названий; 2) устранение транслитерационных искажений и ошибок в написании казахских онимов.

Переименование административно-территориальных единиц осуществляется на основе учета мнения населения соответствующей территории. При этом инициатором ономастических предложений может выступить любое физическое или юридическое лицо, которое обращается в местные исполнительные органы. Местные исполнительные органы (*акиматы и маслихаты*) организуют информационно-пропагандистскую работу в СМИ и выносят постановление о внесении на рассмотрение Республиканской ономастической комиссии предложения о переименовании административно-территориальной единицы. Республиканская ономастическая комиссия выдает заключение по переименованию топообъекта. На основании заключения Республиканской ономастической комиссии и с учетом мнения населения соответствующей территории, ее местных представительных и исполнительных органов Правительство РК вносит Президенту Республики Казахстан представление по переименованию областей, районов, городов, а также уточнению и изменению транскрипции их

наименований. В случае положительного рассмотрения издается Указ Президента Республики Казахстан.

Следует отметить, что достаточно фундаментальная база нормативных документов, выработанная в РК, свидетельствует о демократических принципах регламентации переименований топообъектов. Тем не менее, «ономастический бум», прежде всего, связанный с массовыми переименованиями административно-территориальных единиц, сопровождается политизированностью в казахстанском обществе, неоднозначно воспринимающем новые наименования.

В словаре «Ономастика Казахстана: географические названия и отонимические производные» приводится 1156 переименований административно-территориальных центров РК за период с 1993 г. по 2018 г. [5, с. 225-251], что свидетельствует о значительных сдвигах в переосмыслении функций географических названий при активно проводимой государством политике казахизации. В Концепции Ономастической комиссии отмечается: «В Республике Казахстан постепенно должны быть восстановлены историко-географические топонимы, необоснованно измененные в прошлом в силу разного рода субъективных обстоятельств. Новые наименования должны присваиваться с учетом национальных, языковых особенностей, а также географических, исторических, социальных условий; написание всех наименований на государственном языке должно соответствовать нормам современного литературного казахского языка, а транскрипция на русском и других языках должна быть адекватна этим нормам» [3].

С. А. Никитин в исследовании «Лингвистические аспекты переименований географических аспектов в России», подробно рассматривает концепцию топонимов советского периода и вводит термин *декретные топонимы* в отношении переименованных географических наименований в первые годы советской власти, созданным декретным путем [1]. В нашем исследовании мы используем термин *директивные топонимы*,

т.е. официальные формы географических названий, закрепленные в государственных директивах (напр., *Алматы – ранее Алма-Ата, Атырау – ранее Гурьев, Актау – ранее Шевченко, Семей – ранее Семипалатинск, Нурсултан – ранее Целиноград, Тараз – ранее Джамбул, Шымкент – ранее Чимкент* и т.д.).

Для объективного описания процессов переименования топообъектов в Республике Казахстан (1993 – 2019 гг.) представляется необходимым описание мотивационного основания инициатив о переименованиях топообъектов. Переименованные топообъекты можно классифицировать по мотивационным признакам: 1) переименование связано с возвращением исторического досоветского казахского наименования; 2) переименование связано с корректировкой транскрипции на русском языке в соответствии с нормами современного литературного казахского языка; 3) переименование связано с мемориальной функцией топонимов-посвящений.

Одним из движущих моментов топонимических изменений в РК становится национализм. Он проявляется, прежде всего, в переименованиях, связанных с дерусификацией топонимов Казахстана. Так, в Концепции государственной ономастической работы в Республике Казахстан отмечается, что «национальная ономастическая система Казахстана, складывавшаяся на протяжении многих столетий, начиная со второй половины XIX века подверглась кардинальным изменениям и вынуждена была служить колониальным интересам царского правительства, а позже тоталитарной политике советской системы ... В результате был нанесен огромный ущерб самобытности, национальной специфике казахской ономастики, особенно его топонимической и антропонимической системам» [3].

По В. А. Никонову, помимо основной номинативной функции топонимы выполняют дескриптивную (описательную) и идеологическую функции [2, с. 62]. Поскольку в последнее время основными инициаторами

переименований выступают политики и государственные служащие, то вполне закономерно, что идеологическая функция становится основной.

Как известно, изменение административно-территориального статуса топообъекта часто ведет к его переименованию. Так, интересным представляется проследить историю переименований современной столицы Казахстана города *Нур-Султан: Акмолинская крепость* (1830 – 1832 гг.) – *станция Акмолинская* (1832 – 1863 гг.) – *город Акмолинск* (1863 – 1961 гг.) – *город Целиноград* (1961– 1992 гг.) – *город Акмола* (1992 года –1998 гг.) – *город Астана* (1998 – 2019 гг.) – *город Нур-Султан* (с 23 марта 2019 г.). Как видим, столица Казахстана за годы независимости (28 лет) подверглась переименованию 4 раза. Наиболее известным является переименование *Целинограда*, вначале получившего название *Акмола* (букв. перевод – «белая могила»), а позднее, после переноса столицы Казахстана – *Астана* (букв. перевод – «столица»).

Современное наименование столицы Казахстан *Нур-Султан* было инициировано действующим президентом РК К. Токаевым и закреплено Указом президента РК «О переименовании города Астаны – столицы Республики Казахстан в город Нур-Султан – столицу Республики Казахстан» от 23 марта 2019 года № 6 [6].

На сегодня в ономастическом пространстве Казахстана отмечена тенденция активного словообразования на основе имени Первого президента РК Нурсултана Назарбаева. Имя экс-президента Казахстана Нурсултана Назарбаева трансонимизируется в следующих направлениях: топоним: город *Нур-Султан*; ороним – пик *Нурсултан* в Заилийском Алатау; урбанонимы-годонимы – проспект *Назарбаева*, улица *Назарбаева* (в г. Казани, в г. Грозном, в столице Иордании Аммане, в г. Магасе в Ингушетии); эргонимы: международный аэропорт «*Нурсултан Назарбаев*», *Назарбаев* интеллектуальные школы, *Назарбаев* университет, *Назарбаев* центр.

Практика переименования городов в честь великих политических деятелей была широко распространена в истории наименований СССР:

Екатеринбург – Свердловск, Петроград – Ленинградом (1924). Царицын – Сталинград (1925), Никольск-Уссурийский (теперь Уссурийск) – Ворошилов (1926), Тверь – Калинин (1931), Нижний Новгород – Горький (1932), Пермь – Молотов (1940), Вятка – Киров (1934), Кенигсберг – Калининград (1946), Самара – Куйбышев (1935), Набережные Челны – Брежнев (1982), Рыбинск – Андропов (1984), Ижевск – Устинов (1984), Шарыпово – Черненко (1985) [1].

Переименования-посвящения находят свою реализацию и в ряде других стран: столица Соединенных Штатов Америки – *Вашингтон*, названа в честь первого президента страны – генерала Джорджа Вашингтона, в 1853 году в США появился еще и отдельный штат *Вашингтон*. Столица южноамериканского государства Гайана – *Джорджтаун* названа в честь тогдашнего короля Георга III, столица Сейшельских островов *Виктория* – в честь, соответственно, королевы Виктории. Столица Новой Зеландии – город *Веллингтон* – названа в честь тогдашнего премьер-министра Британской империи, герцога Веллингтона.

Таким образом, предпринимаемые в Казахстане переименования связаны, прежде всего, с экстралингвистическими факторами. Мотивационные основания переименований отражают происходящие в казахстанском обществе сдвиги на национализацию, выражающуюся в возвращении исторических казахских названий топонимов, и дерусификацию наименований, как отказ от русскоязычных названий как идентификаторов колониальной и советской эпохи. Отмечается также политизированный характер переименований, формируемый инициативой «сверху», и инертность казахстанских лингвистов как в пропагандистско-разъяснительной кампании, так и в кодификации новых наименований в языке.

Список литературы

1. Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: Институт языкознания, 2003.
2. Никонов В. А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 179 с.
3. Постановление Правительства Республики Казахстан «О концепции государственной ономастической работы в Республике Казахстан», 21 января 2005 года № 45.
4. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 45-96
5. Сулейменова Э. Д., Мусабекова У. Е., Шаймерденова Н. Ж. Ортологический словарь-справочник: географические названия Казахстана и их производные. – Алматы: Қазақ университеті, 2019. – 261с.
6. Указ президента РК «О переименовании города Астаны – столицы Республики Казахстан в город Нур-Султан – столицу Республики Казахстан Акорда» от 23 марта 2019 года № 6.

THE PROCESS OF TRANSVERSALA IN THE PRACTICE OF RENAMING TOPOBJECTS OF KAZAKHSTAN: PRAGMALINGUISTIC ASPECT

Ulzhan Esenovna Musabekova
Almaty, Kazakhstan

Annotation. This article discusses the renaming of settlements in the Republic of Kazakhstan from 1991 to 2019. The article analyzes the regulatory framework of the active renaming campaign in the Republic. The motivational basis of initiatives on renaming topoobjects is also described.

Key words: topoobject, renaming, onomastics, rename, motivation.

ПОДКАСТ КАК АКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Нарбут Елена Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Михалёва Валентина Владимировна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.23

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы использования подкастов в обучении иностранным языкам. Дается определение понятия «подкаст». Представлены аудио- и видеоподкасты, которые можно использовать при обучении иностранным языкам

Ключевые слова: Интернет, подкаст, интернет-ресурсы.

В настоящее время все больше внимания при обучении иностранным языкам уделяется коммуникативной направленности, аутентичности общения, а также знакомству с культурой страны изучаемого языка и интерактивности. Современный преподаватель иностранного языка должен активно использовать Интернет-ресурсы, в том числе широкий спектр обучающих сайтов, форумов, блогов.

Тем не менее, в процессе обучения часто не хватает прямого общения с носителем языка. И в этом случае преподавателю очень большим подспорьем является такой вид Интернет-ресурса как подкаст, который можно использовать как на уроках, так и для саморазвития. Подкаст (Podcast) от английского iPod и broadcasting, что в переводе значит «вещание в эфире» – передача на определенную тему в Интернете [1].

Подкаст – это вид социального сервиса, позволяющий прослушивать, просматривать, создавать и распространять аудио- и видеопередачи во всемирной сети. Не секрет, что в образовательных учреждениях не всегда есть возможность воспользоваться Интернетом и в этом видится еще один аргумент в пользу использования подкастов в обучении. Подкасты

закачиваются из Интернета и затем их можно слушать или смотреть через любое доступное устройство: компьютер, смартфон или планшет без подключения к Интернету, в любое удобное для пользователя время [2].

Подкаст – это аутентичные новости, обучающие аудио- и видеофайлы, которые можно прослушать на занятии. По продолжительности подкасты могут быть от нескольких минут до нескольких часов. Данный сервис дает возможность учащимся как прослушивать или просматривать уже размещенные в Интернете подкасты, так и создавать свои собственные.

В контексте заявленной темы хотелось бы поделиться практическими наработками и предложить использовать в процессе обучения иностранным языкам проверенные и полезные подкасты, которые мы задействуем на занятиях в ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет».

Некоторые примеры аудиоподкастов для изучения иностранных языков:

Английский язык

<http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/tae> – серия обучающих подкастов фокусируется на повседневных фразах и сленге. То, что вы услышите здесь, будет именно тем вариантом английского языка, на котором говорят реальные люди на улице, и это поможет сделать вашу речь более свободной и похожей на то, как общаются носители языка.

<http://www.podcastsinenglish.com/index.shtml> – подкасты на этом сайте – это целые серии для изучения английского языка, с программами как для начинающих, так и студентов со средним и продвинутым уровнем. Здесь есть также подкасты для тех, кому нужна практика в деловом английском. Короткие уроки проводятся полностью на английском языке и представляют собой диалоги между двумя носителями языка.

<http://www.listen-to-english.com/> – это очень популярная серия подкастов, и легко понять, почему у них столько поклонников. Их формат прост, как все гениальное. Ведущий увлекательно и заразительно говорит в течение приблизительно пяти или шести минут на какую-либо тему.

Прослушивание английской речи призвано помочь студентам, изучающим язык, улучшить свои разговорные навыки и расширить словарный запас.

<http://www.englishclass101.com/> – здесь каждый найдет что-то для себя, ведь эта серия подкастов предназначена для слушателей с разным опытом изучения английского языка. В соответствии с вашим уровнем владения языком, вы можете выбрать из четырех уровней: с нуля, новичок, средний и продвинутый. У подкаста два ведущих, которые разыгрывают различные сцены. После того, как вы прослушали их диалог в первый раз, он повторяется, но на более медленной скорости.

<http://learnenglish.britishcouncil.org/en/elementary-podcasts> – ведущие в каждом выпуске проводят слушателя через ряд различных ситуаций. Они разыгрываются в виде диалогов, и это те ситуации, с которыми все мы сталкиваемся каждый день. Подкасты также включают в себя более общие разговоры на некоторые темы. Все это подается в живой манере, бодро и увлекательно, с приближенным к нормальному темпом речи.

<http://splendidspeaking.podomatic.com/> – подкасты предназначены для продвинутых студентов, которые уже могут говорить по-английски достаточно свободно. Подкасты предлагают очень интересный подход к изучению языка. В каждом уроке вы услышите интервью с людьми, для которых английский язык не является родным. Записи также включают в себя экспертную оценку этих выступлений. Это не только очень наглядный способ изучения английского, но еще довольно забавно слушать, как другие справляются с трудностями иностранного языка. Может быть, вы даже сможете заметить некоторые из их ошибок!

<http://www.betteratenglish.com/> – это эклектичная смесь подкастов на английском языке, в которых представлены реальные диалоги с англоговорящими собеседниками. Темы варьируются от серьезных, до всяких милых пустяков, и темп речи в них естественный. Прослушивание реальных, естественно звучащих разговоров является превосходным дополнением к традиционным методам обучения в классе с учебником.

<http://learningenglish.voanews.com/> – Голос Америки это новости на английском языке и информационная служба, которая делает серии программ в различных жанрах, на английском языке. В разделе аудио вы найдете 1) еженедельную программу глобальных новостей 2) научно-популярный выпуск 3) программы по истории США и американской культурной жизни 4) серии, посвященные идиоматическим выражениям в американском варианте английского языка. Темп речи во всех выпусках немного более медленный, чем в жизни.

<http://esl.culips.com/> – серия подкастов для всех уровней английского языка. Что действительно здорово в Culips, так это то, что здесь собраны подкасты в четырех разных стилях. В серии Close Up мы встречаем одних и тех же персонажей в различных ситуациях. Во время каждого эпизода ведущий уделяет внимание словарному запасу, выражениям, идиомам и сленгу.

<http://www.eslpod.com/> – подкаст отличается обширной библиотекой эпизодов (более 900 и до сих пор пополняется). Ядром каждого подкаста является разыгрывание диалога между двумя персонажами. Остальная часть эпизода посвящена ключевым словам, их использованию и значениям. Темп английской речи вполтину медленнее нормальной скорости и ей легко следовать. Каждый подкаст сопровождается руководством по освоению материала.

Немецкий язык

<http://www.dw.com/de/deutsch-lernen/s-2055> – на сайте немецкой телерадиокомпании *Deutsche Welle* есть специальный раздел для людей, изучающих немецкий язык. Здесь есть адаптированные тексты, новостные аудиозаписи в замедленном темпе, тематические словари и другие ресурсы, полезные тем, кто учится воспринимать на слух реальную немецкую речь.

<http://www.ardmediathek.de/tv/sendungen-a-z?buchstabe=A> – если вам скучно слушать простые аудиозаписи, на сайте *ARD* вы можете посмотреть видеозаписи передач немецкого телевидения. Здесь можно найти видео

самой разной тематики, от документальных фильмов и выпусков новостей до сериалов.

http://www.de-online.ru/nemeckoe_radio_online – учить немецкий язык можно в любое время и в любом месте с немецкоязычным радио. Множество немецких радиостанций вы можете найти в **специальном разделе** на сайте Deutsch Online. От развлекательных и музыкальных радиостанций до новостных каналов – вы сможете найти ресурс, наиболее интересный именно вам.

<https://slowgerman.com/> – портал Slow German – это очень интересный ресурс журналистки Анник Рубенс для людей, изучающих немецкий язык. На сайте можно найти аудиозаписи на немецком различной тематики и самостоятельно регулировать скорость говорения на них, чтобы не упустить детали в процессе аудирования. Кроме того, аудио дополнены полными транскриптами с переводами и объяснением слов.

<https://learngermanbypodcast.com/> – этот сайт поможет вам изучать немецкий язык на примере ежедневных диалогов из реальной жизни. На сайте можно слушать и скачивать аудиоматериалы, подкреплённые транскриптами и заданиями для самопроверки.

<https://www.goethe.de/en/spr/ueb/rod.html> – на сайте Института Гете представлен аудиокурс Radio Dv двух частях, каждая из которых состоит из 26 эпизодов. Курс включает в себя диалоги, изучение выражений и слов различной тематики. Пользуясь этим курсом, вы сможете услышать речь реальных носителей языка, подтянуть навыки аудирования и правильного произношения.

<https://reallanguage.club/nemeckij/> – портал включает в себя обширный раздел для изучения немецкого языка со множеством материалов по подготовке к аудированию. В аудиоформате на сайте представлены тексты с транскриптами, диалоги, стихи и даже скороговорки. При этом можно выбрать записи нужной тематики или уровня, от начального до продвинутого.

<https://www.germanpod101.com/> – после регистрации на GermanPod101 вы получите доступ к более чем 1,400 аудио и видео-урокам немецкого языка. Этот портал предлагает пользователям со всего мира изучать немецкий в самом интересном формате и максимально развить столь необходимый навык аудирования. Помимо аудиозаписей с подробными транскриптами и переводами, пользователям также доступны словари, тестовые задания и многое другое.

<https://www.authenticgermanlearning.com/> – портал AGL изначально был создан носителем немецкого языка Марко как YouTube-канал, а затем развился в отдельный сайт, очень популярный среди людей, изучающих немецкий язык. Марко предлагает пользователям забыть о скучных упражнениях и аудио-диалогах, далеких от реальной жизни. Вместо этого вы погрузитесь в мир живого немецкого языка и быстро научитесь воспринимать его на слух.

<https://german.yabla.com/?a=1891> – аутентичную методику изучения немецкого предлагает портал Yabla, на котором можно учить язык по видео с двуязычными субтитрами и интегрированными словарями. За счет интерактивных субтитров и разнообразной направленности видеоматериалов этот сайт отлично подойдет пользователям с разным языковым уровнем.

Китайский язык

www.hanyupod.com **Подкаст для изучающих китайский язык.** Уроки представляют собой небольшие **диалоги на китайском** и их разбор на русском. Помимо изучения основной лексики диалогов ведущие поясняют различные аспекты **грамматики китайского языка**, предлагают различные мнемоники для лучшего запоминания слов. Как заявляют авторы, в уроках применяется только современный китайский язык, на котором говорят в наши дни.

<http://russian.cri.cn/> – международное радио Китая.

www.cslpod.com – **Онлайн уроки китайского для всех уровней с аудио и переводом** на английский и другие языки.

www.chinesepod.com/tools/pronunciation – ресурс №1 по фонетике. По этой ссылке можно скачать таблицу с произношением всех звуков! (описание на английском, но можно разобраться и без знания этого языка).

<https://www.yoyochinese.com/blog/learn-mandarin-chinese-third-tone-the-correct-way-to-pronounce-it> – хорошо объясняется произношение третьего тона.

<https://www.yoyochinese.com/chinese-learning-tools/Mandarin-Chinese-pronunciation-lesson/pinyin-chart-table> – озвученная таблица пиньинь.

http://resources.allsetlearning.com/chinese/pronunciation/Pinyin_chart – еще одна озвученная таблица пиньинь.

<http://pinyinpractice.com/tones3.htm> – практика тонов. Можно слушать и отмечать, какой тон слышите, есть по одному тону, есть пары тонов.

<http://clavisinica.com/SS/intro.html> – небольшие истории для начинающих с переводом на английский язык, разбором вокабуляра и озвученные.

<http://clavisinica.com/voices.html> – озвученные тексты, требуется QuickTime для прослушивания, уровень уже средний.

Но говоря о современных подкастах безусловно нельзя обойти вниманием такой мощный сервер как YouTube, который пользуется популярностью не только среди молодежи, но и среди взрослого поколения, что дает шанс задействовать его на занятиях по иностранным языкам для любой возрастной группы.

Некоторые примеры видеоподкастов для изучения иностранных языков:

Английский язык

https://www.youtube.com/channel/UCV1h_cBE0Drdx19qkTM0WNw/featured – бесплатный канал, где объясняют английскую грамматику и различные разговорные обороты.

<https://www.youtube.com/channel/UC0YbFiLN8fcvtWC5Jtt1Vzw/featured>

– с помощью красочных картинок и подписей вам объяснят буквально все, от бытовых ситуаций до отдельных категорий слов (работа, еда и т.д.).

<https://www.youtube.com/user/englishlearnspeak> – каждое видео содержит небольшой и не очень сложный диалог, а также упражнения к нему. Сначала вы слушаете, а затем пробуете употребить в речи то, что выучили.

Немецкий язык

<https://www.youtube.com/user/MeisterLehnsherr/featured> – создатель и единственный ведущий этого канала поставил перед собой амбициозную цель не только обучить немецкому языку, но также помочь лучше узнать Германию. Для этого он выкладывает много роликов, посвящённых национальным традициям, культурным особенностям и нюансам жизни в этой стране.

<https://www.youtube.com/channel/UC5iQEtkZ2oNA2ccipGiw82g/featured>

– ведущий канала – профессиональный преподаватель, носитель немецкого языка. Её главная цель – обучение учащихся новым словам и грамматическим правилам, а также популяризация немецкого языка в русскоязычном обществе. Ведь не секрет, что сейчас в первую очередь стараются выучить английский, а немецкий остаётся несколько в тени.

<https://www.youtube.com/user/DeutschFuerEuch> – Основная тема канала – грамматика, и в этом ему нет равных на YouTube. Канал содержит несколько сотен роликов, освещающих практически все основные моменты, необходимые для освоения немецкого языка.

Китайский язык

<https://www.youtube.com/channel/UCric6SNdX2nyU4yhgJr1Tiw> – еще один видео-канал о разнице китайского в разных странах и культурных особенностях. Герои пытаются отгадать, что значат разные выражения на диалектах.

<http://www.youtube.com/playlist?list=PL9084E09884775BD6> – фонетический алфавит китайского языка в 5 уроках.

<https://www.youtube.com/user/chineseclclass101> – канал включает в себя огромное количество видео-уроков от носителей языка и иностранных преподавателей, которые профессионально помогают в изучении китайского с нуля. На канале есть такие видео-плейлисты, как «практика китайского языка», «китайский за 3 минуты», «китайская грамматика», «китайский на каждый день с нуля» и т.д.

Представленными серверами спектр актуальных интернет-ресурсов не ограничивается и медленно, но уверенно внедряется в повседневную жизнь и, в том числе, в процесс обучения.

Список литературы

1. Арупова Н. Р. Подкасты в обучении иностранному языку студентов в высшей школе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №. 2-2. URL: <https://publikacia.net/archive/2014/2/2/25> (дата обращения: 27.09.2019).

2. Сысоев Павел Викторович Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2014. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkasty-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 27.09.2019).

PODCAST AS AN ACTUAL RESOURCE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Elena Vladimirona Narbut
Valentina Vladimirovna Mikhaleva
Magadan, Russia

Annotation: The article discusses the use of podcasts in teaching foreign languages. The definition of podcast is given. Audio and video podcasts that can be used in teaching foreign languages are presented.

Key words: Internet, podcast, Internet resources.

К ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Нарбут Елена Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Титова Анастасия Максимовна
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.24

Аннотация. В статье поднимается вопрос об информатизации как отличительной особенности современного образовательного процесса. Также в контексте заявленной темы авторы затрагивают проблемы, которые возникают при использовании интерактивных средств обучения и сети Интернет, и предлагают свое видение использования образовательной интернет-платформы на занятиях немецкого языка.

Ключевые слова: информационные ресурсы, образовательная интернет-платформа, интерактивные средства обучения, глог-технология.

Информатизация является отличительной особенностью развития современного общества и система образования в этом процессе не является исключением. Новые методы и средства, информационные технологии активно внедряются в современный образовательный процесс и находят все большее применение в подготовке к учебным занятиям преподавателей и обучающихся.

Вполне закономерно, что и на государственном уровне звучит требование к преподавателю/учителю о необходимости инновационных способов преподнесения учебной информации (в частности, в разделе «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий», ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации») [1]. Для выполнения требований, предъявляемых государством к современным образовательным организациям, в Интернет-пространстве постоянно появляются новые

образовательные ресурсы. С их помощью преподаватель/учитель может подобрать и разнообразить свой учебный материал, а обучающиеся найти интересные задания для самоподготовки.

Актуальностью процесса информатизации образования продиктован и высокий научный интерес к этой тематике [2], [4], [5], [6], [7]. Происходит не только осмысление наработанного материала, но и формулируются методические предложения, помогающие преподавателю/учителю системно решать возникающие в учебном процессе проблемы, связанные с освоением того или иного информационного ресурса.

При этом преподавателю/учителю зачастую необходимо не сбрасывать со счетов и самые общие проблемы, которые возникают при использовании интерактивных средств обучения и сети Интернет, а именно: недостаточная оснащенность учебных классов интерактивными средствами; отбор и качество учебного материала; качество работы сети Интернет; утомляемость обучающихся и ухудшение здоровья; уровень квалификации и готовность преподавателя/учителя к применению интерактивных средств обучения; финансовые вопросы.

Остановимся на каждой из этих проблем более подробно.

1. На сегодняшний день невозможно представить учебный класс без интерактивных средств обучения, таких как персональный компьютер, ноутбук, планшет и т.д. Данные средства доступа к информационной сети прочно вошли не только в нашу повседневную жизнь, но и в образовательный процесс, как того требует закон «Об образовании в РФ». К сожалению, не все учебные заведения готовы продемонстрировать оснащенность интерактивными средствами обучения. Во многих университетах и школах не каждый учебный класс может «похвастаться» наличием персонального компьютера, ноутбука, мультимедиа и других современных девайсов.

2. Вычленив правильную и полезную информацию порой бывает очень непросто. Мировая сеть Интернет вместе с нужной и актуальной

информацией наполнена и безграмотными обезличенными текстами, не приносящими читателю никакой пользы. От этого страдают не только обучающиеся, которые только узнают новую информацию, но и преподаватели, доверившиеся неизвестному автору с сомнительного образовательного сайта. При подготовке к учебному занятию как обучающемуся, так и преподавателю приходится обрабатывать «горы» информации в поисках нужной и достоверной.

3. Многие преподаватели/учителя отмечают крайне низкую скорость передачи данных, а также проблему доступа к некоторым образовательным ресурсам. Это ограничивает возможность работы преподавателя/учителя с онлайн-сервисами и образовательными площадками. Вспоминается шутка о том, что WWW расшифровывается как worldwide waiting (всемирное ожидание), а не worldwide web (всемирная паутина).

4. Ухудшение зрения является главной проблемой влияния электронных устройств на организм человека. После занятий с компьютером зрительное утомление наблюдается у 38% школьников, в то время как после учебных занятий без использования персонального компьютера – всего у 8%. Также наблюдается неблагоприятное влияние работы с электронными устройствами и на нервно-психическое здоровье. У обучающихся могут возникнуть напряженность, нервные реакции, депрессивные состояния. Кроме того, длительная работа на клавиатуре может привести к повреждениям сухожилий и мышц кисти, лучезапястного сустава. Таким образом, работу с компьютером можно рассматривать как потенциально опасный для здоровья обучающегося вид учебной деятельности. Данный вид образовательной деятельности требует соблюдения строгих требований к условиям работы обучающихся с компьютерной техникой и обязательного обучения их правилам безопасности.

5. Современному преподавателю/учителю легче найти нужный материал к учебному занятию, узнать о новых методиках преподавания, а также повысить уровень своих знаний с помощью современных образовательных

ресурсов. Но для того, чтобы все эти новшества были доступны преподавателю/учителю, стоит уделить время их изучению. Несмотря на умение работать с персональным компьютером, большинство преподавателей/учителей сталкиваются с проблемой освоения мультимедиа, интерактивной доски. Преподаватели, не знающие всех возможностей интерактивной доски, воспринимают её, как экран. Поэтому, прежде чем использовать интерактивную доску в учебном процессе, следует детально изучить ее возможности.

6. К другим проблемам, связанным с использованием электронных средств обучения и сети Интернет, относятся достаточно большие финансовые затраты на приобретение, подключение, техническое обслуживание и оплату трафика. В высших учебных заведениях и школах данная проблема решается в рамках национального проекта «Образование». Она подразумевает бесплатное использование Интернет-ресурсов два года после подключения.

В качестве примера успешного применения интерактивных средств обучения с учётом вышеуказанных проблем, мы предлагаем собственную методику использования образовательных глогов на занятиях немецкому языку. Глог или Интерактивный плакат – это электронное образовательное средство предоставления информации, способное активно и разнообразно реагировать на управляющие действия пользователя. В зависимости от цели и задачи глога, в нем могут быть представлены различные тексты, фото, видео, звуковые файлы, графика и др. В интерактивном плакате используются различные интерактивные элементы: ссылки, кнопки перехода, области ввода данных, которые обеспечивают возможность взаимодействия пользователя и содержания плаката [3].

В ходе подготовки к апробированию данной методики нами были выбраны группы студентов филологического факультета Северо-Восточного государственного университета 1 курса группы НА-81 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили

«Немецкий и английский языки», 3 курса группы НА-61 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки» и 5 курсов группы НА-41 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки» и группы АН-41 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Английский и немецкий языки» филологического факультета. Выбранные нами группы студентов обучались у разных преподавателей. С каждым преподавателем мы определили темы, которые соответствуют образовательной компетенции студентов на определенном этапе обучения и будут актуальны для изучения и повторения. Были выделены такие темы, как “Deklination von Adjektiven“, “Konjugation von Verben“, “Die Familie“, “Die Zahlen“, “Das Möbel“.

Для 1 курса группы НА-81 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки» и 3 курса группы НА-61 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки» нами были подготовлены учебные занятия по темам “Die Familie”, “Die Zahlen”, “Das Möbel”. С помощью рамки-стикера мы обозначили тему учебного занятия, расположив ее в центре интерактивного плаката. Теоретическая часть учебного занятия была расположена в боковых рамках глога, аудио- и видеоматериалы по темам расположились в нижней части для удобства воспроизведения. Весь глог был выстроен последовательно в соответствии с ходом учебного занятия. (На рисунке 1 представлен подготовленный нами интерактивный плакат для студентов 1 курса группы НА-81 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки» и 3 курса группы НА-61 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки»).

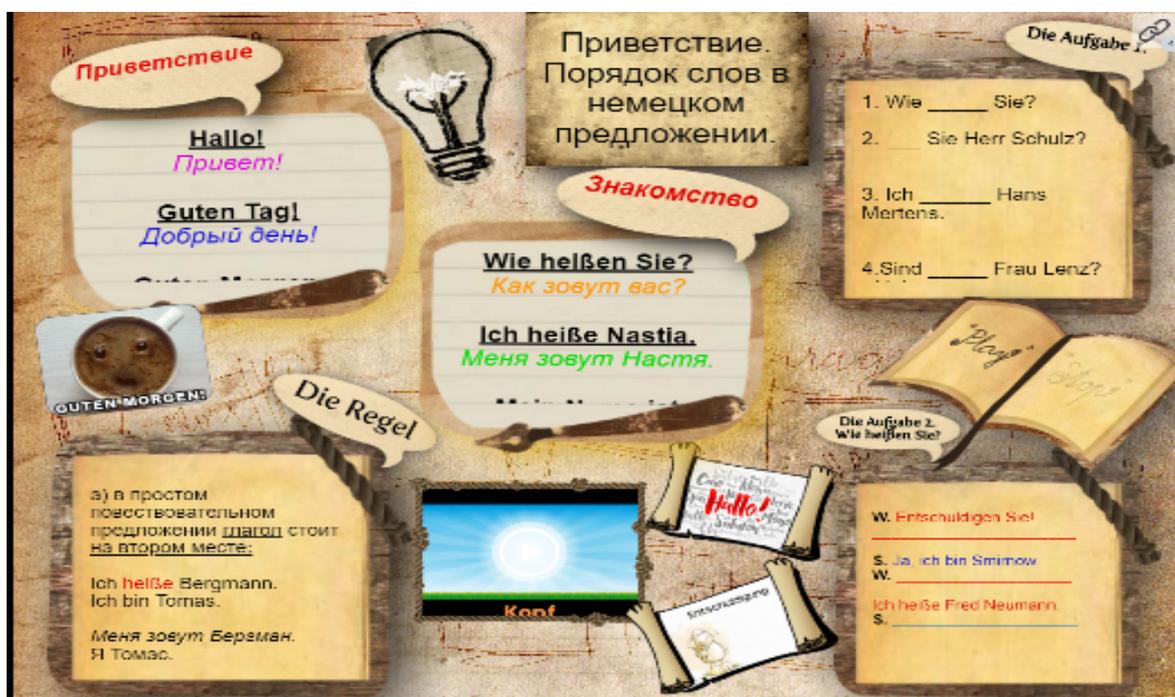

В ходе занятия преподаватель может продвигать текст глога мышкой, последовательно знакомя учащихся с теоретическим материалом учебного занятия. Представленные в интерактивном плакате аудио- и видеоматериалы преподаватель может воспроизводить, не выходя из глога. При нажатии на воспроизведение материал запускается. GlogsterEDU обеспечивает доступ к 10 000 оригинальных графических элементов, таких как фон, текстовые поля, рамки и многое другое, а медиа-файлы можно импортировать по URL-адресу или загружать из собственных файлов пользователей.

Учебное занятие у студентов 5 курса группы АН-41 направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Английский и немецкий языки» было направлено на повторение пройденного материала по темам: “Die Bekanntschaft“, “Die Wortstellung im deutschen Satz“. Мы использовали в глоге текстовый материал, содержащий фразы приветствия (Hallo, Guten Morgen, Guten Tag), вопросы (Wie heißen

Sie?Wie heißt du?) и ответы на них (Ich heiße...). Видеоматериал для проведения физминутки мы расположили внизу глога. Справа мы расположили стикер «Аудиозапись». В нем нами были предложены задания для прослушивания и тренировки распознавания иноязычной речи на слух. Для проверки понимания данного задания мы подготовили тест по заполнению пропусков. На рисунке 2 представлен подготовленный нами интерактивный плакат.

Рис.2.

Учебное занятие, подготовленное нами для студентов 5 курса направления 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Немецкий и английский языки» по темам “Deklination von Adjektiven“, “Konjugation von Verben“ было направлено на повторение и подготовку к выпускным экзаменам. Помимо использования интерактивного плаката студентам был предложен раздаточный материал на бумажном носителе и разосланы ссылки с переходом на электронные таблицы (На рисунке 3 представлен подготовленный нами интерактивный плакат).

Разработанная нами методика использования образовательных глогов в образовательном процессе ещё раз убеждает нас в том, что требование к преподавателю/учителю использовать инновационные способы преподнесения учебной информации может быть успешно реализовано, причем без особых финансовых затрат. Применять новую образовательную платформу сейчас или же отложить на завтрашний день – зависит от готовности учителя использовать данные современные методы обучения и идти в ногу со временем.

Список литературы

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) [сайт]. –

URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 23.09.2019).

2. Абалуев Р. Н., Астафьева Н. Е., Баскакова Н. И., Бойко Е. Ю., Вязовова О. В., Кулешова Н. А., Уметский Л. Н., Шешерина Г. А. – Интернет-технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. Ч. 3. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 136 с.

3. Ассадулина Л. И. Глог как интерактивное средство представления информации в обучении иностранному языку студентов технического вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – №2-1. – 32 с.

4. Ашанина Е. Н., Васина О. В., Ежов С. П. Современные образовательные технологии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 165 с.

5. Вергасова О. М. Использование интерактивного оборудования в учебном процессе // Молодой ученый. – 2015. – № 11.1. – С. 59-62. – URL <https://moluch.ru/archive/91/19345/> (дата обращения: 24.09.2019).

6. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студ. – М.: Изд. центр «Академия», 2009. – 272 с.

7. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

ON THE USAGE OF INTERACTIVE FEATURES FOR TEACHING GERMAN

Elena Vladimirovna Narbut
Anastasiya Maksimovna Titova
Magadan, Russia

Abstract: The problem of computerization as a distinguishing characteristic of a modern educational process is raised in the article. Within this framework the

author stouch up on the problems arousing when on line teaching tools and the Internet are used. The authors give their ideas of the utilization of a web-based educational platform during German classes.

Key words: knowledge resources, web-based educational platform, online teaching tools, glog-technology.

МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ В КЕЛЬТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Ощепкова Виктория Владимировна
доктор филологических наук, профессор
г. Москва, Россия

Соловьева Наталия Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
г. Москва, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.25

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные черты модели мироздания, актуализующейся в кельтских мифологических текстах. Авторы описывают дуализм народных представлений и проницаемость границы между «этим» и «иным» мирами, анализируют языковые средства, репрезентирующие концепты «граница» и «портал».

Ключевые слова: фольклорный текст, миф, мировоззрение, модель мира кельтов, граница, портал.

Для культуры любого этноса свойственно стремление объяснить мироустройство, определить силы, властвующие над природой и человеком. Древним кельтам, как и другим народам мира, было присуще дуалистическое мировоззрение, противопоставляющее материальный, видимый мир нематериальному, неосязаемому миру, причем, зачастую между понятиями «мир» и «земля» проводилась параллель. Противопоставление «этого» и «иного» миров наиболее отчетливо прослеживается в фольклорных текстах, ярко отражающих своеобразие народной культуры, а бинарная оппозиция «свое» – «чужое», организующая окружающее человека пространство, справедливо считается одной из основополагающих оппозиций фольклорной картины мира.

Цель настоящего исследования заключается в установлении отличительных черт модели мироздания, представленной в ирландских и валлийских фольклорных текстах, и выявлении средств языковой репрезентации концептов «граница» и «портал». Разделяющая «этот» и «иной» миры граница подвижна и проницаема, а порталы позволяют людям

и волшебным существам преодолевать ее. Значимость рассматриваемых концептов для фольклорной картины мира подтверждается тем, что коллизии, связанные с преодолением границы, широко представлены в фольклорных текстах. Материалом исследования послужили ирландские мифы и легенды, собранные в сборнике “Irish Myths and Legends” под ред. М. Скотта [Scott, 2013] и кельтских мифов и легенд, опубликованные в сборнике “Celtic Myths, Celtic Legends” под ред. Р.Дж. Стюарта [Stewart, 1996]. В первый сборник включены записи ирландских мифов и легенд этнографа и фольклориста М. Скотта, сделанные им во время экспедиций по южным и западным регионам Ирландии, в которых сохранилась устная народная традиция. Во второй сборник включены переводы мифологических текстов с валлийского и ирландского гэльского на английский, осуществленные собирателями фольклора Ш. Гест, Т. П. Кроссом и К. Х. Словером в конце XIX – начале XX веков и собранные и отредактированные Р. Дж. Стюартом.

Подчеркнем, что кельтские мифологические и эпические повествования не относятся к древнейшим письменным памятникам. Они записаны монахами или филидами (от ирландского гэльского “*fili*” – «провидец») – поэтами и хранителями исторической традиции в Средние века в монастырях. Эти повествования отличает скудность и однообразие используемых в них стилистических приемов, преимущественно метафоры, простота синтаксической структуры фразы, что свидетельствует о сохранении в них черт устной народной творческой традиции. В то же время, как утверждают бретонские кельтологи Ф. Леру и К.-Ж. Гюйонварх, в сохранившихся мифологических текстах много общего с бретонскими религиозными текстами [Леру, Гюйонварх, 2001, с. 130–132]. Они предполагают, что бытовавшие в Ирландии и Уэльсе кельтские мифы утратили сакральную сущность после обращения жителей в христианство. Эти мифы, не представляя угрозы для христианских устоев, содержат интереснейшие детали и эпизоды жизни народа в дохристианский период,

которые сохранялись в неизменном виде и не опускались при многочисленных переписываниях. Подтверждение интеграции языческих и христианских смыслов обнаружили и мы: “‘Is there no escape?’ asked Conn. ‘Not until the day when the bell of the New God rings across the waters of evening...Only then will the spell have run its course’” [Scott, 2013, p.68]. Дети короля Лира, заколдованные мачехой и принявшие форму белых лебедей, возвращают себе человеческий облик с приходом христианского Бога, сменившего языческую богиню Дану. Монах-отшельник возводит часовню на острове, где поселились заколдованные лебеди, и приобщает их к вере: “‘You have taught us of the Christ and His works and now we wish you to baptize us into the Faith before we die...And when we die, I wish you to bury us in the old way...’” [Scott, 2013, p.85]. Таким образом, в развязке повествования “The Children of Lir” гармонично сочетаются христианский обряд причащения перед смертью и языческий ритуал захоронения в положении стоя.

Как убедительно демонстрирует историк Э. Мак-Нилл, дохристианские мифологические тексты могут отражать реальные исторические события, для обозначения сплава кельтской и христианской традиций в трактовке событий прошлого ученым вводится термин «синтетическая история» [Приводится по: Бондаренко, 2003, с. 12]. В мифах тесно переплетаются не только реальные и вымышленные события, но и упоминаются разнообразные географические объекты. Так, в мифе о сыновьях Турина (“The Sons of Tuireann”) повествуется о поиске волшебных предметов тремя братьями: Брайаном, Уркаром и Иукаром. При этом они посещают Грецию (the Land of the Greeks), Персию (the Land of the Persians), Сицилию (the Kingdom of Sicily) и Египет (the Pillars of the Sun), и вымышленный остров, населенный морскими девами, прядущими нити судеб (“You must bring me the cooking spit of the water maidens of *Fioncure Island*, which is said to lie between Banba and Alba, but which has yet to be found” [Scott, 2013, p. 11]), и землю демонических фоморов (“You will then...make your way to the hill of Midcain in the land of the *Fomorians*” [Ibidem, p. 12]).

По утверждению Г. В. Бондаренко, островное положение Ирландии и Уэльса во многом определило уникальную картину мира кельтов. Их космология сужена до пространства островов, воспринимавшихся как «самодостаточный космос, окруженный волнами океана хаоса» [Бондаренко, 2003, с. 193]. Океан разделял «этот» и «иной» миры: за океаном, на западе находились острова вечной молодости и изобилия (в ирландской мифологии *Tír na nÓg* “land of the young/land of youth”, *Tír nam Beo* “land of the living”, *Mag Mell* “plain of delight”, *Emain Ablach* “isle of apples”; в валлийской мифологии *Annwvn* – an “un” + *dwfyn* “world”) и северные острова, населенные фоморами (*Fomhóraigh*), демоническими существами – представителями темных сил [Ellis, 2002, с. 37–42]. Образ «иногo» мира в мифологических текстах часто идеализируется, и для его описания используются положительно коннотированные прилагательные в превосходной степени, усилительные наречия, гиперболы: “...there was the very finest isle that ever was seen from the beginning of the universe to the end of eternity” [Stewart, 1996, p. 92].

Системой координат, согласно которой было устроено государство кельтов, организована их жизнь, служила пентада. Так, в Ирландии отмечают наличие пяти главных дорог как сюжетообразующего топоса, соединяющего все пути, ведущие к холму Тара – месторасположению столицы верховного короля (гэльск. *slighe* “main high road”: *Slighe Midlúachra*, *Slighe Cualaan*, *Slighe Assail*, *Slighe Dala*, *Slighe Mhór*). Со временем разрозненные местные правители утратили власть, и пять дорог, ведущих из небольших королевств к Таре, перестали упоминаться в народной поэзии [Roads, Bridges and Causeways in Ancient Ireland, Электронный ресурс]. Дорога как мифологема не уникальна, образ пути распространен во многих культурных традициях, однако, пять дорог, ведущих в столицу страны, упоминаются только в ирландском фольклоре и не имеют параллелей в других кельтских культурах.

Во многих индоевропейских культурах присутствует символ Древа Жизни, корни которого связаны с хтоническими мирами, ствол – с миром людей, а ветви тянутся к небу. В кельтской культуре нет строгой иерархической структуры, такой как, скандинавское Древо Жизни Иггдрасиль. Кельты воспринимали деревья как нечто более цельное, символ как таковой. Из семян кельтского Древа Жизни (гэльск. *crann bethadh*) выросло пять священных деревьев: дуб *Eó Mugna* “the yew of Bealach Mughna”: несмотря на значение слова еó «тис», согласно легенде, *Eó Mugna* – это могучий дуб; тис *Eó Ruis* “the yew of Rossa”; ясень *Bile Tortan* “the ash tree of Tortu”; ясень *Craeb Daithí* “the Branching Tree of Daithe”; ясень *Craeb Uisnig* “the Branching Tree of Uisneach” [Five Sacred Guardian Trees of Ireland, Электронный ресурс]. Пять священных деревьев изначально принадлежали «иному» миру и появились в «этом» мире из волшебного тумана (гэльск. *céo draoi*) в ночь на праздник уборки урожая Самайн (гэльск. *Samhuinn*), когда становится возможным сообщение между миром людей и потусторонним миром: “...the November feast, when the gates between the living and the dead stood open ...” [Stewart, 1996, p. 129].

Почитание деревьев у кельтов отличалось от германской традиции: у кельтов были храмы и боги, не связанные с деревьями; более того, не всякое дерево или роща носили сакральный характер. С почитаемыми деревьями связываются значимые мифологические события: так, на месте гибели Дидре – красавицы, из-за которой пало королевство Ольстер, возникла роща. Деревья выросли на месте казни возлюбленного Дидре и его братьев, а в центре рощи появилось маленькое озеро из слез Дидре: “...the pool sprung from the tears shed by Deidre for Naise and his brothers...” [Scott, 2013, p. 115]. У озера выросла одинокая ива, ветви которой склоняются к воде, – символ скорби Дидре: “...a willow, its branches drooping in sorrow into the pool – and it grows from the spot where they buried Deidre...” [Ibidem].

Отметим, что в отличие от сказок, события в кельтском мифологическом пространстве часто разворачиваются не в открытых

топосах (поля, луга, дороги), а в закрытых локусах (строения, природные объекты, ограниченные изгородью). Другая особенность – четко обозначенный центр локуса, организующий окружающее пространство. Так, в предании о Там Лин, заколдованном возлюбленном дочери короля Дженет, встречи влюбленных происходят у источника посреди леса, подаренного королем своей дочери. Дженет не видит жениха, но слышит звук его рога, призывающий ее: “...towards the centre of the wood was a bubbling spring where, she knew, someone awaited her” [Stewart, 1996, p. 126].

По представлениям кельтов, мир людей – вещественный и недолговечный, а потусторонний мир существует постоянно, он населен волшебными сущностями, душами умерших предков, персонифицированными природными явлениями. Миры не изолированы друг от друга, человек способен ощущать присутствие волшебных существ: “...the rumbling beneath the earth...was as if the unseen host of riders had travelled south to north, and then east to west...” [Stewart, 1996, p. 129].

Границы, как правило, четко обозначены, их можно пересечь, если у человека есть магические предметы: “...a chariot crafted by the Other Folk and drawn by steeds that are half of this world and half of the Other World” [Scott, 2013, p. 35]. От проникновения волшебных существ в мир людей могут защитить руны, изображенные углем: “He had scratched runes in charcoal...drawing a protective barrier...” [Ibidem, p. 134].

«Этот» и «иной» миры необязательно расположены по вертикали, они могут находиться в одной плоскости, например, мир людей, и мир туатов, племени богини Дану (Tuatha Dé Dannan), – это Земля: “...whilst the De Danann might inhabit the world of Man, they lived in a realm of their own, a Shadowland...” [Ibidem, p. 117]. Иногда герои погружаются в воду, в толще которой располагаются волшебные острова:

“The Isle of Finocure
Rests not on Land
Nor on Sea

But in the Place Between” [Ibidem, p. 47].

Как и на земле, в волшебном мире есть леса, луга и горы: “The grass beneath his feet was cool and dry...he walked uphill...” [Ibidem, p. 49]; “...silver wood, cut from the forests of Tir fo Thuinn, the Land Beneath the Waves” [Ibidem, p. 66].

Строения «иноного» мира напоминают те, что строили кельты: *house, palisade, fort, hillfort, stronghold, tower, palace, cairn*. Они наполнены различными предметами роскоши, недоступными простому человеку, или предметами с магическими свойствами: *jeweled casket, pure white gold, elven craft, chessboard beautiful beyond imagining, velvet, flawless black and white marble, splendid cloak, a cauldron of invigorating mead*.

Чтобы попасть в «иной» мир, необходимо пересечь границу, пройти сквозь портал в тот момент, когда «завеса истончается и люди получают возможность проникать из одного мира в другой» [Monaghan, 2004, p. 385]. Пограничным временем, когда волшебные существа и люди могут перемещаться из мира в мир, П. Монаган называет дни, в которые отмечались два главных кельтских праздника (праздник начала лета Белтейн и уже упоминавшийся нами праздник сбора урожая – Самайн), или часы рассвета и во время тумана [Ibidem, p. 370–371]. Такое время описывается, например, в повествовании о Конле и волшебной деве, являющейся ему на рассвете и увлекающей его за собой: “The sky was lightening towards dawn, but the sun had not yet risen...The voice came from almost directly in front of Conla. ‘I will be your wife in the Land of Youth, and we shall rule together...forever” [Scott, 2013, p. 138].

К наиболее распространенным типам порталов кельтолог П. Монаган относит дольмены, кромлехи – каменные сооружения в виде кругов и укрепленные поселения. Слово *dolmen* в значении “hole of stone” – «каменное сооружение с углублением» предположительно происходит от корнского *tolmen* [Oxford English Dictionary, Электронный ресурс]. Согласно другой версии, основа *taol-*, имеющая бретонское происхождение и означающая

«стол», сочетается с гэльской основой “men” – «камень» [Online Etymology Dictionary, Электронный ресурс]. Как культовое сооружение, предназначенное и для погребальных церемоний, дольмен как нельзя лучше подходит на роль портала между мирами. Аналогичные функции выполняют кромлехи – кольцевые каменные сооружения. Слово *cromlech*, бытующее в Уэльсе, происходит от валлийских основ “crom” (crwm) – «изогнутый» и “llech” – «плоский камень» [Oxford English Dictionary, Электронный ресурс]. В словаре уточняется, что иногда дольмен как погребальное сооружение располагался внутри кромлеха. В качестве еще одного портала выделяется укрепленное сооружение – *hillfort*. На наш взгляд, П. Монаган использует слово *hillfort* как аналог ирландского гэльского “*sídhe*” – «волшебный холм, форт», т.е. холм, под которым обитали волшебные племена, например, племя богини Дану, вынужденное скрываться от людей. Так как основа *hill-* имеет германское происхождение (древнеангл. “*holm*” – «возвышение»; древненорвежск. “*holr*” – «камень», готск. “*hallus*” – «скала»), а основа *-fort* – романское (лат. “*fortis*” – «сильный», старофранц. “*fort*” – «крепость») [Online Etymology Dictionary, Электронный ресурс], более точное значение реалий кельтского фольклора, как мы полагаем, передает лексема *sídhe* наряду с *dolmen* и *cromlech*.

В изученных нами фольклорных текстах лексемы *dolmen*, *cromlech* и *sídhe* для обозначения портала не использовались. В качестве места, позволяющего проникнуть в «иной» мир, может служить дверь в помещении: “...Cathan shut his eyes...and then opened the door and looked into the Garden of the Tuatha De Danann” [Scott, 2013, p. 147]. Своеобразным преображающим порталом может служить дымоход: “...and he carried her off through the smoke-hole of the house...they saw two swans circling round Tara, and the way that they took was the way to the fairy mound of Bri Leith” [Stewart, 1996, p. 35]. Как показывает анализ, во многих случаях портал как таковой отсутствовал, и герои пользовались волшебным транспортным средством (кораблем или колесницей), чтобы пересечь границу между мирами.

В качестве границы между мирами выступает водоем: “...out of the waves rose a longship of white crystal, without sail or oars...Conla turned back to the sea and climbed into the crystal boat – and he never looked back as it set out for the horizon...” [Scott, 2013, p. 142]). Образ воды как пограничной области между мирами вполне объясним. Как справедливо отмечает фольклорист С. Ю. Неклюдов, воде свойственна рубежность: она «очерчивает границы земного ландшафта...причем по ту сторону остается неосвоенное (или недостаточно освоенное) пространство» [Приводится по: Хроменко, 2010, с. 323]. Поскольку материал нашего исследования – это переводы на английский, в текстах нам встречались лексемы *water, sea, spring, pond*, имеющие германское происхождение. Их гэльские (*uisce, muir, tobar, lochán*) [New English-Irish Dictionary, Электронный ресурс] или валлийские (*dwfr, môr, dwr ffynnon, pwell*) [Geiriadur, Электронный ресурс] аналоги встречались только в составе гидронимов. В заключение добавим, что преодоление границы между мирами всегда сопровождается трудностями, например, «иной» мир – остров может быть охвачен огнем: “It is an island and a hoop of fire about it, flaming at either end...there is not one warrior in the great world that will go over the fire...” [Stewart, 1996, p. 90].

Резюмируя итоги проведенного исследования, подчеркнем, что в рассмотренных мифологических фольклорных текстах нашли отражение представления кельтов о дуализме окружающего мира, а также их пантеистические представления; с завидным постоянством сохраняется мотив пересечения границы между «этим» и «иным» мирами, при этом вариативность видов границ и порталов отсутствует.

Список литературы

1. Бондаренко Г. В. Мифология пространства Древней Ирландии. М.: Языки славянской культуры, 2003. 461 с.

2. Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация / Перевод с фр. Г. В. Бондаренко, Ю. Н. Стефанов. Науч. ред. Г. В. Бондаренко. СПб.: Культурная инициатива, 2001. 271 с.
3. Хроменко М. С. Народные представления о модели мироздания // Вестник ЧПГУ. Челябинск: изд-во ЧПГУ, 2010. № 4. С. 321–330.
4. Ellis P. B. Celtic Myths and Legends. NY: Carroll & Graf Publishers, 2002. 629 p.
5. Five Sacred Guardian Trees of Ireland // History of Ireland. [Электронный ресурс]. URL: <https://stairnaheireann.net/2017/01/12/celtic-mythology-five-sacred-guardian-trees-of-ireland/> (дата обращения: 15.08.2019).
6. Geiriadur. Welsh-English / English-Welsh Online Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://geiriadur.uwtsd.ac.uk/index.php?page=ateb&term=water&direction=ew&type=all&whichpart=beginning> (дата обращения: 15.08.2019).
7. Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. New York: Facts on File, Inc., 2004. 529 p.
8. New English-Irish Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.focloir.ie/> (дата обращения: 17.08.2019).
9. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 19.08.2019).
10. Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexico.com/en?search_filter=dictionary (дата обращения: 19.08.2019).
11. Roads, Bridges and Causeways in Ancient Ireland // A Smaller Ancient History of Ancient Ireland. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libraryireland.com/SocialHistoryAncientIreland/III-XXIV-1.php> (дата обращения: 18.08.2019).
12. Scott M. Irish Myths and Legends. London: Sphere Books, 2013. 639 p.
13. Stewart R.J. Celtic Myths, Celtic Legends. London: Blanford, 1996. 161 p.

MODEL OF THE UNIVERSE IN CELTIC FOLKLORE

Victoriya Vladimirovna Oschepkova
Nataliya Vladimirovna Solovyeva
Moscow, Russia

Annotation. The article discusses distinctive features of the model of universe, actualized in Celtic mythological texts. The authors describe the dualism of folk beliefs and the permeability of the border between “this” and “another” worlds; they analyze the language means representing the concepts of “border” and “portal”.

Key words: folk text, myth, worldview, the model of the Celtic universe, border, portal.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМОВ ПОД ДУБЛЯЖ

Перегорода Марина Сергеевна
г. Магадан, Россия

Сычёва Анастасия Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.26

Аннотация. В статье рассматривается такой вид аудиовизуального перевода как дубляж в контексте экстралингвистических аспектов воссоздания оригинальных особенностей кинотекста в переводе. Затрагивается вопрос этапов адаптации художественного фильма с помощью дублирования.

Ключевые слова: киноперевод, аудиовизуальный перевод, дубляж, экстралингвистика, просодика, технические детали дубляжа.

В связи с глобализацией и распространением иностранной кинопродукции в России аудиовизуальный перевод становится одним из приоритетных направлений изучения. Синонимичными определениями термина «аудиовизуальный перевод» являются «киноперевод» и «мультимедийный перевод», которые могут обозначать передачу содержания как кинофильмов, так и рекламных роликов, компьютерных программ, видеоигр, телевизионных программ и театральных выступлений. Также следует упомянуть тот факт, что различные страны придерживаются разных традиций киноперевода: в Дании и Люксембурге принято использовать субтитры, а в России – выполнять дублированный перевод.

Аудиовизуальный перевод не может быть отнесен ни к устному, ни к письменному переводу, поскольку он содержит в себе оба данных вида перевода. Например, примером устного аудиовизуального перевода может послужить речь актеров в звуковом оформлении или закадровый текст, а примером письменного – названия улиц и городов, записки и письма. Его объектом выступает кинотекст, который имеет такие отличительные

признаки, как членимость, связность, проспекция и ретроспекция, антропоцентричность, локальная и темпоральная отнесенность, информативность, системность, целостность (завершенность), модальность, прагматическая направленность [3, с. 71].

Один из видов аудиовизуального перевода – дубляж или дублирование – сформировался как самостоятельное явление сравнительно недавно. Он выступает одним из главных средств ведения межкультурного диалога в XXI веке, а также областью исследования современных переводоведов. Дублированием называют особую технику записи, позволяющую заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога звуковой дорожкой с записью диалога на языке перевода [1, с. 27].

Одна из основных задач дубляжа – это подготовка адекватного кинотекста на языке перевода, который сможет обеспечить синхронность темпа речи и продолжительность звучания реплик персонажей. Синхронизация может быть достигнута благодаря трем видам синхронности [2, с. 11]:

1. Фонетическая синхронность – при данном виде синхронности движения губ актера дубляжа соответствуют не только словам, но и звукам, производимым актером на экране;
2. Семантическая синхронность – основной задачей выделенной синхронности является передача содержания исходной речи персонажа язык перевода;
3. Драматическая синхронность – предполагает то, что дублированные символы будут соотнесены с исходными.

Как известно, при использовании дубляжа, как вида аудиовизуального перевода, иностранная речь актеров заменяется на другой язык для того, чтобы зрители из другой страны, не говорящие на языке перевода, могли понять кинофильм. Для того чтобы донести смысл реплик и их эмоциональную и интонационную наполняемость до зрителя, перевод

синхронизируется с движениями губ актеров, тем самым создается впечатление того, что актер говорит на родном для зрителя языке.

Этапы адаптации художественного фильма посредством дубляжа и их особенности отражены в Таблице 1.

Таблица 1.

Этапы адаптации художественного фильма с помощью дублирования

	Этап	Исполнитель	Комментарий
1.	Перевод кинотекста	Переводчик	Перевод осуществляется с листа, на котором отображены не только реплики персонажей, но и их эмоции.
2.	Подбор исполнителей дубляжа	Режиссер, продюсер	Данный этап не влияет на перевод.
3.	Установление соответствий между текстом и хронометражом фильма	Режиссер, редактор дубляжа	Этот этап очень важен для перевода, так как в течение него кинотекст претерпевает наиболее значительные изменения.
4.	Запись актеров	Актёры, режиссер дубляжа, звукооператор	Данный этап также важен для перевода, хотя в кинотексте не происходят большие изменения. В основном в течение него меняется интонация в соответствии с видением режиссера.
5.	Создание новой звуковой дорожки	Режиссер дубляжа, звукооператор	Этот этап не влияет на перевод.

На основании Таблицы 1 можно сделать вывод, что при дубляже переводчик играет важную, но не решающую роль в создании окончательного варианта перевода кинотекста на язык зрителя. Тем не менее, одной из основных задач кинопереводчика на первом этапе работы является локализация иноязычного и инокультурного кинотекста посредством межъязыковой передачи элементов его лингвистической системы с учетом лингвистических коммуникативных компетенций носителя языка оригинала.

В связи с этим можно отметить, что с точки зрения лингвистики кинопереводчиками используются разнообразные логико – семантические и синтаксические трансформации, большое внимание уделяется переводческой ономастике, переводу реалий и деформации. Кроме этого, экстралингвистические параметры оригинальной звуковой дорожки на третьем, четвертом и пятом этапах дублирования также берутся в расчет в контексте культурной адаптации текста, фоновых знаний о целевой аудитории, специфики воссоздания просодических средств оригинала и технических деталей дубляжа.

Обратимся к требованиям сохранения просодики оригинального кинотекста при дубляже. Итак:

1) интонация реплик персонажей при озвучивании должна соответствовать оригиналу, речь четкая, понятная, благозвучная для зрителей;

2) темп речи должен изменяться в зависимости от содержания высказывания или эмоционального настроя говорящего;

3) логические паузы применяться в необходимых для этого местах, что облегчает восприятие речи на слух;

4) тембр речи специалистов по озвучиванию (как женщин, так и мужчин) должен подходить к героям фильмов. Озвучивание всех персонажей должно быть понятно и приятно на слух зрителям;

5) мелодика речи связана с содержанием кинотекста;

6) громкость голоса зависит от ситуации и других важных обстоятельств. Кинодиалоги озвучены на достаточной громкости, чтобы удовлетворить потребности любого зрителя;

7) ритм при озвучивании соблюдаться верно, периодические вдохи и выдохи не должны мешать пониманию текста, а разбивать речь на речевые такты;

8) необходимо присутствие логического ударения с целью обращения внимания зрителя на выделенные слова в репликах персонажей;

9) дикция должна быть четкой, разборчивой.

Технические детали дубляжа несомненно играют важную роль при озвучивании кинофильмов. Кроме этого, выделяются также некоторые иные особенности техники специалистов по озвучиванию:

- 1) время звучания реплики распределяется согласно тайм – кодам;
- 2) соблюдаются паузы и знаки препинания;
- 3) дыхание, дикция и чистота звуков при записи контролируется специалистами;
- 4) передается психоэмоциональное состояние героев и атмосфера;
- 5) темп речи героев фильмов поддерживается в необходимой степени;
- 6) соблюдается тональность голосов героев;
- 7) реплики начинаются мягко, используются разные виды интонации.

В том случае, если все вышеперечисленные экстралингвистические параметры оригинальной звуковой дорожки соблюдены специалистами по озвучиванию, смысл кинофильмов передается верно и адекватно доводится до зрителя.

Список литературы

1. Горшкова В. Е. Перевод в кино. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 278 с. (а)
2. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: на материале современного французского кино: автореф. дис. доктора филол. наук. – Иркутск, 2006. – 21 с. (б)
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

EXTRALINGUISTIC FEATURES OF TRANSFERING MOVIES

WHILE DUBBING-IN

Marina Sergeevna Peregoroda
Anastasia Valerevna Sycheva
Magadan, Russia

Annotation. The article considers such a type of audiovisual translation as dubbing in the context of extra-linguistic aspects of recreation of the film text in translation. The question of adaptation stages of a feature film with the help of duplication is touched upon.

Key words: film translation, audiovisual translation, dubbing, extralinguistics, prosody, technical details of dubbing.

**ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА «НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО» В
ПЕРЕВОДЕ Э. П. МЕЩЕРСКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК**

Пинковский Виталий Иванович
доктор филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.27

Аннотация. В статье рассматривается перевод оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» на французский язык, выполненный Э. П. Мещерским. Автор исследует удачные черты перевода, а также виды переводческих ошибок и на конкретных примерах демонстрирует последствия их появления в тексте и результат неправильного перевода с точки зрения воздействия на читателя.

Ключевые слова: ода Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского»; перевод Э. П. Мещерского на французский язык; языковая асимметрия как фактор несовпадения оригинала и перевода; влияние национальной психологии на перевод.

Элим Петрович Мещерский (1808-1844) – русский дипломат, переводчик и поэт, писавший в основном по-французски. Князь Мещерский был одним из первых популяризаторов русской поэзии во Франции, А. Мазон назвал его «интеллектуальным атташе» [4, с. 477]. За свою недолгую жизнь Мещерский перевёл стихотворения 47 русских поэтов XVIII-XIX веков, причём не только крупных (Ломоносов, Державин, Пушкин, Баратынский, Лермонтов), но и мало известных современникам и совершенно забытых сейчас [7].

Цель настоящей работы – анализ перевода Э. Мещерским державинской оды «На смерть князя Мещерского» на французский язык. Шедевр русского поэта, в силу внешней простоты, довольно сложен для передачи на другой язык. Этот парадокс объясняется тем, что в стихотворении Державина развивается одна из традиционных для

философской оды тем – неизбежности смерти, которую человек сознаёт, но отказывается с ней мириться, почему каждый уход из жизни представляется внезапным. Эта тематика присутствует уже в античной поэзии (см. у Горация: «...Смерти подвластный, как все мы, Деллий.../ ...Ты беспощадного жертва Орка. / Мы все гонимы в царство подземное. / Вертится урна: рано ли, поздно ли – / Наш жребий выпадет, и вот он – / В вечность изгнания челнок перед нами.» (Пер. А. П. Семёнова-Тян-Шанского) [2, с. 78]. При обращении к комплексу идей, имеющему многовековую историю, накопившему образный арсенал, создавшему свой словарь, повторение каких-то моментов, созданных предшественниками, неизбежно. Очень многих поэтов это повторение порабощает, делает их не более чем эпигонами. Только очень большие таланты способны не поддаться соблазну простого повторения, привнося нечто своё в традиционный материал. Если поэту удалось сохранить свою индивидуальность, это ещё не означает, что она автоматически предстанет в переводе, – вовсе нет: перед переводчиком встанет та же проблема – воспользоваться штампами темы, существующими в принимающем языке, или постараться создать аналоги оригинальных авторских средств и приёмов. Первый путь может дать некое приблизительное представление о содержании подлинника, автора которого переводчик своим ремесленным переложением обесценит. Второй путь рискован: переводимый поэт может оказаться в иноязычной версии даже улучшенным, но может выглядеть и хуже, чем в «штампованном» варианте (штампы делают текст хотя бы понятным, но вот неудачно переданные на другом языке индивидуальные особенности превращают оригинального поэта в *оригинальничайшего*, что не выглядит симпатично никогда).

Прежде всего ответим на вопрос: удалось ли Э. П. Мещерскому передать по-французски смысл стихотворения Г. Р. Державина? Ответ: да. В какой степени удалось сохранить формальные и эстетические свойства текста? Частично. Так, например, переводчик воссоздал «битональность» стихотворения: начиная со строк «Как сон, как сладкая мечта, / Исчезла и

моя уж младость...» одический ораторский тон меняется на собеседнический, напоминающий интонацию дружеского послания. Одические строфы (по 10 строк) Мещерский заменяет в этой части текста на катрены, отчего финальный фрагмент стихотворения приобретает лёгкость, гармонирующую с итоговой примирительной идеей: «Жизнь есть небес мгновенный дар; / Устрой её себе к покою, / И с чистою твоей душою / Благословляй судеб удар.» [3, с. 87] (Во французском варианте: «A quoi bon ces soupirs et ces larmes de fiel? / Plutôt avec la vie / Sois en paix, fête-la comme un hôte du ciel / Qui vers Dieu nous convie» («К чему эти вздохи и горькие слезы? / Лучше с жизнью / Будь в мире, живи празднично, как гость Неба, / Которое призывает нас к Богу»)) [6, p. 65].

Теперь о трудностях подлинника, которые а) переводчик при всём желании не смог бы перенести во французский вариант; б) не сумел преодолеть. Как известно, во французском стихосложении применяется силлабическая система, в русском – силлабо-тоника. Державинская ода написана 4-стопным ямбом; неполным, но единственно возможным аналогом этого размера во французском тексте мог бы быть восьмисложник, с которого и начинается перевод:

Verbe du temps! voix de métal! [6, p. 57]

Эта строка лексически и синтаксически полностью соответствует оригиналу: «Глагол времён! металла звон!» (Перевод с французского здесь и далее наш. – В. П.) Конечно, *la voix* (голос, звук) является более абстрактным существительным, чем «звон», однако звучание металла имплицитно указывает на звонкость. На таком же уровне точности, как в первой строке, перевод не удерживается, восьмисложник перемежается с двенадцатисложником, что создаёт отсутствующее в оригинале ритмическое разнообразие. Это приобретённое во французском варианте свойство небезразлично для эстетического впечатления от произведения: монотонность русского текста гармонирует с простотой его стиля. Логично предположить, что если Мещерский заботился (хотя бы интуитивно) о

гармонии своего перевода, то его текст должен отличаться от русского в сторону большей сложности. По ряду признаков так и есть.

Французская версия почти на 40 % длиннее оригинала (120 строк против 88). Отчасти это объясняется асимметрией языков, на что князь Мещерский не мог повлиять: в переводном тексте значительно больше существительных, чем в оде Державина (189 против 136). Ю. С. Степанов отмечал: «Большая склонность к субстантивации прилагательных наряду с высокой частотностью существительных – характерные черты французской нормы» [5, с. 76].

Важнее другое несоответствие русского и французского текстов: Державин крайне скуп на эпитеты, в его оде слова без эпитетов относятся к словам с эпитетами приблизительно как 4:1, в то время как такое же соотношение в переводе составляет 5:3. Сдержанность русского поэта может объясняться тем, что традиционная тема и её не менее традиционные составляющие не нуждаются в разъясняющих определениях: жизнь, смерть, бездна... Переводчик же стремится уточнить, конкретизировать понятия. В какой-то степени это связано с тем, что «французское слово отличается большей широтой значения» [1, с. 31] и определённости ему придаёт контекст. Однако здесь сужение значения слов как раз и обеспечивается традиционностью контекста темы. (Невозможно предположить, что во Франции не были знакомы с одним из «горацианских мотивов»; в конце концов, римская античность проникала в русскую культуру в значительной мере при посредничестве французской.) В чём же тогда дело? Думается, здесь мы наблюдаем парадоксальную ситуацию, пример влияния национальной психологии на перевод: переводчик, будучи русским человеком, воспринимает образный ряд державинского текста как слишком отвлеченный (что характерно для французских произведений) и начинает его конкретизировать (делать русским), кроме того, многое привнося от себя. Сравним один из самых выразительных фрагментов оригинала и его перевод:

Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.
Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы [3, с. 86].

La bière a remplacé l'estrade des festins,
Là même où des soirs aux matins
La chanson des banquets tournoyait sur son aile
Gémit lugubrement le sourd *De Profundis*;
Et, surgissant sévère à nos yeux interdits,
La pâle mort sur tous a dardé sa prunelle.
Elle contemple tous, et conquerants et rois
Qui ne trouvent jamais ce monde assez immense;
Elle contemple encore les riches, aux cœurs froids,
Qui pour l'or, leur seul Dieu, se prennent de démence.
Elle contemple – ô cruauté! –
La grâce frêle et la beauté,
Elle contemple hélas! la jeunesse sereine,
Elle contemple hélas! l'esprit qui monte aux cîeux,
Elle regarde aussi les fronts audacieux,
Et repasse le fil de sa faux souveraine [6, p. 60-61].

(Гроб появился на месте пиршеств, / Там же, где с вечера до утра / Порхала на крыльях пиршественная песня, / Заунывно стелет глухая погребальная молитва «Из Бездны»; / И, внезапно появляясь перед нашими озадаченными глазами, / Бледная смерть мечет взгляды на всех. / Она смотрит на всех – и на завоевателей, и на королей, / Которые никогда не считают этот мир достаточно большим; / Она смотрит ещё на богачей с холодными сердцами, / Которые безумствуют ради злата, их единственного божества, / Она смотрит – о ужас! – / На хрупкое изящество и красоту, / Она смотрит – увы! – на светлую юность, / Она смотрит – увы! – на разум, устремляющийся к небесам, / Она глядит также на отважных / И точит лезвие своей властвующей над всеми косы.)

Таким образом, Державин предстаёт во французском переводе поэтом многословным, разъясняющим очевидные вещи, излишне эмоциональным (ужасающимся и сетующим). Суровая простота оригинала, скрытая за внешней сдержанностью трагическая мощь не нашли, к сожалению, отражения в переложении Э. П. Мещерского.

Список литературы

1. Веденина Л. Г. Особенности французского языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с.
2. Гораций. Хранить старайся духа спокойствие... // Гораций. Собрание сочинений. СПб.: Биографический институт, 1993. С. 78.
3. Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского // Г.Р. Державин. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 85—87.
4. Мазон А. Князь Элим // Литературное наследство: Русская культура и Франция: Кн. II. Т. 31/32. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 373-490.
5. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 360 с.

6. Derjavinn. A un ami sur la mort du prince Mestscherski (1779) // Les poètes russes traduits en vers français par le prince Elim Mestscherski: 2 vol. T. 1. P: Amyot, 1846. Pp. 57-65.

7. Mademoiselle Teplof. Etoile. Ange et Soleil. // Les poètes russes traduits en vers français par le prince Elim Mestscherski: 2 vol. T. 2. P: Amyot, 1846. Pp. 141-142.

***ODE OF G. R. DERZHAVIN «ON DEATH OF PRINCE
MESHCHERSKY» IN E. P. MESHCHERSKY'S TRANSLATION ON THE
FRENCH LANGUAGE***

Pinkovsky Vitaly Ivanovich
Magadan, Russia

Annotation. In article translation of an ode of G. R. Derzhavin «On death of prince Meshchersky» on the French language is examined. (Translation has executed by E. P. Meshchersky.) The author considers successful features of translation, and also kinds of translational errors and on concrete examples shows consequences of their occurrence in the text and result of wrong translation transfer from the point of view of influence on the reader.

Key words: an ode of G. R. Derzhavin «On death of prince Meshchersky»; E. P. Meshchersky's translation on the French language; language asymmetry as the factor of discrepancy of the original and translation; influence of national psychology on translation.

**ИМЕННЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ ВЕЖЛИВОСТИ
В РЕЧИ ГЕРОЕВ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА
ХАЯО МИЯДЗАКИ**

«千と千尋の神隠し» («УНЕСЕННЫЕ ПРИЗРАКАМИ»)

Полещук Виктория Владимировна

г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.28

Аннотация. Именная и глагольная префиксация в системе категорий вежливости японского языка играет немаловажную роль. В статье рассматриваются примеры применения префиксов вежливости в речи героев анимационного фильма Хаяо Миядзаки «千と千尋の神隠し» («Унесенные призраками»).

Ключевые слова: префиксы, категории вежливости, Хаяо Миядзаки, аниме.

Одним из средств выражения вежливости в японском языке является префиксация, главным образом имен существительных, глагольных форм и конструкций, также имеется префиксация имен прилагательных и наречий. Префиксы употребляются на всех уровнях вежливости как в составе устоявшихся фраз в повседневных ситуациях общения, так и в составе высказываний в ситуациях, требующих проявления особой этикетной вежливости.

Вопросы присоединения префиксов *o-go-* к именам существительным, относящимся к сфере второго-третьего лица и общих закономерностях их применения рассматривает в своих работах Б. П. Лаврентьев [Лаврентьев, с. 337; Алпатов, 2008, с. 65], а о присоединении префиксов *o-go-* к глагольным формам в составе грамматических конструкций гоноратива и депрециатива подробно изложено в работах В. М. Алпатова [Алпатов, 2006; Алпатов, 2008, с. 360] В официальном издании Агентства по делам культуры Японии *Кэйго-но сисин*(敬語の指針) описываются случаи применения данных префиксов в таких видах вежливой речи как *бикаго* (красивая/приукрашенная речь, 美化

語), *кэндзё:го* (скромная речь, 謙讓語) и *сонкэйго* (почтительная речь, 尊敬語) [敬語の指針].

Бикаго является разновидностью нейтрально-вежливой речи *тэйнэйго* (丁寧語) и выражает повышенную степень вежливости посредством использования в речи ряда существительных, имеющих значение «высокой» вещи и распространенных в повседневном обиходе в качестве украшения речи. Имена и производные от них глаголы типа «имя + *суру*» присоединяют вежливый префикс *о-* или *го-*: *о-канэ* «деньги», *о-тя* «чай», *о-ю* «горячая вода», *го-тисо*: «угощение», *о-рё:ри-(симас)* «кухня, блюдо (готовить)» и другие. Эти слова не относятся к сфере «высокого» лица, как например в *кэндзёго* и *сонкэйго*. Составлены списки слов *бикаго*, они насчитывают более 1 700, однако четких правил их применения нет.

Кэндзё:го I выражает высокую степень вежливости к собеседнику или человеку, о котором идет речь, посредством скромных слов (глаголов *укагау*, *мо:сиагэру*, а также имен *о-тэгами*, *го-сэцумэй*) и грамматических конструкций (*о-тодокэ-суру*, *го-аннай-итасу*) в речи о себе, своих действиях, имуществе и окружении. Принижение или скромность своих действий направлена на возвышение человека, принимающего эти действия. В отличие от похожего способа префиксации имён *о-/го-* в *сонкэйго* здесь предмет или действие направлено на уважаемое лицо, как например *о-тэгами* «моё письмо Вам».

Сонкэйго выражает высокую степень вежливости к собеседнику или человеку, о котором идет речь, посредством почтительных слов (глаголов *ирассяру*, *оссяру*, *насару*, *мэсиагару*; имен *о-намаэ*, *го-сюссэки*, *о-тэгами*, и прилагательных *о-исогасии*, *го-риппа*) и грамматических конструкций в речи о 2-3 лице, его действиях, имуществе или окружении. Грамматические конструкции включают префикс *о-/го-*, присоединяемый к глагольной знаменательной основе и заключительными вспомогательными глаголами гоноратива. В отличие от похожего способа префиксации имён *о-/го-* в

кэндзё:го / здесь предмет или действие направлено от уважаемого лица, как например *о-тэгами* «Ваше письмо».

Именная префиксация в речи героев анимационного фильма представлена широко, преимущественно префиксом *о-*. В фильме встречаются примеры местоимений и терминов родства, которые принимают префикс *о-* в качестве словообразовательного элемента. Наличие префикса в этих словах не рассматривается как грамматическое явление, так как эти слова не могут свободно принимать префиксы вежливости [Алпатов, 2006, с.86]. Эти две уникальные системы в японском языке требуют отдельного рассмотрения, поэтому только обозначим эти слова с префиксацией.

В репликах встречается личное местоимение 2-го лица *お前* (*о-маэ*, букв. «почтенный перед»), в состав которого входит префикс, ставший неотъемлемой частью слова и потерявший своё этикетное значение. Приведем ряд примеров с данным словом из фильма: *それなのに お前の親は何だい!* «А твои родители. Ну надо же!»; (Юбаба обращается к Тихиро); *何だい お前 生きてたのかい。* «Вот чудеса. Смотри-ка, живой» (Юбаба обращается к своему ученику Хаку); *お前が代わるかい?* «Хочешь с ней пойти?» (Юбаба говорит Безликому); *お前達 ハクを片付けな。* «Так, избавьтесь от Хаку!» (Юбаба говорит слугам); *お前 これを持ってて何ともなかったかい?* «Пока ты это несла с тобой ничего не случилось?»; *お前はカオナシだね。お前も お座りな。* «А ты, Безликий, что стоишь? Присаживайся» (Дзэниба говорит Тихиро и Безликому); *さ〜と...お前達は何かいいかね。* «Ну, а с вами... Что бы сотворить?» (Дзэниба говорит трем головам); *お前 何も覚えてないのか。* «А ты что совсем ничего не помнишь?»; *おめえ 湯バーバのそこへ連れてってくれねえか。* «Слышь? Отведи-ка ее к Юбабе, а?» (Камадзи говорит Хаку и Рин); *お前 うまくやったなあ。* «Ты просто молодчина» (Рин говорит Тихиро); *人間だ お前 人間くさいぞ。お前 何か隠しておるな。* «Человек, пахнет человеком. Ты

что здесь прячешь?» (Работник говорит Хаку); お前 なぜ笑う? «Что ты смеешься?» (Безликий Бог говорит работнику купальни); お前 病気うつしに来たんだな? «Ты пришла заразить меня?» (Бо говорит Тихиро).

Местоимение чаще всего встречается в речи хозяйки купален Юбабы, её сестры Дзэнибы; работницы купален и наставницы Рин, что согласуется с информацией о том, что «чаще всего так говорят пожилые люди, особенно женщины, малознакомым или незнакомым людям моложе себя» [Алпатов, 2006, с. 123].

В японском языке принято различать слова, называющие родственные отношения в своей и в чужой семье. Для членов чужой семьи используется более вежливая лексика, для членов своей семьи – простая лексика, без этикетного компонента. Однако в фильме такой дифференциации не находим, встречаются только составные слова, содержащие префикс вежливости *o-* и суффикс *-сан*, которые относятся к категории вежливых слов. Рассмотрим примеры обозначения родителей, «чужих» и «своих» в фильме: お父さんとお母さんに会わせてあげる。 «Я тебя отведу к *papa* и *маме*» (Хаку говорит главной героине фильма); お父さんやお母さん いるんでしょう? «У тебя есть *papa*, *мама*?» (Тихиро спрашивает Безликого); こイヤだ 戻ろう お父さん。 «Не надо, поедem назад (*papa*)»; お母さん あの建物うなってるよ。 «*Мама*, ты слышишь? Это здание стонет»; お母さん 何ともないの? «*Мама*, ничего не случилось?» (Тихиро обращается к родителям); ホントは お父さんとお母さんにあげたかったんだけど あげるね。 «Вообще-то я хранила его для *папы* с *мамой*. На, глотай» (Тихиро говорит Безликому); お父さんやお母さんが食べられちゃうかもしれない。 «Или моих папу с мамой зарежут и съедят?» (Тихиро – Дзэнибе).

В фильме встречаются и другие вежливые термины родства: お姉さん – «(чья-то) старшая сестра»; детское обращение к мужчине средних лет おじ

さん – «дяденька»; ласковое обращение к пожилому мужчине おじいさん – «дедушка» и к пожилой женщине おばあちゃん – «бабушка, бабуля».

カマジイさん 私 これ 湯バーバのお姉さんに返して来る。
«Камадзи-сан, я пойду отнесу печать *сестре* Юбабы»; お姉さんのいる所を
教えて。 «Скажите мне, где она живет?» (Тихиро говорит про сестру
хозяйки купален); おじさん これ 湯バーバのお姉さんのハンコなの。 «Я
знаю, Хаку взял эту печать у *сестры* Юбабы»; おじさん! ハク 息してな
い! «Дедушка, Хаку не дышит!» (Тихиро обращается к деду Камадзи); おじ
いさん 千はどこです? «Дедушка, а где Сэн?» (Хаку обращается к
Камадзи); おばあちゃん やっぱり帰る。 «Бабушка, я все-таки пойду»
(Тихиро обращается к Дзэнибе); おばあちゃん ダメ。 ここには お父さ
んもお母さんも いないもん。 «Бабушка Юбаба, тут нет моих папы и
мамы» (Тихиро обращается к Юбабе).

Еще одним примечательным в тематике фильма словом с префиксом вежливости является «гость» – お客様 (9 раз), お客さん (4), お客専門 (1), お客 (1), 客人 (1) и 客 (5), которое представлено несколькими вариантами слова с понижением степени вежливости от первого до последнего. Сфера обслуживания в Японии, как известно, регламентирована строгими правилами вежливого общения с клиентами, поэтому максимально вежливый вариант слова «гость» – *о-кяку-сама* встречается как непосредственное обращение к гостю: お客様 このエレベーターは上へは まいりません。
«Прошу прощения, но этот лифт не идет наверх» (Рин говорит гостю); お客様
千が来ましたよ、 «Дорогой гость, Сэн уже пришла,..» (Юбаба говорит Безликому, полагая, что он один из уважаемых гостей).

Также это слово встречается в разговоре о гостях: お客様の食べ物を豚のように食いちらして! «Как свиньи сожрали угощенья для наших гостей!» (Юбаба говорит Тихиро); во время обслуживания гостя в его

присутствии: 千 お客様の邪魔だ «Сэн, ты мешаешь,..» (Юбаба говорит Тихиро); どけどけ お客様のお通りだ。 «Посторонись, посторонись, наш гость идет» (работник купальни говорит другим).

Вариант *о-кяку-сан* использует в речи Юбаба, указывая Тихиро, когда зловонный гость приходит в ее купальни и девочка, принимая его, не может сдерживать отвращения от неприятного запаха: おやめ お客様に失礼だよ。 «Прекрати, это невежливо (*по отношению к гостю*)». В репликах Тихиро дважды находим такой вариант: そのお客様て…。 «Так ведь это...»; お客様だと思ったから…。 «Так ведь я думала, что это *гость*». Дзэниба говорит Тихиро о прибывшем к ее дому Хаку: お客様だよ。 «Как раз вовремя, к нам явился *гость*».

Вариант *о-кяку(...)* применяют Рин и Юбаба, объясняя Тихиро как работать. Остальные слова *кэбез* префикса относятся к ситуации с Безликим, в которой его упоминают как гостя.

Примеры с именной префиксацией, встречающиеся в речи героев фильма, представляют разновидности приукрашенной речи *бикаго* и детской речи *ё:дзиго*. Среди них есть простые одно-, двух- и трехморфемные слова, словосочетания и отглагольные имена: お花 цветы, お家 дом, お金 деньги, お方 господин, お主 ты, おかげで благодаря.../в тени..., お茶 чай, お礼 благодарность, お腹 живот, ごはん еда, お湯 горячая вода, お座敷 гостиная/банкетный зал, お湯屋 купальни, お風呂 ванна, お仕事 работа, おダンゴ японский пирожок, お大尽様 толстосум/кутила, おねえ様方, お誕生日 день рождения, お別れの花束 прощальный букет, お店の人 продавец/торговец, おしゃべり болтовня, お守り амулет, お帰りの時間 время возвращаться домой. Согласно приведенной в статье Такисимы Масако классификации в *бикаго* принято выделять 1) слова, которые без префикса не используются, потому как теряют свое значение (1.1) или приобретут совершенно другое значение (1.2), и 2) слова, которые

применяются как с префиксом, как и без, при этом некоторые из них общеупотребительны (2.1), а другие определяются гендерной дифференциацией, индивидуальным и ситуативным выбором (2.2)[滝島雅子]. В фильме находим примеры именной префиксации слов всех четырех видов. Относящиеся к двум первым группам (1.1, 1.2) имена с обязательной префиксацией, а также из третьей группы (2.1) слова, получившие широкое применение с префиксами в повседневном обиходе, определяем как разновидность приукрашенной речи *бикаго*. Соотносимые с четвертой группой слова имеют более свободный выбор в применении префиксов. В фильме они характеризуют особенности детской, нежели приукрашенной речи. Употребление префикса вежливости в таком случае приобретает уменьшительно-ласкательный компонент, или компонент «сюсюкания».

1.1. お腹がいっぱいで、寝ているんだよ。《Нет, просто наелись и теперь спят》; ごはんを食べてなかったろう? 《Ты ведь сегодня не ужинала?》 (Хаку говорит Тихиро).

1.2. お守り... みんなで つむいだ糸を編み込んであるからね。《Это твой амулет, мы все вместе спряли нитку и завязали веревочку》 (Дзэниба говорит Тихиро).

2.1. いいわよ そのうち来たら、お金を払えばいいんだから。《Ничего, скоро кто-нибудь подойдет, тогда и заплатим》 (говорит Юко – мать Тихиро);これを引けば お湯が出るやってみな。《Дернешь за эту веревку, пойдет вода, попробуй》 (Рин говорит Тихиро);今 お茶をいれるからね。《Я вам чайку налью》 (Дзэниба говорит гостям).

2.2. お母さん お花しておれてっちやった。《Мама, посмотри, цветы завяли》 (говорит Тихиро); 石のほこら 神様のお家よ。《Часовинки – домики для богов》(говорит Юко – мать Тихиро); お家はどこなの? お家が分からないの? 《Скажи где твой дом? Ты не знаешь где твой дом?》 (Тихиро спрашивает Безликого);バーバは まだお仕事があるの。《У мамочки еще

дела» (Юбаба говорит сыну); 初めてもらった花束がお別れの花束なんて悲しい。 «Первый в жизни букет, и тот на прощание подарили»; お店の人に怒られるよ。 «Пойдемте отсюда, нас ведь будут ругать»; ハク これ 河の神様がくれた おダンゴ。 «Хаку, этот *пирожок* дал мне Хозяин Рек» (Тихиро говорит маме и Хаку); バカな おしゃべりは やめとくれ。 «Нечего *глупости* болтать» (Юбаба) さあ 坊や達 お帰りの時間だよ。 «Ну, что, малыши, вам пора *домой*» (Дзэниба говорит племяннику).

Один пример с именной префиксацией относится к разновидности скромной речи *кэндзёго* и содержит большую этикетную вежливость, чем рассмотренные ранее. これは とんだ ご無礼をいたしました。 «Простите нас, пожалуйста, уважаемый господин» (Анияку говорит гостю). Слово *го-бурэй* переводится как «невежливость, грубость» и выражает направленность данного действия от говорящего к слушающему, в отношении которого и необходимо проявить учтивость. Буквально «мы допустили невежливость по отношению к вам».

Отдельно стоит выделить фразу работника купальни: 右手のお座敷で ございます。 «Банкетный зал направо, господа», которая содержит именной префикс *о-* и связку *-дэ годзаимас*, и связана с подчеркнуто-вежливым отношением к адресату.

Таким образом, именная префиксация в речи персонажей фильма «Унесенные призраками» относится к разновидностям вежливой речи *бикаго* и *кэндзёго*, а также к отдельной разновидности детской речи, и характеризуются признаками «сфера обслуживания», «половозрастные предпочтения».

Глагольная префиксация представлена в репликах героев фильма депрециативными, гоноративными и императивными формами. Под глагольной префиксацией мы понимаем присоединение префикса *о-* ко второй основе глагола в составе грамматических конструкций депрециатива

и гоноратива. Такая глагольная форма рассматривается также как отглагольное имя, как например, в рассмотренных ранее словах *бикаго*.

Депрециативные формы представлены несколькими скромно-вежливыми фразами: *いらっしゃ〜い お待ち* してましたよ。 «Заходите! Мы вас ждали» (говорит работник купальни гостям); *あの 沼の底まで お願* いします。 *あの この人も お願* いします。 «Нам надо до станции “Дно болота”. И на него дайте билет, пожалуйста» (Тихиро говорит проводнику поезда).

Подчеркнуто-вежливая речь в фильме представлена двумя гоноративными формами, в состав которых входит глагольный префикс. Первая форма с показателем *-ни* и вспомогательным глаголом *нару*: *お世話* になりました。 «Спасибо вам большое» (говорит Тихиро); *よく お休* みになりましたか? «Как вам сегодня спалось?» (Дежурный говорит гостю). В последнем примере наряду с аналитической формой гоноратива присутствует синтетическая с суффиксом *-rarэ-*. Такая двойная степень вежливости (二重敬語) считается ошибочной, поэтому фраза показывает излишнее, несколько комичное рвение работника показать свою учтивость. Больше примеров находим с другой формой гоноратива, в которой ко второй основе глагола с префиксом присоединяется адрессивная связка *-дэс* или неадрессивная связка *-да*. Например: *お呼* びですか «Вы звали меня?» (Хаку обращается к Юбабе); *リンと千 湯バーバ様* が *お呼* びだ。 «Рин, Сэн, вас зовет Юбаба» (говорит работник купальни); *お帰* りだ! «Гость отбывает!» (Юбаба говорит работникам); *お客様* が *お待* ちだぞ。 «Гость ждёт!» (работник купальни подгоняет других) и другие фразы.

Императивные формы занимают особое место среди форм японского глагола. В фильме находим большое количество примеров повелительных и запретительных фраз с глагольной префиксацией, которые сводятся в две императивные формы,. Первая форма «префикс *o-* + вторая основа глагола»

относится к простому, относительно грубому повелению, так как не содержит адрессивного компонента, то как правило употребляется по отношению к своим равным и низшим. В фильме встречается с репликах Юбабы к работникам и Тихиро, Дзэнибы к Тихиро и спутникам, Хаку к Тихиро, а также Безликого и Тихиро: **おやめ**«Прекрати»,**窓をお開**け «Открыть окна», **このロープをお使**い! «Вот вам веревка!»,**静かにお**し。 «Тихо вы!», **さあ お座**り。 «Ну, садись»,**よくお聞**き «Слушай меня очень внимательно», **お食**べ «Поешь!»,**言ってご**らん。 «Скажи», **ハク お願**い 食べて。 «Хаку, пожалуйста, съешь его», **お願**い 手を離して。 «Пожалуйста, отпусти меня».

Также находим в фильме две реплики, сочетающие депрециативную и императивную форму. Первую фразу говорит Юбаба своим работникам про пришедшего гостя: **来ちまったものは仕方がない お迎**えしな! «Раз пришел, придется нам его принять!». При этом депрециативная форма показывает скромно-вежливое отношение к гостю, а грубая неадрессивная форма повеления адресована работникам купальни. Другую фразу произносит малыш Бо Тихиро, требуя поиграть с ним: **ここにいて坊とお遊**びしろ。 «Останься и поиграй со мной». Здесь обе формы адресованы одному лицу – Тихиро, одна как скромно-вежливая форма, другая – как простая грубая форма побуждения.

Вторая императивная форма «*o-* + вторая основа + *кудасай*» относится к стандартной вежливой просьбе, содержит адрессивный компонент и употребляется по отношению к высшим чужим, чаще всего в речи персонала сферы обслуживания. В фильме встречается в репликах Рин, работников купальни и самой Юбабы к гостям, а также в просьбе Хаку обращенной к Юбабе: **他をお探**してください。 «Вам *надо ехать* на другом (букв. «*Поищите другой*»)», **お帰**りください **お引**きとってください。 «Возвращайтесь домой!», **ほんのちよ**っと**お待**ちくださいね。 «Подождите еще

секундочку», お待ちください。 «Подождите, подождите». Одна фраза содержит другую форму вспомогательного глагола *-кудасаимасэ*, также связанную с подчеркнуто-вежливым отношением к собеседнику и применяемую работниками сферы обслуживания: へい お戻りくださいませ。 «Да, конечно, как пожелаете. Проходите домой» (работник купальни говорит Хаку, встречая на входе).

Таким образом, глагольная префиксация в речи персонажей фильма «Унесенные призраками» относится к разновидностям вежливой речи *кэндзёго* и *сонкэйго*, а также к отдельной разновидности императива, и характеризуется признаками «сфера обслуживания», «свой-чужой». В фильме содержатся примеры применения как именной, так и глагольной префиксации.

Список литературы

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. / Кн.1. – М.: Наталис, 2008. – 560 с.
2. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. – М.: КомКнига, 2006. – 152 с.
3. Лаврентьев Б. П. Практическая грамматика японского языка. – М.: Живой язык, 1998. – 352 с.
4. 敬語の指針 文化審議会答申2007年 [Электронный ресурс]. URL: http://bunka.go.jp/bunkashingikai/soukai/pdf/keigo_tousin.pdf
5. 語源由来辞典[Электронный ресурс]. URL: <http://gogen-allguide.com>
6. 滝島雅子 放送における美化語の意識調査 – NHK // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nhk.or.jp/research/kotoba/pdf>

NOMINAL AND VERBAL PREFIXES OF POLITENESS IN THE SPEECH OF HEROES ANIMATED FILM HAYAO MIYAZAKI

«千と千尋の神隠し» («*SPIRITED AWAY*»)

Victoria Vladimirovna Poleschuk
Magadan, Russia

Annotation. Nominal and verbal prefixation in the system of politeness of the Japanese language plays an important role. This article is devoted to the analysis of the examples of politeness prefixes in the speech of the characters of the animated film of Hayao Miyazaki "千と千尋の神隠し" ("Spirited Away").

Key words: politeness prefixes, categories of politeness, Hayao Miyazaki, anime.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНЫХ БРЕНДОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Полещук Виктория Владимировна
г. Магадан, Россия

Пахомова Софья Сергеевна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.29

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей перевода названий некоторых известных зарубежных брендов, в частности способов их перевода. Перевод иностранного бренда должен быть понятным, запоминающимся и привлекательным для потребителя. Существует много способов добиться качественного перевода. Названия иностранных брендов, которые мы рассмотрели, были переведены на китайский язык путем транслитерации, адаптации, буквального и бесплатного перевода.

Ключевые слова: бренд, транслитерация, буквальный перевод, адаптация, свободный перевод, комбинированный перевод, китайский язык.

На сегодняшний день Китайская Народная Республика является государством с одной из самых развитых экономик, а также крупным рынком, осуществляющим активный импорт и экспорт разнообразных товаров. Ввоз и реализация иностранной продукции подразумевает некоторые сложности, а именно трудности лингвистического характера. В КНР международные корпорации обязаны иметь китайскую интерпретацию своего названия, которая позволила бы сохранить имидж и узнаваемость бренда.

Согласно Американской ассоциации маркетинга (American Marketing Association), бренд – это «имя, термин, знак, символ или дизайн, или комбинация всего этого, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов». Иными словами, бренд является комплексом потребительских качеств товара вместе с его образом.

Бренд также можно определить как «набор восприятий в воображении потребителя», и как «образные представления, сохраненные в памяти заинтересованных групп, которые выполняют функции идентификации и дифференциации и определяют поведение потребителей при выборе продуктов и услуг», и как «идентифицируемый продукт, сервис, личность или место, созданный таким образом, что потребитель или покупатель воспринимает уникальную добавленную ценность, которая отвечает его потребностям наилучшим образом» [1]. С современных реалиях ситуация на рынке постоянно меняется, однако бренд дает потребителю стабильность и надежность при выборе того или иного продукта среди всего многообразия товаров и услуг.

Наименование бренда является максимально различимым и продолжительным связующим звеном между торговой маркой и потребителем. Точная передача квинтэссенции бренда словом или фразой – задача не из простых. Удачное название должно соответствовать маркетинговой стратегии компании производителя, быть звучным, приятно выглядеть, легко произноситься и запоминаться, создавать необходимые ассоциации, выделяться среди конкурентов.

Перевод бренда также немаловажен, как и его подлинное звучание и написание. Образ того или иного продукта, который известен своим оригинальным названием на внутреннем рынке глубоко внедряется в сознание местных потребителей. Экспорт товара предполагает существенную трансформацию его названия. Для популяризации зарубежной продукции, необходимо осуществить её качественный перевод, интерпретировать звуковой и зрительный образ средствами другого языка. Как отмечают специалисты, хороший перевод будет иметь огромное, хотя и невидимое влияние на сознание потребителя [3].

Таким образом приток на китайский рынок товаров из-за рубежа стал причиной возникновения проблемы трансляции названий брендов. Как бы не были популярны зарубежные бренды по всему миру, если их перевод не

притягателен для потребителя, он может быть с легкостью отвергнут. Трудность трансляции составляют и особенности китайского языка, а именно иероглифическая письменность, отличный от индоевропейских языков фонетический строй и фонемный состав – все это затрудняет интерпретацию наименования бренда посредством иероглифов.

Выбранные и проанализированные нами наименования иноязычных брендов были переведены различными способами, среди них транслитерация, буквальный перевод, адаптация и свободный перевод.

Транслитерация подразумевает точную замену знаков одной письменности соответствующими знаками другой при сохранении фонетической основы слова. Подобный прием используется зачастую для перевода имен собственных, в том числе и наименований различных брендов, которые можно отнести к безыквивалентной лексике. Он также эффективен в случае, если для производителя важна узнаваемость бренда на слух. Довольно часто транслитерация используется при переводе таких наименований, которые не несут какой-либо смысловой нагрузки. Целевой аудиторией торговых марок, переведенных с наименьшей семантизацией, является китайская молодежь, стремящаяся к «европеизации» своего образа жизни. Осознанно приобретая продукт со звучным иноязычным названием, они тем самым вырабатывают свой стиль. Типичным примером использования приема транслитерации является торговая марка быстрого питания MacDonald's 麦当劳 [Màidāngláo]; спортивный бренд Adidas 阿迪达斯 [Ādídásī]; производитель обуви и предметов одежды для занятий спортом Vans 范斯 [Fànsī]; российская автомобильная марка Лада 拉达 [Lādá] и КАМАЗ 卡玛斯 [Kǎmǎsī]; итальянский дом моды Dolce & Gabbana 杜嘉班纳 [Dùjiābānnà]; торговая марка английского чая Lipton 立顿 [Lìdùn]; американский бренд печенья Oreo 奥利奥 [Àoliào]; немецкий автомобильный бренд Audi 奥迪 [Àodí] и др. Полная утрата семантики при переводе наименования бренда приемом транслитерации является и его недостатком,

так как становится невозможно определить какие-либо свойства предлагаемого брендом продукта, а зачастую даже к какой группе товаров он относится.

В этом ключе **буквальный перевод** имеет преимущество, сохраняя смысловую нагрузку оригинального названия, но в тоже время полностью утрачивает фонетическое сходство. Например, британский автомобильный бренд Jaguar в своей китайской интерпретации полностью сохраняет смысл оригинала 美洲豹 [Měizhōubào] – ягуар; российский бренд наручных часов Авиатор – 飞行员 [Fēixíngyuán]; американский бренд по производству компьютеров, телефонов и планшетов Apple 苹果 [Píngguǒ] – яблоко; швейцарский бренд, производящий продукты питания Nestle 雀巢 [Quècháo] – гнездо; российский косметический бренд Чистая линия – 清洁线 [Qīngjié xiàn], а также торговая марка по производству фруктовых соков Добрый – 善良果汁 [Shànliáng guǒzhī]. Очевидным недостатком такого приема перевода из-за отсутствия фонетической схожести с оригиналом является затруднение ассоциирования китайского наименования бренда с его иноязычным названием. В эту группу также можно отнести переводы некоторых японских автомобильных брендов, которые не только сохраняют смысл оригинального названия, но имеют схожее иероглифическое написание. Например, автомобиль Toyota на японском языке имеет название 豊田, где первый иероглиф имеет значение «богатый», а второй – «поле». На китайском рынке этот автомобильный бренд фигурирует под названием 丰田 [Fēngtián], что буквально означает «богатая земля» или «богатое поле». В японском названии автомобилей Nissan 日产, иероглиф 日 означает «день», а знак 産 – рождение. На китайский язык этот бренд переведен как 日产 [Rìchǎn] – «рождение дня». Автомобильная марка Mitsubishi в Японии представлена иероглифами 三菱, что переводится как «три водяных каштана». На китайский язык данный бренд был переведен как 三菱 [Sānlǐng], что в своем значении полностью соответствует оригинальному названию.

Другим приемом перевода иностранных брендов на китайский язык является **адаптация**. Под данным приемом понимается замена специфических средств изложения в оригинале языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в языке перевода [2]. Перевод посредством такого приема создает определенный адаптированный образ продукта на конкретном рынке, обычно не имеющий ничего общего с подлинником. Следствием подобного перевода является полная или частичная утрата семантики и фонетической основы оригинального наименования бренда. Примером использования приема адаптации при переводе является сеть ресторанов PizzaHut 必胜客 [Bìshèngkè], что дословно переводится как «непременно взять верх над гостями». Данный адаптированный перевод предполагает, что предлагаемые брендом продукты питания и сервис обязательно покорят даже самого скептического посетителя.

Пивной бренд Heineken, получивший свое название в честь его основателя Герарда Адриана Хейнекена, на китайском рынке имеет название 喜力 [Xǐlì], что переводится как «сила радости». Косметический бренд Avon, происходит от названия города Стратфорда-на-Эйвоне, родине Уильяма Шекспира, поклонником творчества которого был основатель компании. Китайским покупателям данный бренд известен под названием 雅芳 [Yǎfāng], что переводится как «изящный аромат».

Всеми известный напиток Sprite получил свое название в честь вымышленного персонажа, Малыша Спрайта, который фигурировал в рекламных кампаниях Coca-Cola и был очень популярен среди потребителей. Учитывая, что наименование бренда является именем собственным, то легче всего было бы пойти по пути наименьшего сопротивления и перевести его посредством транслитерации. Однако при переводе данного бренда был удачно использован прием адаптации. На китайском рынке напиток Sprite существует под названием 雪碧 [Xuěbì], что переводится как «снежная яшма». В данном случае слово «снежный» вызывает ассоциацию с прохладой, утолением жажды. Яшма играет ключевую роль в китайской культуре и

ценна до сих пор. Особенно популярны в Китае голубые и зеленые оттенки горной породы. Учитывая тот факт, что упаковка продукта имеет зеленый оттенок, иероглиф со значением «яшма» как нельзя кстати использован в данном адаптированном переводе.

Шоколадный батончик Snickers, производимый американской компанией Mars Incorporated, назван именем любимой лошади Френка Марса, и также, как и предыдущий бренд представляет собой имя собственное. Адаптированный перевод продукта звучит как 士力架 [Shìlìjià], что означает «поддерживать силу воинов». Такой перевод акцентирует внимание покупателя на главном свойстве продукта – быстром утолении голода.

Немецкий автомобильный бренд Volkswagen переведен на китайский язык как 大众汽车 [Dàzhòngqìchē], что в переводе на русский означает «популярная машина» или «машина для широких масс». Подобная интерпретация подчеркивает, что автомобиль данной торговой марки может позволить себе любой человек.

Еще одним приемом, используемым при переводе иностранных брендов, является **свободный перевод**, грамотное использование которого позволяет сохранить фонетическую схожесть с оригинальным названием бренда, его семантику, а также повысить привлекательность продукта посредством добавочного поясняющего компонента с положительным значением. Примером использования свободного перевода является бренд Coca-Cola, интерпретируемый на китайский язык как 可口可乐 [Kěkǒukělè], что дословно переводится как «вкусное веселье». Подобный перевод раскрывает главные свойства продукта, а также настраивает потребителя на позитивный лад. К торговым маркам, переведенным подобным способом также относятся спортивные бренды Nike 耐克 [Nàikè], где иероглиф 耐 означает «стойкий», а иероглиф 克 – «одерживать победу»; Reebok 锐步 [Ruìbù] – «быстрый шаг»; Converse 匡威 [Kuāngwēi] – «удобный престиж»;

бренд картофельных чипсов Lay's 乐事 [Lèshì] – «радостное событие». Сеть ресторанов быстрого обслуживания Subway переведена на китайский язык как 赛百味 [Sàibǎiwèi] – «быть лучше ста вкусов». Таким образом производитель уверяет покупателя в том, что его продукция лучше по сравнению со всеми остальными. Французский бренд по производству одежды, парфюмерии и предметов роскоши Chanel на китайский язык переведен как 香奈儿 [Xiāngnàier] и представляет собой удачную комбинацию иероглифов, первый из которых имеет значение «приятный запах», «аромат». Последующие же иероглифы не несут основной смысловой нагрузки, но задают фонетическую схожесть с оригинальным названием.

Несомненно, свободный перевод является наиболее удачным, так как позволяет международным компаниям сохранить идентичность своего бренда, его узнаваемость, а также создать положительный образ в глазах местных потребителей.

Из выбранных нами 35-ти наименований брендов три представляют собой **комбинированный перевод**. Например, в китайском наименовании спортивного бренда New Balance 新百伦 [Xīnbǎilún], иероглиф 新 в соответствии с оригиналом имеет значение «новый». Последующие два иероглифа не несут смысловой нагрузки, а задают фонетическую схожесть с оригинальным названием. Таким образом слово new (новый) было переведено дословно, а слово balance (баланс) приемом транслитерации. Подобным же образом переведен бренд по производству женского белья Victoria's Secret (секрет Виктории), известный на китайском рынке под названием 维多利亚的秘密 [Wéiduōliyàdemì]. Виктория, имя собственное, переведено посредством транслитерации и частично сохранило фонетическую схожесть с оригиналом, однако слово secret (секрет) было переведено дословно. Российский шоколад Алёнка китайские потребители знают под названием 大头娃娃阿伦卡 [Dàtóu wáwá ālúnkǎ]. 大头娃娃 переводится как «большоголовая кукла», а 阿伦卡 представляет собой

собственно имя Алёнка, переведенное посредством транслитерации. В целом такой перевод можно назвать адаптированным, однако он всё же сохраняет имя знаменитой Алёнки, что помогает потребителям облегчить ассоциирование с российской торговой маркой.

Проведя анализ выбранных нами переводов наименований иноязычных брендов, можно сформулировать вывод о том, что каждый способ перевода имеет свою специфику, свои преимущества и недостатки. Транслитерация позволяет сохранить фонетическую схожесть с оригинальным названием, но не передает его семантику; буквальный перевод сохраняет семантику, но игнорирует фонетическую составляющую оригинального названия бренда; прием адаптации не отражает ни смысл иноязычного бренда, ни его звучание, но создает новое, приспособленное под китайский рынок название бренда; свободный перевод позволяет сохранить и смысловую, и фонетическую составляющую, но является наиболее сложным в исполнении. Применение того или иного способа перевода напрямую зависит от того, какую цель преследует производитель, для какой аудитории предназначен его продукт.

Таблица 1

Оригинальное наименование бренда	Китайская наименование бренда	Транскрипция
Adidas	阿迪达斯	Ādídási
Reebok	锐步	Ruǐbù
Nike	耐克	Nàikè
Converse	匡威	Kuāngwēi
New Balance	新百伦	Xīnbǎilún
Vans	范斯	Fànsī
Gucci	古驰	Gǔchí
Dolce & Gabbana	杜嘉班纳	Dùjiābānnà
Chanel	香奈儿	Xiāngnàier
Victoria's Secret	维多利亚的秘密	Wéiduōliyà de mìmì
Avon	雅芳	Yǎfāng
Чистая линия	清吉线	Qīngjí xiàn
Coca-Cola	可口可乐	Kěkǒukělè

Sprite	雪碧	Xuěbì
Lipton	立顿	Lìdùn
Добрый	善良果汁	Shànliáng guǒzhī
Heineken	喜力	Xǐlì
Lay's	乐事	Lèshì
Oreo	奥利奥	Àoliào
Алёнка	大头娃娃阿伦卡	Dàtóu wáwá ālúnkǎ
Nestle	雀巢	Quècháo
Snickers	士力架	Shìlìjià
Apple	苹果	Píngguǒ
Mitsubishi三菱	三菱	Sānlǐng
Toyota丰田	丰田	Fēngtián
Nissan日产	日产	Rìchǎn
Audi	奥迪	Àodí
Volkswagen	大众汽车	Dàzhòngqìchē
Jaguar	美洲豹	Měizhōubào
Лада	拉达	Lādá
КАМАЗ	卡玛斯	Kǎmǎsī
MacDonald's	麦当劳	Màidāngláo
Subway	赛百味	Sàibǎiwèi
Pizza Hut	必胜客	Bìshèngkè
Авиатор	飞行员	Fēixíngyuán

Список литературы

1. Герман Д. Рождение бренда: практическое руководство. – М.: Гелеос, 2004. – 43 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 127 с.
3. Мизелкина Е.А. Брендинг: Учебн.-практ. пособие. – М.: ИКТ «Дашков и К°», 2008. – 137 с.

WAYS TO TRANSLATE FOREIGN BRANDS INTO CHINESE

Victoria Vladimirovna Poleschuk
Sofya Sergeevna Pakhomova
Magadan, Russia

Annotation. This article is devoted to the analysis of the peculiarities of the translation of the names of some well-known foreign brands, in particular the ways of their translation. Translation of a foreign brand should be understandable, memorable and attractive to the consumer. There are many ways to achieve high-quality translation. The foreign brand names that we reviewed were translated into Chinese by transliteration, adaptation, literal and free translation.

Key words: brand, transliteration, literal translation, adaptation, free translation, combined translation, Chinese.

**ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

Рудомётова Лилия Тарасовна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.30

Аннотация. В статье рассматривается вопрос перевода научных и технических текстов как основное направление учебной деятельности. Дано определение понятию «технический перевод», перечислены и охарактеризованы виды технического перевода, выделены особенности перевода научных текстов.

Ключевые слова: Технический перевод, научные и технические тексты, профессиональная компетентность, владение иностранным языком, тематический словарь, редактирование перевода, учебная деятельность, учебный материал, правила перевода.

Дисциплина «профессиональный иностранный язык» изучается в языковом вузе на втором этапе обучения. Для некоторых специальностей он запланирован на 4 семестр (ПРРМ, ОПИ), а для некоторых специальностей – на 5 семестр (МАР, Г, ПГС, САДиА).

Для студентов изучение данной дисциплины вызывает интерес, в связи с тем, что студенты работают исключительно с текстами профессиональной направленности, с газетными статьями, знакомятся с разного рода деловой документацией и т.д. Одним из основных видов учебной деятельности при обучении дисциплины «профессиональный иностранный язык» выступает перевод текстов. Студенты работают на этом этапе со следующими видами перевода: научно-технический перевод, официально-деловой перевод,

газетный перевод. Целью данной статьи является вопрос этого вида учебной деятельности. Перейдём к раскрытию данной темы.

- 1) полный письменный перевод (является основной формой технического перевода);
- 2) реферативный перевод (разновидность перевода, при котором происходит сжатие основного содержания исходного текста на одном языке средствами переводящего языка);
- 3) аннотационный перевод (вид технического перевода, заключающийся в составлении аннотации оригинала на другом языке);
- 4) перевод заголовков;
- 5) устный технический перевод.

Определимся с основными требованиями к техническому переводу:

- использование унифицированной терминологии;
- соблюдение грамматико-стилистических норм переводного языка;
- соответствие правилам оформления.

Среди особенностей перевода научных и технических текстов можно выделить:

- ведущая роль терминологии и специальной лексики;
- характерные особенности научно-технического стиля: 1) его информативность (содержательность); 2) логичность (строгая последовательность; 3) чёткая связь между основной идеей и деталями); 4) тучность и объективность; 5) ясность и понятность.

Работа с видами перевода при изучении «профессиональный иностранный язык» способствует формированию у студентов профессиональной компетентности, которая пригодится им, как будущим специалистам в профессиональной деятельности. При работе с переводами необходимо предъявлять к студентам следующие профессиональные требования:

- ✓ владение иностранным языком в степени, достаточной для понимания текста оригинала;

- ✓ ориентация и владение различными видами технического перевода;
- ✓ сочетание лингвистического образования и специального технического образования;
- ✓ умение пользоваться разного рода рабочими источниками информации;
- ✓ достаточное знание области техники, к которой относится переводимый текст;
- ✓ достаточное знание области техники, к которой относится переводимый текст.

При обучении техническому переводу необходимо делать акцент на базовое образование будущего специалиста, владение элементарной терминологией из области будущей профессиональной деятельности как цель занятий - последующее наращивание терминологической базы и технических знаний.

При работе с техническими переводами важно сформировать у студентов умение работать с электронными словарями и программами переводчиками, умение редактировать переводы.

При формировании профессиональной компетенции в качестве учебного материала преподавателям следует использовать:

- Англо-русский и русско-английский словари профессиональных терминов.
- Электронные словари и переводчики.
- Учебные тексты для обучения чтению и переводу.
- Тексты для самостоятельной работы над чтением и переводом.

Работая с разного рода словарями при переводе текстов по специальности, студенты научатся правильно выбирать подходящее по смыслу слово из множества предложенных вариантов, получают навык перевода технических текстов, и т.д. Учебные тексты для обучения чтению и переводу как на занятиях, так и в рамках самостоятельной работы помогут

студентам расширить лексический запас, погрузиться в атмосферу выбранной специальности.

При планировании занятий и подбора языкового учебного материала преподавателям нужно помнить, что при формировании иноязычной компетентности учебные материалы должны максимально создавать обстановку будущей профессиональной деятельности. Как показывает практика, многократное повторение одних и тех же либо варьируемых производственных ситуаций будет способствовать достаточно прочному усвоению всей вводимой учебной информации.

Выделим несколько правил, которыми следует руководствоваться преподавателям иностранного языка при работе с такого рода переводами:

1. Русские эквиваленты вводимых иностранных терминов должны соответствовать той терминологии, с которой студенты сталкиваются на занятиях по специальным предметам.

2. Учебный материал должен отбираться тщательным отбором языковых единиц, которые пригодятся обучаемым в их практической деятельности.

3. Тематика текстов должна вводить обучаемого в обстановку его будущей профессии.

4. Студентам следует активизировать и закреплять специализированную лексику и терминологию в различных ситуациях, грамматических структурах, научатся составлять диалоги и монологи по определённому алгоритму.

При изучении дисциплины «профессиональный иностранный язык» и работе с видами перевода, студенты знакомятся с основными правилами переводов в соответствии с руководством И. Шалыт «Методическое и справочное руководство по переводу на русский язык, тематическому редактированию, литературной правке и редакционно-издательскому оформлению инженерно-технической документации». Перечислим основные правила:

- Текст перевода должен быть кратким, четким и не допускать различных толкований.

- Следует применять слова «должен», «следует», «необходимо», «не допускается», «запрещается» и т.д. При изложении других положений применяются слова «могут быть», «как правило», «при необходимости», «в случае» и т.д. Допускается использование повествовательной формы изложения переводимого текста, например «применяют», «указывают» и т.д.

- Оформление перевода должно соответствовать оформлению оригинала.

- В переводах должны применяться научно-технические термины, обозначения и определения, установленные соответствующими стандартами, а при их отсутствии – общепринятые в научно-технической литературе.

- В тексте перевода не допускается:
 - применять обороты разговорной речи, профессионализмы;
 - применять для одного и того же понятия различные научно-технические термины, близкие по смыслу (синонимы), а также иностранные слова и термины если в языке перевода есть аналогичные термины;
 - применять произвольные словообразования;
 - применять сокращения слов, кроме установленных правилами языка перевода, соответствующими государственными стандартами и т.д.

Работая в данном направлении следует помнить, что технический перевод в своем существе очень сложный и трудоемкий процесс. По окончании изучения дисциплины «профессиональный иностранный язык» студенты должны обладать знаниями и умениями для осуществления перевода научно-технического текста: 1) глубоко знать вопросы теории технического перевода; 2) применять на практике знание закономерностей технического перевода; 3) системно нарабатывать собственный терминологический словарь; 4) детально изучать терминологию своей будущей профессиональной области; 5) постоянно совершенствовать свои знания в профессиональной области.

Особенность перевода технических и научных текстов заключается в том, что такие тексты содержат элементы, которые передаются в переводе согласно определённым правилам. Рассмотрим некоторые из таких правил:

- правила перевода названий приборов и устройств, математических формул, единиц измерения и т.д.

- Перевод должен быть полным и адекватным. Полный перевод следует выполнять без пропусков и произвольных сокращений текста оригинала. Адекватный перевод должен точно передавать содержание оригинала, иметь общепринятую в языке перевода терминологию и соответствовать нормам языка научно-технической литературы, на который выполняется перевод.

- При подборе переводных эквивалентов по словарям студенты должны учитывать, к какой области науки и техники относится данный иностранный термин, а также контекст, в котором термин применен. Например: «power» — «мощность» (техн.); «энергия» (физ.); «analysis» — «анализ», но и «теория», «теоретические исследования»; «usefulness» — «полезность», но и «эффективность».

- В переводе необходимо соблюдать единообразие терминов, наименований физических величин, их единиц, условных обозначений, сокращений. Следует давать только один вариант перевода отдельных слов, терминов или выражений.

- В переводе не должно быть неясных формулировок, мешающих правильному восприятию смысла оригинала.

- При построении русской фразы следует учитывать, что не всегда порядок слов иностранного предложения совпадает с порядком слов русского предложения, т.к., например, в русском языке члены предложения, несущие основную информационную нагрузку, располагаются в конце предложения. Следовательно, порядок слов иностранного предложения при переводе часто необходимо перестраивать.

➤ Переводной текст должен соответствовать правилам орфографии, грамматики и нормам словоупотребления языка перевода.

➤ Для описания последовательности действий не допускается использовать попеременно повелительное и изъявительное наклонение.

➤ При переводе научно-технической литературы и документации необходимо учитывать тот факт, что для научно-технических русскоязычных текстов характерна строгость изложения. Это проявляется в строгом соблюдении нейтральности стиля, единообразия терминологии, однозначности описаний и синтаксическом единообразии однородных фрагментов текста.

➤ Во всем тексте перевода следует соблюдать единство терминологии, присущей конкретной области деятельности.

Таким образом, работа с переводами текстов профессиональной направленности является основным направлением учебной деятельности при обучении дисциплины «профессиональный иностранный язык» в неязыковом вузе. Такое обучение способствует достижению положительного результата при формировании профессиональной компетенции будущих специалистов.

Главными принципами такого обучения заключаются в следующем:

- при организации занятий акцент следует делать на обучении через практику, а не через прямую «поставку» знаний;

- следует подбирать учебные материалы с учётом будущей профессиональной деятельности с целью максимального закрепления как специализированной лексики и терминологии, так и общего характера.

Список литературы

1. Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы ВЦП. Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, Москва, 1988. Составитель: И. П. Смирнов. [Электронный ресурс] URL: translation-ethics.ru.

2. Паршина Т. В. О правилах выполнения перевода научно-технической литературы и документации [Текст] // Актуальные вопросы филологических наук: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). — Казань: Бук, 2017. — С. 50-55.

3. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. Союз переводчиков России, Москва 2015. Составитель: Н. Дупленский. Редактор: Е. Масловский [Электронный ресурс] URL: www.translators-union.ru.

4. Справочник переводчика и редактора <http://www.smolperevod.ru>

***TRANSLATION OF TEXTS OF A PROFESSIONAL SPECIFICATION
AS THE MAIN DIRECTION OF ACADEMIC ACTIVITIES
IN TEACHING THE DISCIPLINE
"PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE"
IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY***

Liliya Tarasovna Rudometova
Magadan, Russia

Annotation. The article considers the issue of translation of scientific and technical texts as the main direction of educational activity. The definition of the concept of “technical translation” is given, the types of technical translation are listed and characterized, and the features of the translation of scientific texts are highlighted.

Key words: Technical translation, scientific and technical texts, professional competence, knowledge of a foreign language, thematic dictionary, translation editing, educational activities, educational material, translation rules.

ДВЕ СЛАВЫ

Семенов Алексей Иванович
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия

Дворянова Анастасия Александровна
г. Магадан, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.31

Аннотация. В статье рассматривается один из многочисленных примеров взаимодействия слова и визуального образа. Учитывая особенности языковой ситуации эпохи Петра I, авторы утверждают, что потенциальная множественность образа Славы обусловлена семантикой имени этой аллегорической фигуры. Парное изображение Славы является, вероятно, следствием продолжающегося западноевропейского влияния, предлагающего новые образцы воплощения данного образа, а также следствием развития в русском искусстве этой фигуры в качестве персонажа-спутника.

Ключевые слова: аллегория, парное изображение, Петр I, пьесы школьных театров, Слава.

Одним из следствий западного воздействия на языковую ситуацию петровской эпохи стала лексическая вариативность (одновременное употребление нескольких иностранных и русских слов для обозначения одного и того же понятия). Подобное явление затронуло различные сферы жизни [3]. Например, оно обнаруживается среди наименований кораблей [7].

В культуре петровской эпохи вариативность отражалась на системе образов: многозначные имена становятся «основой» для развития разных персонажей; один образ совмещает в себе несколько иностранных «источников». Покажем, как в «числовом» измерении образа Славы в русской культурно-языковой ситуации XVIII–XIX вв. отразилось сложное взаимодействие разных этапов западного влияния: пережив и усвоив «единичность» образа, русское культурное пространство развило и его «множественность».

На нескольких знаменитых архитектурных шедеврах Санкт-Петербурга и Москвы, прославляющих победы русского оружия, можно обнаружить как парные (множественные), так и единичные изображения Славы.

На барельефах здания Адмиралтейства (Санкт-Петербург) можно видеть интересующие нас парные фигуры: здесь и «Славы, трубящие победу» (над аркой центральной башни), и «Гении Славы, венчающие науки» (фронтон западного фасада), и «Гении Славы, венчающие военные подвиги» (фронтон восточного фасада). Здесь же (центральная арка) не то Славы, не то гении Победы – парные фигуры с перекрещивающимися знаменами [1].

Венчая арку Главного штаба (Санкт-Петербург), две летящие Славы протягивают победителям лавровые венки и пальмовые ветви (над аркой в повозке находится крылатая Ника) [5].

Парное изображение (а также единичные фигуры) Славы есть на барельефах постамента Александровской колонны (Санкт-Петербург). Две крылатые Славы держат транспарант (надпись) “Александрю I благодарная Россия” (барельеф со стороны Зимнего дворца), здесь крылатые аллегии – вечные спутницы Александра I. «Единичные» фигуры Славы можно найти на прочих барельефах, они образуют пары с другими аллегорическими фигурами (Слава и История, Слава и Афина). Влияние интересующего нас образа настолько велико, что даже Афина обретает крылья. [8].

Нарвские триумфальные ворота (Санкт-Петербург) венчает колесница с фигурой, объединяющей признаки и Славы, и Победы, а «по сторонам архивольты арки, в пышных развевающихся одеждах летят крылатые славы» [12].

На Триумфальной арке в Москве «традиционные фигуры трубящих о победе Слав парят в простенках над изгибами арки» [14].

На шатре утраченных Красных ворот (Москва) «красовалась фигура трубящей Славы с пальмовой ветвью» [2].

Подобное «числовое» развитие образности можно объяснить не только стремлением к симметрии, но и, возможно, влиянием языка.

Насколько мы можем судить, первоначально речь шла только об одной «Славе» (ни удвоения, ни «гениев»). Примером служат пьесы школьных театров [11], где Слава представляет собой сложный второстепенный образ, совмещающий в себе признаки самостоятельных и несамостоятельных персонажей. С несамостоятельными персонажами (например, со спутниками главного героя) Славу сближает способность своим присутствием «дополнять» имя героя важными семантическими элементами (сема «славный»). Основная функция Славы в пьесах – восхвалять, повествовать о славе и победе главного героя, она действует преимущественно словом. Этот персонаж появляется обычно в конце или ближе к концу пьесы.

Каким образом развитие множественности образа может быть обусловлено влиянием языка? Имя этой аллегорической фигуры имело несколько латинских аналогов: *fāma* («молва, слух»; «репутация»; «доброе имя, слава»), *glōria* («слава»), *honor* (I «честь»; II «римский бог чести») [4, с. 317, 350, 365]. Гонор в римской мифологии – персонификация почести, служащей наградой за мужество и доблесть [9, т. 1, с. 309]; Фама – персонификация молвы, репутации [9, т. 2, с. 556]. Фама – «базовый» образ для формирования интересующей нас аллегорической фигуры, но не единственный: в ней аккумулируются разнообразные исконные и заимствованные семантические элементы.

Атрибутами Славы являются крылья, две трубы (длинная и короткая), пальмовая ветвь и т. д. [16, с. 512]. Отметим, что в поэзии Слава сохраняет свои «божественные» признаки и сегодня: «Вдали нахмуренных забот / И той волшебницы лукавой, / Которая весь мир вертит, / В *трубунемолчную* гремит, / И – помнится – зовется Славой – / Живу с природной простотой» (А. С. Пушкин, «Послание к Юдину») [6, с. 495].

Предназначение многих пьес школьных театров – пропаганда внутренней и внешней политики Петра I, поэтому Слава здесь исключительно положительный персонаж, и при этом атрибут главного героя, который является аллегорическим изображением царя-реформатора.

Здесь нет необходимости в «неправильном» варианте Славы, другое дело – творчество «оппозиционеров», критически настроенных к Петру. В пьесе «Венец Димитрию» можно видеть два противоположных друг другу образа: Слава Димитриева и Тщеславие Максимианово. В фигуре ложного Тщеславия (в силу антипетровского характера произведения) можно видеть как раз ту самую Славу, которая сопровождала Петра Великого [10, с. 90].

Интересующая нас двойственность (парность) Славы развивается вне антитезы истинного и ложного прославления. Развитие «положительной» парности может быть связано как с внутренней логикой развития персонажа, так и с очередной порцией внешнего влияния.

«Внутренняя логика» – это дальнейшее превращение Славы из самостоятельного персонажа в несамостоятельный. Это могло активно происходить в иных формах искусства (в архитектуре, например).

«Единичность» Славы – прием, который при Петре I усвоен из западной культуры. Связанная с ним панегирическая традиция имела дальнейшее продолжение и развитие. Как отмечает Е. А. Тюхменева, «“Фама с трубою” доминирует на воротах, построенных к коронациям Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны» [15, с. 97].

Возможный след нового внешнего влияния, что способствует развитию парности у интересующего нас образа, встречаем в немецком журнале, который издавал Давид Фассман (1683–1744).

На фронтисписе 86-го выпуска «Разговоров в царстве мертвых» Д. Фассмана «две крылатые Славы возносят медальон с надписью “Petrus Magnus”» [13, с. 296, 301]. Это изображение типологически близко надписи на барельефе Александрийского столпа, но с одним существенным отличием: на рисунке в журнале Фассмана представлена пара разных Слав (фигуры, лица, одежда – все отличается, разве что крылья одинаковые).

Фассман с уважением относился к Петру, но мог и не знать об отдельных особенностях петровской пропаганды. «Единичность» Славы для

Фассмана – это несущественная деталь, которой можно пренебречь для решения своих идеологических и художественных задач.

Можно предположить, что визуально отличающиеся друг от друга Славы, представленные на рисунке Фассмана, – это действительно две разные фигуры, это не совпадающие полностью друг с другом персонификации Славы, «подсказанные», например, существованием различных латинских лексем – *glōria* и *fāma*. Если первоначально различия здесь и существовали, то в дальнейшем (к XIX в.) они были «унифицированы»: утрачены значительные семантические свойства, сохранена лишь «декоративная» парность.

Итак, перед нами один из многочисленных примеров взаимодействия слова и визуального образа, при этом в условиях петровской эпохи потенциальная множественность интересующего нас образа может быть заложена в семантике лексемы «Слава». Вероятно, развитие в русском искусстве Славы как персонажа-спутника и продолжающееся западноевропейское влияние, предлагающее новые образцы художественного воплощения этого персонажа, приводят к появлению парности в изображении Славы. Формируется такой прием, посредством которого реализуется противопоставление «единичности» образа Славы его вариативной «парности» / «множественности».

Список литературы

1. Ангелы (продолжение). Адмиралтейство и гении Славы // Livejournal: сайт. URL : <https://leluan.livejournal.com/25463.html#%2F25463.html> (дата обращения : 25.09.2019).
2. Архитектура Москвы 18 века // mosarchinform.ru : архитектура и строительство. URL :

https://www.mosarchinform.ru/architecture/p2_articleid/12348 (дата обращения : 25.09.2019).

3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Учпедгиз, 1938. 448 с.

4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2002. 846 с.

5. Здание Главного штаба // Википедия. [2019—2019]. Дата обновления: 20.08.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=101713129> (дата обращения : 25.09.2019).

6. Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии : образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в. М.: АСТ и др., 2004. 666 с.

7. Исаева Т. А. Названия кораблей в Петровскую эпоху // Русская речь. 1976. № 4. С. 79–85.

8. Как «прочитать» Александрийскую колонну? // Занимательный Петербург : сайт. URL : <http://petersburglike.ru/2016-10-01/kak-prochitat-aleksandrijskuuyu-kolonnu> (дата обращения : 25.09.2019).

9. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003.

10. Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М. : Наука, 1975. 734 с.

11. Пьесы школьных театров Москвы. М. : Наука, 1974. 584 с.

12. Самин Д. К. 100 великих памятников // Электронная библиотека RuLit : сайт. URL : <https://www.rulit.me/books/100-velikih-pamyatnikov-read-74639-78.html> (дата обращения : 25.09.2019).

13. Скворцова Е. А. Иллюстрации к «Разговору в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II» (Ивана Грозного) Д. Фассмана (1725) как инструмент конструирования представлений о России в Европе // “Slovumne = Словѣне”. 2017. Т. 6. № 2. С. 276–309.

14. Триумфальная арка : презентация // Myshared.ru : сайт. URL : <http://www.myshared.ru/slide/594652> (дата обращения : 25.09.2019).

15. Тюхменева Е. А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. Проблемы панегирического направления. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 328 с.

16. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. А. Майкапара. М. : АСТ; Транзиткнига, 2004. 655 с.

TWO GLORIES

Aleksey Ivanovich Semenov
Anastasiya Aleksandrovna Dvoryanova
Magadan, Russia

Annotation. The article discusses one of the many examples of the interaction of a word and a visual image. Given the peculiarities of the linguistic situation of the era of Peter I, the authors argue that the potential multiplicity of the image of the character Slava is due to the semantics of the name of this allegorical figure. The paired describing of Slava is probably the result of the ongoing Western European influence, offering new examples of the embodiment of this character, as well as the consequence of the development of this figure in Russian art as a satellite character.

Key words: allegory, paired describing, Peter I, plays of school theaters, Slava (Glory).

ДИСКУРС МИНИМАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Скибицкая Людмила Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
г. Брест, Беларусь
DOI: 10.12731/LCT.2019.32

Аннотация. В статье определены тенденции функционирования малых и минимальных прозаических и поэтических форм в белорусской литературе в контексте развития славянских литератур XIX–XXI вв. Дискурс минимализации атрибутирован как коммуникативная технология словесности.

Ключевые слова: минимализация, малая проза, миниатюра, жанр, «поэтика автора», «поэтика жанра», «поэтика читателя», дискурс.

Дискурс минимализации мы понимаем как коммуникативную технологию, которая актуализируется в периоды культурных «сдвигов» в системе словесности и представляет собой комплекс тенденций, обусловленных разными факторами: стремление автора к предельной концентрации письма, как правило, связанное с типом его «жанрового мышления» (А.Н. Андреев); ответ на запрос времени, которое взыскует минимальных форм, отражающих мозаику бытия; эволюционные процессы в природе словесного искусства, в котором происходит смена поэтики.

Трансформация системы жанров словесности в значительной степени зависит от социокультурных факторов. Писатели чутко реагируют на изменение историко-культурной ситуации, связывают ее своеобразие с жанровыми процессами. Так, еще в 1863 году М. Е. Салтыков-Щедрин объяснял активизацию малых форм нарастанием новых тенденций в общественной жизни: «Направление литературы изменилось потому, что изменилось направление самой жизни; произведения литературы утратили свою цельность, потому что в самой жизни нет этой цельности...» [4, с. 14].

Фактором, детерминирующим процессы функционирования литературных жанров, выступает и читательское восприятие. Активизация данного фактора связана с общими парадигмальными изменениями в культуре и художественной словесности как ее части, влиянием дискурса СМИ, взявших сегодня на себя роль и функции литературной критики. Кроме того, постмодернистские открытия создали, по сути, читательский «диктат», на который вынуждены реагировать авторы, предложившие наряду с короткими очень короткие тексты.

Среди признаков порубежной эпохи, непосредственно влияющие на формирование и развитие жанровой системы современной литературы, важными являются такие, как изменение мировоззренческо-эстетических ориентиров, переоценка ценностей, появление новых реалий в духовной жизни нации, пересмотр значения культурно-исторического наследия (отрицание, переосмысление, культивирование и т.п.). Знаковой чертой порубежной эпохи, значительно повлиявшей на характер нынешнего литературного процесса, является определенная хаотичность, которая непосредственно связана с культурно-исторической ситуацией «предела» веков.

При смене культурной парадигмы именно малые жанры доминируют в стремлении авторов познать в художественных образах меняющуюся действительность. Малые прозаические формы (рассказ, новелла) генетически восходят к фольклорной прозе, многочисленным ее формам и структурам. Так, прозаик и литературовед М. Веллер в исследовании «Технология рассказа» подчеркнул, что, в отличие от прочих родов и видов искусства, рассказ исконно присущ человечеству, возникнув «одновременно с речью и являясь не только передачей информации, но и средством общественной памяти» [1].

Поэтому, когда в культуре актуализируется фольклорный «код», на первый план жанровой системы выходят жанры, генетически связанные с поэтикой и эстетикой фольклора: таковы, например, «Шляхтич Завальня, или

Беларусь в фантастических рассказах» Я. Борщевского в белорусской литературе или «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя в русской. Однако на протяжении XIX века малая форма в литературе не имела автономного статуса, а выполняла преимущественно роль «стартовой площадки» для писателя, входящего в литературу. Эту жанровую тенденцию изменил А.П. Чехов, благодаря которому жанр рассказа получил статус «суверенности» не только в русской, но и мировой литературе. Жанрово-эстетические поиски писателя органично «вписались» в порубежное время, когда обновление культурной парадигмы требовало адекватной формы для репрезентации грядущих изменений. Такой формой времени и стал литературный рассказ, жанровый канон которого всегда будет ассоциироваться с именем Антона Чехова.

Белорусская литература, и рассказ в том числе, в начале XX века естественным образом стремилась преодолеть «локальный» характер развития и «включалась» в орбиту мировой литературы, прежде всего через контакты с русской словесностью. Белорусские писатели соотносили свои творческие поиски в малоформатных жанрах с достижениями А.П. Чехова. Так, «следы» творческого влияния русского прозаика обнаруживаются в рассказах Ядвига Ш. («Мілка», «Маленькая аповесць» и др.), раннего М. Горецкого, Якуба Коласа («Соцкі падвёў» и др.).

Период 1920-х годов в белорусской (и русской, и других литературах в том числе) – время расцвета малых прозаических форм. В русле формирования жанров «малой прозы» происходит также становление творческих индивидуальностей авторов, каждый из которых предлагает в своем творчестве особую «модель» малой прозы. Так, с именем М. Богдановича связано становление философски заостренной интеллектуальной тенденции. Образцы лирической прозы представил в своем творчестве З. Бедуля, разработавший жанр импресии (небольшой лирической зарисовки). Лиризация существенно повлияла и на малую прозу К. Чорного, М. Зарецкого, В. Коваля и других, хотя в дальнейшем они

отказываются этой тенденции. Интенсивно развивалось в малоформатных жанрах сатирическое направление (Якуб Колас, К. Чорны, А. Мрый, К. Крапива и др.).

В это же время в украинской прозе активно развиваются жанры эскиза, этюда, акварели, новеллы, рассказа: «Новели» Игната Михайличенко, «Сині етюди» Н. Хвылевого, «Дівчина з шляху», «Червона хустина» Андрия Головка, «Мамутові бивні», «Кров землі» Юрия Яновского и др. Остап Вишня предлагает авторский жанр – «усмішка», который синтезирует жанровые свойства юмористического рассказа и фельетона.

В русскую литературу в 1920-е годы приходит целая плеяда рассказчиков: М. Шолохов, А. Платонов, Б. Зощенко, А. Аверченко, Ю. Олеся и др. Продолжают работать в малых жанрах И. Бунин, И. Шмелев, М. Горький.

На рубеже XIX–XX веков и в первой трети XX в. актуализировался дискурс минимализации, результатом которого стало появление минимальных прозаических форм, хотя и в XIX веке были созданы отдельные образцы подобной прозы. Это, прежде всего знаменитые «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. Аналоги прозаической миниатюры обнаруживаются в творчестве К. Батюшкова, В. Жуковского, «Опытах аллегорий, или иносказательных описаниях, в стихах и прозе» Ф. Глинки, «Трех художниках» Н. Станкевича, «Забытых словах» М. Салтыкова-Щедрина. В начале XX века в русской литературе в жанре миниатюры работают И. Анненский, К. Бальмонт, А. Ремизов, Е. Гуро, В. Кандинский, многие др.

В белорусской литературе начала XX века также представлены, хотя и не столь разнообразно, опыты прозаических миниатюр («абразкі»З. Бедули, импресии Ядвигина Ш., прозаические миниатюры М. Богдановича).

После событий 1917 года минимальные жанры отодвинулись на «задворки» литературного процесса, в то время как в эмигрантской литературе они выходят на первые позиции.

Еще одним историческим событием, активизировавшим малые жанровые формы в литературе, стала Великая Отечественная война. Белорусские, русские, украинские писатели, используя ресурсы малых жанров, стремились отразить как событийный ряд (очерки), так и коллизии трагического времени (рассказ, рассказ-повесть): произведения М. Лынькова, К. Чорного, И. Мележа, И. Шамякина, Янки Брыля, М. Шолохова, А. Платонова, К. Симонова, А. Довженко, П. Тычины, М. Рыльского.

В украинской военной прозе возникли формы, обусловленные «сменой» деятельности писателей, отправившихся на фронт корреспондентами: жанры очерка-репортажа, очерк-портрет, очерк-панорама.

Оживление очерка происходит, когда идет интенсивный процесс «первоначального накопления» фактов и наблюдений, необходимых для широкого художественного синтеза, а также при резких поворотах общественного развития. Таким стал период 1953–1956 годов в советской литературе: очерки В. Овечкина, Г. Тропольского, Е. Дороша, Г. Радова, Л. Иванова обострили социальную проблематику прозы.

Изменения историко-культурной ситуации, общей для советского пространства в 1960-е годы, активизировали в литературе процессы «лиризации». В русской и белорусской литературах в это время обнаруживаются сходные типологические тенденции, и сам процесс взаимодействия приобретает новые формы: не опережение (как это было до «оттепели»), а параллельное формирование близких эстетических явлений.

В целом русская и белорусская лирическая проза представляет сложный нравственно-философский и эстетический феномен. Она демонстрирует качественные «сдвиги» в искусстве слова, изменение координат литературной эволюции. Не случайно именно лирическая проза в советском литературоведении стала предметом дискуссий, в которой приняли участие и авторы, стремившиеся отстаивать право на существование лирической прозы наряду с эпической.

У истоков русской лирической прозы – Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.А. Бунин, др. З. Бедуля, М. Лыньков, Янка Брыль формируют ее в белорусском словесном искусстве.

В 1960-е годы минувшего века на волне «лиризации» в белорусскую литературу приходит новое («филологическое») поколение авторов, которые также репрезентируют преимущественно малую форму. В литературе этого времени одно из ведущих мест принадлежит М. Стрельцову, эстетические искания которого близки русскому писателю Ю. Казакову.

В украинской прозе 1960–1990-х годов также доминирует жанр новеллы, к которому обращаются и известные прозаики Алесь Гончар, Леонид Первомайский, Иван Сенченко, Павло Загребельный, Александр Сизоненко и молодое поколение авторов – Григорий Тютюнник, Валерий Шевчук, Василь Близнац и др.

Рубеж XX–XXI столетий ознаменован интенсивным развитием минимальных жанров, способных запечатлеть мгновения жизни в предельно краткой форме, которая в то же время содержит глубокий обобщающий смысл. Рассказ (традиционная малая форма) также стремится к сокращению: исследователи называют в качестве нового жанрового образования «маленький рассказ». Швейцарский писатель и исследователь П. Мозер вводит понятие «нанотекста» – новой литературной формы, которая синтезирует свойства хайку и новеллы.

Процессы минимализации и порождаемая ими циклизация протекают во всех славянских (и не только) литературах. Так, к жанру лирической миниатюры активно обращался классик белорусской литературы Янка Брыль, опубликовавший более десятка книг миниатюр; успешно работают в малой прозе Янка Сипаков, Г. Марчук, Л. Голубович, О. Ждан и др. Жанр прозаической литературы представлен в творчестве французского писателя Ф. Делерма, латиноамериканского писателя Хорхе Луиса Борхеса, латышского художника Имантса Зиедониса («эпифании»), др.

Важным шагом на пути осмысления данного литературного феномена на постсоветском пространстве стал Фестиваль малой прозы, проведенный 13–15 ноября 1998 года в рамках празднования 180-летнего юбилея Ивана Тургенева. Программа Фестиваля включала, помимо выступлений участников, круглый стол, в ходе которого было высказано немало идей о происхождении и развитии малой прозаической формы в современной литературе. Произведения участников Фестиваля легли в основу антологии «Очень короткие тексты» (2000 г.). Затем, по мере интенсивного расширения круга авторов, возникла потребность в дополнении издания новыми текстами. Так был создан интернет-проект Дмитрия Кузьмина «Современная малая проза» [3], который продолжает пополняться по сей день. О популярности малой прозы и распространении процессов минимализации в других литературах свидетельствует, например, и следующий факт: университет штата Флорида с 1986 года проводит конкурс на лучшую «короткую короткую историю» (shortshortstory), которая должна вмещать не более 250 слов [2].

В современный период в белорусской литературе достаточно востребованы малые и минимальные поэтические формы. Жанры, основанные на принципах минимализации, появились в творчестве целого ряда авторов. Это «адзор’і» К. Камейши, «кроплі» С. Законникова, «бліскавінкі» М. Познякова, «вершаняты» Г. Корженевской, «рагет-вершы» Г. Лободенко, «жарынкi» А. Минкина, «трыленсы» А. Никулина, «гучанкі» А. Гучка, «лагізмы» М. Башуры, «марскія шпількі» А. Тихоновой, «парцэлы» А. Макарцова, «антырымы» А. Хадановича и др. Эти авторские формы находятся в русле традиций лирической миниатюры, приобретают устойчивый литературно-художественный статус, выделяются своей оригинальностью, образностью, лаконичностью, ярко раскрывают индивидуальность писателя. Условием функционирования подобных произведений в белорусской литературе на современном этапе зачастую становятся механизмы аттракции, парадоксальности, нарушения ожиданий

читателя. Часть малых и минимальных лирических форм имеют смеховую природу, тяготеют к использованию категорий комического, использованию принципов эпиграмматического заострения, приемам гротеска и абсурдизации (творчество А. Навроцкого, поэтов Сержа Минкевича, А. Тихоновой, О. Безлепкиной, В. Жибуля, В. Бурлак и др.). Тексты-миниатюры этих авторов в минимальном количестве знаков демонстрируют особенности современной смеховой культуры, где четко проявляет себя тенденция к амбивалентному смеху.

В малых и минимальных лирических формах в белорусской литературе на протяжении XX века также ярко проявляют себя черты интеллектуально-философской поэзии, а также романтической и импрессионистской эстетики и поэтики. Поэты, создавая подобные минимализированные произведения, обращаются к формам лирических медитаций, философско-интеллектуальных размышлений, импрессионистских зарисовок, основанных на драматической, а то и трагической модальности. Особым вариантом таких текстов можно считать обращение белорусских авторов к японским поэтическим моделям танка и хокку (М. Богданович, А. Навроцкий, А. Рязанов, Рыгор Крушина, М. Танк, Р. Бородулин).

Историко- и социокультурный контекст функционирования малых и минимальных форм характеризуется, таким образом, динамизмом, изменчивостью, противоречивостью, с одной стороны; с другой – демонстрирует прочную связь активизации малых и минимальных форм с периодами культурных сдвигов.

Список литературы

1. Веллер М. Технология рассказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/publicism/216589-mihail-veller-tehnologiya-rasskaza.html>. – (дата обращения: 25.09.2019).

2. Дзись Г. С. Прозова мініатюра в контексті світової літературознавчої жанрології (друга половина XX – початок XXI ст.) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://dspace.ltsu.org/bitstream/>. – (дата звернення: 25.09.2019).

3. Современная малая проза: интернет-проект Дмитрия Кузьмина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/shortprose/>. – (дата обращения: 25.09.2019).

4. Шубин Э. А. Современный русский рассказ: вопросы поэтики жанра. Л.: Наука, 1974. 182 с.

***MINIMIZATION DISCOURSE IN MODERN BELARUSIAN
LITERATURE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON***

Liudmila Vasilievna Skibitskaya
Brest, Belarus

Annotation. The article deals with the trends in the functioning of small and minimal prose and poetic forms in Belarusian literature in the context of the development of Slavic literature of the 19th – 21st centuries. The discourse of minimization is attributed as a communicative technology of philology.

Key words: minimization, flash fiction, miniature, genre, «poetics of the author», «poetics of the genre», «reader poetics», discourse.

**КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВА В ВЫРАЖЕНИИ
ПОЗИЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»**

Склейнис Галина Альфредовна
доктор филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.33

Аннотация. В данной работе делается попытка показать, как контекстуальный (сам характер высказывания, смысл которого раскрывается в контексте) и лексический уровень речевой характеристики героев-нигилистов, идейных самоубийц позволяет понять их скрытые желания, выявить за демонстрационным желанием «заявить своеволие» религиозные сомнения и жажду жизни – залог духовного возрождения.

Ключевые слова: сквозной мотив «будет ли все равно?»; вопрошание; нарочитое косноязычие; гамлетовский вопрос; метафора вечной жизни.

Исследование Ф. М. Достоевским феномена нигилизма и психологии нигилиста закономерно определило интерес писателя к теме, не нашедшей отражения в антинигилистическом романе, – теме самоубийства. Почему эта тема не привлекла внимания писателей антинигилистического лагеря? Причина, на наш взгляд, кроется прежде всего в концепции характера героя-нигилиста, который либо лишен драматизма и целен в своей самодовольной ограниченности и ничтожности (Полояров в «Двух силах» Вс. Крестовского, например), либо фанатически предан идее и целен в своем стремлении к разрушению (Свитка и Бейгуш у того же Вс. Крестовского). В первом случае он показан сатирически и почти исключительно «извне». Во втором случае нигилист может предстать в трагическом ореоле и быть показанным «изнутри». Однако и тогда душевная трагедия нигилиста не имеет онтологического смысла.

Нигилисты же Достоевского наделены, как правило, расколотым сознанием и влекомы «последними» вопросами бытия, среди которых далеко не последнее место занимает вопрос о бессмертии души.

Проблемы, встающие перед его героями, Ф. М. Достоевский считал знаменем времени. Он видел глубокую закономерность в том, что Россию на рубеже 60-70-х годов, в кризисную, переломную эпоху, характеризующуюся потерей нравственных ориентиров, захлестнула волна самоубийств. В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год, в главе «Голословные утверждения», Достоевский высказывает «одно из самых ужасных опасений за будущее России», суть которого состоит в том, что «в слишком уж большой части интеллигентного слоя русского... все более и более...укореняется совершенное неверие в свою душу и в ее бессмертие» [1, XXIV, с. 47. Далее ссылки на произведения Ф. М. Достоевского даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте работы]. А «без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо» [1, XXIV, с. 46].

И. Паперно, посвятившая феномену самоубийства большое монографическое исследование, пишет: «...в романах Достоевского самоубийство – это ответ на вопрос о бессмертии души, когда он решается в рамках учения материалистов» [2, с. 161].

Атеисты-самоубийцы бунтуют против несовершенства земного существования в самых разных его проявлениях: против бренности собственной жизни, как Ипполит в «Идиоте»; против несправедливости мироустройства, как Крафт в «Подростке»; против всеобщего неверия и собственной потребности верить, как Кириллов в «Бесах», атеизм которого «порожден исступленной любовью к Богу и отчаянием богооставленности» [2, с. 430].

Интерес к теме идейного самоубийства отчасти объясняется, на наш взгляд, и автобиографическими причинами. Говоря об автобиографичности темы самоубийства, мы имеем в виду только то, что она является оборотной, изнаночной стороной темы жажды жизни, сыгравшей такую исключительную роль в судьбе и художественном творчестве Ф. М. Достоевского. Решение покончить с собой стало в послекаторжной

романистике писателя устойчивым знаком духовного омертвения, а любовь к жизни – залогом возможности нравственного возрождения. Автор «великого пятикнижия», глубочайший знаток человеческой природы, был, кроме того, прекрасно знаком на собственном опыте с теми интеллектуальными, психологическими и нравственными ловушками, в которые попадает человек, взбунтовавшийся против Творца.

Идейные самоубийцы Ф. М. Достоевского обычно выстраивают изощренную казуистику, систему аргументов, мотивирующих их решение покончить с собой. Однако **художественная задача** писателя заключается не только в том, чтобы развенчать несостоятельность этой мнимо «беспорной» аргументации. Гораздо важнее, на наш взгляд, то, что в страстном отрицании этими героями Бога писатель прозревает **потребность веры**, и в этом смысле подход Ф. М. Достоевского к психологии самоубийцы глубоко диалектичен.

В ходе дальнейшего анализа мы пытаемся аргументировать данное утверждение на примере одного сквозного мотива, который определяем как мотив «будет ли все равно?». По нашему убеждению, увидеть за уверенностью религиозные сомнения героев позволяет **контекстуальный** (сам характер высказывания, смысл которого раскрывается только в контексте) и **лексический** уровень речевой характеристики героя.

Главный герой «Бесов», Николай Ставрогин,- гордый демон, попуститель и вдохновитель безбожных идей. Если другой мнимый самоубийца, Ипполит Терентьев в «Подростке» – много переживший, то Ставрогин – много совершивший и действительно уставший жить. Кому, как не Ставрогину, должен принадлежать утвердительный ответ на вопрос «будет ли все равно?».

На первый взгляд, он и дает такой ответ. В разговоре с Кирилловым этот потенциальный самоубийца признается (в момент, когда мысль о самоубийстве как единственном исходе жизненного пути еще не овладела героем окончательно): «...я иногда сам представляю... если бы сделать злодейство или, главное, стыд... так что запомнят люди на тысячу лет... и

вдруг мысль: «Один удар в висок, и ничего не будет». Какое дело тогда до людей и что они будут плевать тысячу лет, *не так ли?*» [1, X, с. 187. Курсив здесь и далее наш].

Форма этого утверждения удивительно напоминает слова Ипполита (Ср.: «...да черт ли мне...что они скажут! *Не правда ли?* Пускай их потом говорят, *так ли*, князь? И какое нам всем до того дело, что будет потом!» [1, VIII, с. 318.]). В обоих случаях хочется обратить внимание на отсутствие категоризма, на долю сомнения, заключенную в этой вопросительной частице «ли».

Продолжая развивать свою мысль, Ставрогин проводит аналогию между смертью и возвращением с луны: "...вы здесь и смотрите на луну отсюда: какое вам дело здесь до всего того, что вы там наделали и что тамошние будут плевать на вас тысячу лет, *не правда ли?*" [1, X, с. 187].

Второе высказывание двойственно уже не только по форме ("не правда ли?"), но и по содержанию. В словах "вы здесь и смотрите на луну отсюда" мы предполагаем метафору вечной жизни, а в неуверенности героя – гамлетовский вопрос:

Второе высказывание двойственно уже не только по форме ("не правда ли?"), но и по содержанию. В словах "вы здесь и смотрите на луну отсюда" мы предполагаем метафору вечной жизни, а в неуверенности героя – гамлетовский вопрос:

For in that sleep of death what dreams may come,
When we have shuffled off this mortal coil... [3, с. 688]

Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум... [4, с.194]

(Перевод М. Лозинского).

Утверждение «Мне будет безразлично» в контексте разговора оборачивается сомнением: «А будет ли безразлично?»

Таким образом, даже в душе гордого, демонического Николая Ставрогина, ответственного за страшные преступления и стоящего на пороге новых злодеяний (молчаливая санкция на убийство Лебядкиных), обрекшего себя на духовное и физическое самоистребление (и совершившего в финале это самоистребление), Достоевский находит неосознанную потребность веры и передает ее с помощью вопросительной частицы «ли», а также в самом характере высказывания: если герой задается вопросом, какое ему дело до мнения людей, то это мнение герою безразлично...

В этой связи хотелось бы прокомментировать еще одну вариацию данного мотива в «Бесах», связанную с судьбой идейного самоубийцы Кириллова. Он решает покончить с собой, чтобы преодолеть страх смерти, заявить тем самым свою волю Богу и самому стать человекобогом: «Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет» [1, X, с. 94]. Вопрос о том, «будет ли все равно», Кирилловым не ставится; на приведенные выше размышления Ставрогина о луне он отвечает уклончиво: «Не знаю...я на луне не был» [1, X, с.187]. Однако согласие взять на себя преступление «наших» и уйти из жизни с грузом посмертного признания в несовершенном злодеянии свидетельствует о его равнодушии к тому, что будут думать о нем оставшиеся в живых. Казалось бы, свидетельствует. На самом деле мы убеждены, что это мнимое равнодушие, и попытаемся аргументировать свою точку зрения.

Прежде всего, необходимо отметить «подпольное» ерничанье, намеренное косноязычие Кириллова при составлении предсмертной записки, которое следует понимать как проявление зависимости от людского мнения, но проявление своеобразное, так сказать, «от противного»: «Я хочу сверху рожу с высунутым языком... Я еще изругать хочу тоном, тоном!.. Я хочу изругать...» и пр. [1, X, с. 472-473].

В лице Кириллова мы вновь имеем дело с сомневающимся атеистом, которого, по его собственному признанию, «всю жизнь Бог мучил» [1, X, с. 94]. Это накладывает отпечаток на отношение героя и к оставляемому миру

живых, и к факту собственной насильственной смерти. За желанием эпатировать будущих читателей записки кроются бравада и отчаяние, за навязчивой идеей победить страх смерти – страстная любовь к жизни и отвращение к небытию.

Писатель акцентирует оба этих мотива. Предваряя размышления Ивана Карамазова о символе жизни – «клейких зеленых листочках» – Кириллов произносит гимн зеленому листу: «Когда мне было десять лет, я зимой закрывал глаза нарочно и представлял лист зеленый, яркий с жилками, и солнце блестит. Я открывал глаза и не верил, потому что очень хорошо, и опять закрывал... Лист хорош. Все хорошо» [1, X, с. 188].

Характерны лексическая простота, незамысловатость высказывания Кириллова, беспомощность, за которой чувствуется искренность. Есть такой психологический феномен: чем сильнее, ярче, мучительнее выражаемые чувства, тем труднее их передать (напомним, что невыразимость самых искренних чувств мучила многих писателей и поэтов: В. А. Жуковского, А. Фета, Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого).

От признания в любви к Божьему миру и каждой Божьей твари («Видите, паук ползет по стене, я смотрю и благодарен ему за то, что ползет» – 1, X, с. 189) следующий и закономерный шаг – признание в любви к его Творцу. Но происходит какое-то логическое недоразумение, просчет в казуистике Кириллова, чудовищная подмена – и место Бога он отводит себе. Не случайно Ставрогин «бьется об заклад», что в следующий его приход Кириллов уверует в Бога [1, X, с. 189]. Знаменательно и то, что Верховенский-младший, пришедший продиктовать Кириллову предсмертную записку и убедиться в том, что самоубийство произошло, с каждой минутой все меньше верит в возможность самоубийства и прозревает истинную причину этого: «Свинство в том, что он в Бога верует пуще, чем поп...» [1, X, с. 474]. При чтении последней сцены несколько раз возникает ощущение, что еще мгновение – и Кириллов опомнится; говоря словами

Петра Степановича, «если сейчас, так, пожалуй, и выстрелит, а начнет думать – ничего не будет» [1, X, с. 474].

Однако эксперимент Кириллова завел его слишком далеко, он, как и другие герои-идеологи, осужден на испытание своей человекобожеской идеи. С ним рядом бес Верховенский, который заставит довести «пробу» до конца. Но сам характер «пробы»: гротескно-безобразная, надрывная, мучительная сцена насилия над собой, сцена самоубийства, совершенного человеком, изо всех сил цепляющимся за жизнь, – свидетельствует о крушении идеи Кириллова, человека, обреченного не успеть сделать последний шаг на пути обретения Бога...

Знаменитые слова Ф. М. Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время». У Достоевского, «великого антрополога» (Н. Бердяев), есть множество путей, приемов, форм проникновения в противоречивую человеческую природу, развенчания тайных мыслей, постыдных желаний. И не последнюю роль в них играют лексические возможности слова. Мы привели в пример только частные и наиболее очевидные из них. Дальнейшее исследование может эти примеры многократно умножить.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука., 1972-1988.
2. Паперно, И. Н. Самоубийство как культурный институт. – М.: Новое лит. обозрение, 1990. – 256 с.
3. Shakespeare, W. Hamlet, prince of Denmark // The Complete Works of William Shakespeare. – Hertfordshire: Wordsworth Edition, 1994. – Pp. 670-713.
4. Шекспир, В. Комедии, хроники, трагедии, сонеты: В 2 ч. – М.: Просвещение, 1996.

***CONTEXTUAL POSSIBILITIES OF THE WORD IN EXPRESSING
THE POSITION OF THE HEROES OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
"BESY"***

Galina Alfredovna Skleynis
Magadan, Russia

Annotation. The article attempts to show how the contextual (the very nature of the statement, the meaning of which is revealed in the context) and lexical level of speech characteristics of heroes-nihilists, ideological suicides allows us to understand their hidden desires, to reveal behind the demonstrative desire to "declare self-will" religious doubts and thirst for life-the key to spiritual revival.

Key words: end-to-end motif "will it matter?"; questioning; deliberate tongue-tied; hamlet's question; metaphor of eternal life.

**ЯЗЫК И СИМВОЛ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ:
«ТУРБУЛЕНТНОСТЬ» СМЫСЛОВ**

Соловьев Александр Васильевич
доктор философских наук, доцент
г. Рязань, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.34

Аннотация. Статья посвящена процессам функционирования языка и символа в информационную эпоху. В статье анализируются языковые и символические аспекты культуры информационного общества, и делается вывод, что современный человек живет в ситуации смысловой «турбулентности»: постоянного изменения языковых и символических форм, информационной перегрузки и меняющихся режимов тотальной коммуникации.

Ключевые слова: информационная эпоха, информационное общество, постинформационное общество, знак, символ, язык.

Четвертая информационная революция, начавшаяся во второй половине XX века и ознаменовавшая собой наступление информационной эпохи, оказала огромное влияние не только на язык, как одну из основных форм культурного бытия и фиксации культурных форм, но и на то, как человек относится к классическим формам словесности, как изменяется процесс чтения и коммуникации, какие изменения происходят в литературном процессе, и как эти процессы отражаются в повседневности. Очевидно, что общество, которое стало обозначаться как «общество риска», «турбулентное общество», «общество неопределенности», переживает и переломный момент в сфере языка и коммуникации. Как указывает У. Эко, в какой-то момент показалось, что эра галактики Гуттенберга закончилась и началась эра изображений: «Все стали теленеграмотными – пока не появился компьютер, снова перевернувший положение вещей: чтобы им пользоваться,

нужно уметь читать, и очень быстро» [5, 194]. А. Зиновьев в своей антиутопии «Глобальный человек» не разделяет оптимизма Эко и следующим образом описывает литературное творчество информационной эпохи: «К компьютерному искусству ошибочно подходить со старыми эстетическими критериями. Это – явление качественно иной природы. Нет никакого секрета в том, как оно делается. Его технология разъясняется в специальных пособиях. При желании любой может овладеть ею. Ты сам видел, как делаются картины и скульптуры. Аналогично делаются и литературные произведения. Автор или группа авторов делают схематичное описание персонажей, видов природы, зданий, квартир, магазинов, учреждений и т.д., короче говоря - того, что должно фигурировать в книге. Компьютеру дается задание «оживить» это по определенным образцам и описаниям. Творческая работа авторов сводится к построению схемы событий и поступков героев, в которую включаются персонажи из компьютерного склада. Автор, например, дает задание компьютеру построить описание сцены, в которой герой попадает в лапы гангстеров. Компьютер из имеющихся элементов должен скомбинировать сцену, какой еще не было в других книгах. И он делает это в какие-то минуты. Такие компьютерные книги делаются бесконечными сериями» [1, 266]. Приведенная цитата отражает современную ситуацию компьютерной технологизации не просто рутинных практик повседневной культуры, но и технологизации творческой деятельности, что кардинальным образом изменяет не только субъекта этой деятельности, его статус, но и статус продукта творческой деятельности, его содержание и смысл.

Но если мы и не говорим о книгах, «написанных» компьютером, тексты, создаваемые человеком в сетевой форме, также привели к активным изменениям привычных форм словесности. Например, блоги, ставшие одной из ведущих культурных форм информационного общества, породили массовые словоформирующие игры, в том числе с корнем «блог»: «блогбастер», «блогонадежный», «блогонравный» и т.д. Блогосфера и

виртуальные сообщества (социальные сети) являются несомненными лидерами техно-коммуникации. В блогосфере, наряду с коммуникацией в рамках «традиционных» языков идет активное словотворчество, связанное с новой, постоянно изменяющейся культурной средой информационного общества, создаются новые термины, описывающие новую социокультурную реальность.

Количество блогов, исчисляемое миллиардами, вносит свой вклад в так называемую информационную перегрузку (information overload), которая является одной из характеристик информационного общества, затрагивает все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности, включая, не в последнюю очередь, и сферу языка, как одну из ведущих систем символизации окружающего мира. Говоря о логосфере информационного общества, необходимо учитывать, что ее возрастающее внутреннее давление приводит к нескольким последствиям: 1) ее дальнейшему расширению и стремлению к созданию единого и бесконечного «гипертекста», 2) попыткам снизить давление, путем отказа от больших словесных (литературных) форм (романов, повестей и даже рассказов) или путем конструирования «супертекста», после создания которого все другие тексты перестанут существовать, 3) постоянной репликации и комментировании уже существующих текстов, 4) революционному словотворчеству, которое пытается описать новую информационную реальность в новых, ранее не существовавших терминах. Информационная и «шумовая» перегрузка современного человека сделала уже обыденными тексты следующего содержания: «Где stuff? Почему так? Да от обилия информации. Её слишком много. Мои ровесники сами признаются, что если предыдущее поколение обладает энциклопедическими знаниями по всем сферам жизни, то новое жёстко фильтрует информацию - её объём чрезмерен. Узнал - использовал - забыл. Тотальное деление на "свой-чужой", "герой - тряпка", "секс-символ - лох". Без этого упрощения просто не совладать с информационным потоком» [8]. В условиях информационной перенасыщенности филолог М.Н. Эпштейн

призывает отпустить читателя на волю, ограничить себя минимумом слов [6, 71]. Одними из самых лаконичных «текстов» культуры информационного общества сегодня являются «облака тэгов» - навигационных маркеров вебсайтов, блогов, аккаунтов социальных сетей: именно их читает наибольшее количество пользователей сети, и можно говорить о возникновении «языка тэгов» [9].

В колоссальном потоке текстов/образов люди, пытаясь адаптироваться к его скорости, теряют способность анализировать, отделять шум от информации, факты от вымысла. Постоянные попытки успеть перебегающие постоянными «опозданиями» рожают ощущение «недозировки» или «передозировки» истории по выражению Д. Коупленда [2, 14]. Здесь необходимо упомянуть еще один важный культурный эффект: огромное количество противоречивой информации из разных источников приводит к тому, что адресаты не воспринимают информацию как достоверную и поэтому зачастую просто игнорируют ее. Хотя, согласно определению У. Эко, информация должна служить мерой возможности выбора [4, 53]. Но когда количество выборов стремится к бесконечности в условиях тотальной коммуникации, ценность информации начинает стремиться к нулю. Информационный взрыв символов, по мнению Ф. Вебстера, привел некоторых авторов к заявлениям о смерти знака [10, 20]. Современный человек, «бомбардируемый» знаками, формируемый знаками, не способный укрыться от знаков, в результате переживает смысловой коллапс. Знаки, воспринимаемые творческой, сознательной и рефлексивной аудиторией, встречаются скептицизмом и сомнением и, следовательно, легко инвертируются, реинтерпретируются и отклоняются от своего изначально предполагаемого значения. По мере того, как приобретение людьми знаний через первичный опыт снижается, все более становится очевидным, что знаки уже не являются прямыми репрезентациями чего-то или кого-то [10, 20].

Этот парадокс культуры информационного общества уже подвергается философскому осмыслению. В. В. Савчук использует термины «постинформационное состояние общества», «постинформационная ситуация», которые отражают не «отключение» информации как таковой, не тотальную депривацию человека, но какое-то иное ее качество [3]. При такой постановке проблемы постинформационное общество рассматривается как альтернатива информационному, основанному на массовом потреблении информации, в котором человек поражен неизлечимой «информационной болезнью», лишаящей информацию смысла, сопереживания и чувства.

С семиологической точки зрения современное информационное пространство и, особенно, электронное информационное пространство, несмотря на свою мозаичность и разнообразие, продолжает сохранять свою американо-английскую доминанту в силу своего происхождения. Это касается не только английского языка как первичной символической основы, например, киберпространства, но и невербальных символов (образов), которые тиражируются и адаптируются другими национальными культурами с разной степенью успеха. В этом процессе формирования информационного пространства как символического целого можно выделить следующие универсалии, способствующие эффективной коммуникации «членов информационного общества»:

- использование общих графических символов (семитиконов, эмотиконов, смайликов, клипарта, гифок и т.д.);
- формирование универсальной терминологии и сленга (аватар, мыло, черви, троянские кони, эпидемия, атаки, флэйм, флуд и т.д.) [7];
- использование стандартных темплейтов (моделей, структур) при создании вебстраниц или блогов в Интернете, которые символизируют принадлежность к какой-либо группе или сообществу и/или выражают идентичность владельца.

Эмотиконы – символы, получаемые с помощью клавиатуры, например « :) » (я шучу) или « :(» (я грущу), стали неотъемлемой важной частью

глобальной культуры информационного общества и, в свою очередь, вносят свой вклад в изменение механизмов ежедневной коммуникации. По мнению У. Эко, беседуя лицом к лицу можно понять «глазами», если что-то говорится не всерьез, а письма обычно пишутся людям, которые хорошо понимают адресанта; благодаря же электронной почте люди часто вступают в контакт с незнакомцами, порою принадлежащими к культуре, где чувство юмора может отличаться от их собственной [5, 207]. Таким образом, в электронной коммуникации эмодзи могут играть двоякую роль (затруднить или облегчить коммуникацию), но, несомненно, являются элементом ситуации смысловой «турбулентности».

Одним из важных ограничений на пути формирования информационного общества как понятийного и символического целого является то, что современные компьютерные системы обмена и обработки информации в каждой стране во многом сформированы с помощью программного обеспечения, которое несет в себе определенные культурные и, в том числе, языковые и символические особенности отдельной страны. Официальные (государственные) языки стран могут требовать различных версий программного обеспечения с различными возможностями и особенностями. Кроме того, важнейшая составляющая культурного слоя языка - идиомы и разговорные выражения - могут оказывать серьезное влияние на практики найма на работу, а также эффективность деловой коммуникации. В связи с этим дальнейшее исследование языковых и символических аспектов культуры информационного общества приобретает серьезное значение, особенно в условиях цифровой «вневременности» и дискретности на границах киберпространства и реальности, когда цепочка «восприятие - переживание - представление - формирование знаков - знаковое выражение» практически не подвергается осмысленному анализу по причине значительного превышения пороговых величин восприятия человеческого мозга. В этом смысле можно метафорически заключить, что современный человек живет в ситуации смысловой «турбулентности»:

тексты и символы сменяют друг друга с высокой скоростью, многократно реплицируются, трансформируются, образуя замкнутый цикл, стремясь к минималистской стандартизации, диктуемой законами высоких электронных технологий. Ситуация смысловой «турбулентности» характеризуется постоянным изменением языковых и символических форм, информационной перегрузкой и изменяющимися режимами тотальной коммуникации.

Список литературы

1. Зиновьев А.А. Глобальный человек. - М.: Эксмо, 2003.
2. Коупленд Д. Поколение X. - М.: АСТ, 2003.
3. Савчук В.В. Конверсия искусства. - СПб.: Петрополис, 2001.
4. Эко У. Отсутствующая структура. - СПб., 2004.
5. Эко У. Картонки Минервы. - Санкт-Петербург: Симпозиум, 2008.
6. Эпштейн М.Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. - М.: Новое литературное обозрение, 2004.
7. Dickson, P. Slang. A Topical Dictionary of Americanisms. New York, 2006.
8. Living Is Easy With Eyes Closed. URL: <http://tafintsev.livejournal.com/1015.html>.
9. Simons, J. Tag-elese or The Language of Tags. URL: http://journal.fibreculture.org/issue12/issue12_simons.html.
10. Webster, F. Theories of the Information Society. London: Routledge, 2006.

LANGUAGE AND SYMBOL IN THE INFORMATION AGE: “TURBULENCE” OF MEANINGS

Alexander Vasilievich Soloviev
Ryazan, Russia

Annotation. The article is focused on processes of language and symbol functioning in the information age. The author analyzes linguistic and symbolic aspects of information society culture and concludes that the modern human lives in a situation of semantic “turbulence”: continuous change of linguistic and symbolic forms, information overload and changing modes of total communication.

Key words: information age, information society, post-information society, sign, symbol, language.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ УРОКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Сущик Анастасия Андреевна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.35

Аннотация. В статье кратко сформулированы проблемы преподавания китайского языка детям младшего школьного возраста. Изложены характерные особенности данной возрастной группы детей и проблемы, связанные с восприятием учащимися китайского языка. Также кратко охарактеризованы методы, которыми может пользоваться учитель для подготовки и организации уроков. Приведены примеры нетрадиционных уроков, опробованных автором статьи. Представлены некоторые итоги и даны рекомендации учителям, основанные на наблюдениях за детьми в процессе проведения уроков.

Ключевые слова: китайский язык в начальной школе, игровые методики, нетрадиционный урок, уроки китайского языка, из опыта работы.

В настоящее время обучение иностранным языкам рассматривается с позиции коммуникативной деятельности, умения общаться. Ученик получает возможность пользоваться языком в его коммуникативной функции, прежде всего на уроке, поэтому внимание методистов и учителей направлено на поиск резервов для совершенствования урока, на повышение его эффективности.

Одной из проблем изучения китайского языка в начальной школе является мотивация учащихся. В начале у детей, как правило, большое желание изучать язык. Они в этом усматривают что-то «приключенческое», возможность проникнуть в незнакомый мир. Но как только начинается процесс овладения китайским языком, отношение учащихся меняется, так как начинается стадия преодоления трудностей, что снижает стремление к обучению. Изучение китайского языка требует от изучающего большой

концентрации внимания, образное мышление, хорошо развитую зрительную память и усидчивость.

Так как речь идет об учениках начальной школы, то необходимо заметить, что для данной возрастной группы (7 - 10 лет) характерны проявления неустойчивости внимания, подвижности и эмоциональности. У детей начальной школы внимание более устойчиво на выполнении внешних, а не умственных действий. Поэтому учителю на уроках китайского языка необходимо использовать как можно больше наглядных пособий, заданий, связанных с решением задач. То есть перед учеником ставится понятная и привлекательная для него цель, выполняя которую он выполняет и то учебное действие, которое планирует педагог.

Подвижность, характерная для ребенка младшего школьного возраста, часто осложняет ход урока. Ребенок, испытывая естественную потребность в движении, не умеет длительное время сохранять одну и ту же позу, заниматься одним и тем же делом. Для решения данной проблемы урок китайского языка делится по времени на 3 части (20 + 10 + 10 минут). Как правило, первая часть урока - классическая. Это может быть и объяснение нового материала, и опрос, и повторение. Затем следует сменить род деятельности. Хорошо работает игровой прием. Желательно, чтобы игра была подвижной, но при этом тоже направлена на изучение китайского языка. Заключительная часть урока возвращает детей за парты. Это время рефлексии - повторения пройденного материала и подведения итогов.

Китайский язык кажется ученикам необыкновенным. Поднебесная полна древних тайн и необъяснимых явлений. Ребята с удовольствием готовы слушать легенды и истории Китая. Для сохранения дисциплины на уроке, вводится самостоятельная работа по пройденному материалу (прописи иероглифов, новых выражений и т.д.), что позволяет учащимся проявить свои способности. Система, по которой делится урок китайского языка на три части, позволяет переключать внимание учеников с одного вида

деятельности на другой, обеспечивая при этом более эффективное овладение материалом.

Творческий подход к построению урока позволяет учителю сконцентрировать внимание учащихся на разных этапах урока. Чем же характеризуется нетрадиционный урок? Это урок, который не относится ни к одной из известных классификаций, ему присуща большая вариативность структуры, он основан на творчестве, импровизации, на взаимодействии ученика и учителя - при их увлеченности совместной творческой деятельностью. Нетрадиционный урок также основан на том, что ученик есть не только объект, но и субъект учебной деятельности. По своему назначению такие уроки могут быть и уроками изучения нового, и уроками повторения, и обобщающими, и уроками комбинированного типа.

Нетрадиционные уроки китайского языка в начальной школе дают возможность:

1. повысить интерес учащихся к учебному материалу;
2. повысить познавательную активность и творческую самостоятельность;
3. воспитать умение работать в коллективе;
4. установить правила поведения на уроке;
5. работать с учащимися с разным уровнем подготовки.

При подготовке и проведении урока учитель должен учитывать следующее:

- 1) возраст учащихся (возрастные особенности данной группы учащихся);
- 2) виды игровой деятельности должны быть организованы на основе изученного материала, они не должны напоминать контрольную работу или экзамен;
- 3) планирование и проведение уроков должно способствовать успешному овладению учебного материала, а также решать конкретные цели и задачи:

а) улучшить произношение (овладение тонами китайского языка и характерными особенностями произношения);

б) содействовать формированию умений и навыков чтения транскрипции китайского языка (pinyin), а также иероглифического письма;

в) повысить уровень практического овладения грамматическим материалом;

г) расширить лексический запас учащихся и автоматизировать их умение использовать его в речи;

д) воспитать навыки аудирования у учащихся и т. п.

Параллельно с каждой из названных решаются воспитательные задачи: пробудить интерес к китайскому языку, сформировать потребность в его изучении и практическом применении знаний, умений и навыков, расширить кругозор, обогатить духовный мир школьников.

Нетрадиционные формы уроков, используемые для изучения китайского языка в начальной школе:

- 1) урок творчества;
- 2) урок-спектакль;
- 3) урок-проект;
- 4) дидактические сказки;
- 5) урок исправления ошибок;
- 6) урок-викторина;
- 7) урок без учителя;
- 8) урок-фантазия;
- 9) урок-игра;
- 10) урок-путешествие.

Рассмотрим некоторые формы нетрадиционного урока.

Урок творчества «Зоопарк».

Игровая задача: учащиеся выполняют какую-то творческую работу, которая в дальнейшем может служить материалом для другой формы урока.

Педагогическая задача: запоминание новой лексики по теме «Животные»; отработка речевых конструкций по теме, согласно программе.

Содержание занятия: учитель в начале урока сообщает ученикам, что необходимо создать зоопарк. Для этого понадобится пластилин (можно использовать глину, а в дальнейшем раскрасить животных). Оговариваются животные, которые будут жить в зоопарке. Каждый ученик выбирает животное, которое он будет лепить. Во время лепки ребята должны запомнить, как по-китайски называется животное, которое они лепят. Для лучшего запоминания учитель постоянно обращается к ребятам с вопросами:

— *Что ты делаешь? 你做什么?*

— *Я леплю животных. 我塑动物。*

— *Кого ты лепишь? 你塑谁?*

— *Я леплю зайца (змею, мышь и т. п.) 我塑兔子 (蛇, 老鼠)。*

Если лексический запас позволяет, можно расширить диалог:

— *Какого зайца ты лепишь? 你塑什么兔?*

— *Я леплю маленького белого зайца. 我塑小白的兔子。*

— *Что любит есть твоя кошка? 你的猫喜欢吃什么?*

— *Моя кошка любит есть рыбу. 我的猫喜欢吃鱼。*

Ученики могут сами задавать друг другу вопросы.

Наш зоопарк готов. Он нужен нам для следующего урока – урока-спектакля.

Урок-спектакль.

Игровая задача: исполнение детьми определенного сюжета. Сценарий служит лишь канвой для импровизации.

Педагогическая задача: закрепление уже пройденного материала. Здесь работает принцип деятельности. Освоение учениками знаний, умений, навыков, преимущественно в форме деятельности.

Содержание занятия: экскурсия по зоопарку. Каждый ученик должен побывать в роли гида. Можно использовать два способа ведения экскурсии. Первый способ: учащийся рассказывает про животных, заменяя слова, которые знает, китайскими.

Ученики должны придумывать текст сами, стараясь использовать как можно больше слов на китайском языке.

Второй способ: всю экскурсию ребенок ведет на китайском языке. В этом случае текст экскурсии намного проще, задача учащегося – построить предложения только на китайском языке. На доске выписываются устойчивые конструкции, чтобы ученик мог ориентироваться

Урок-проект.

Игровая задача: ученики могут задавать вопросы по интересующему их материалу, это уроки по культуре Китая.

Педагогическая задача: расширить рамки знаний о стране, язык которой учат дети. Это вариант установления дисциплины на уроке.

Содержание занятия: занятия могут проводиться в разной форме:

- 1) ученики заранее готовят вопросы по определенной теме, и на уроке учитель отвечает на вопросы;
- 2) ученики готовят доклады по определенным темам, учитель уточняет и поясняет непонятные моменты;
- 3) просмотр видео- и фотоматериалов по культуре Китая, обсуждение увиденного.

Дидактические сказки.

Игровая задача: учащиеся объединяются в группы, сочиняют сказки на заданную тему и затем рассказывают их одноклассникам, заменяя знакомую лексику китайскими словами и оборотами.

Педагогическая задача: закрепляется новая лексика; такой урок может служить вариантом контроля знаний; если сказка заранее подготовлена, то от учеников требуется знание слов по теме.

На таких уроках работает принцип открытости. Не только давать знания, но и показать их границы. Сталкивать ученика с проблемами, решение которых лежит за пределами изучаемого курса: ученики наглядно видят, что им нужно еще многое выучить, чтобы говорить по-китайски. Это мотивирует учащихся к овладению новыми знаниями и желанию выучить как можно больше, чтобы заменить как можно больше слов в тексте.

Урок без учителя.

Игровая задача: ученики делятся на пары по уровню успеваемости (сильный / слабый). Ученик, который лучше усвоил материал, помогает однокласснику. На уроке учитель занимает позицию наблюдателя и координирует действия учеников.

Педагогическая задача: используется для заучивания материала в короткие сроки, помогает в работе с детьми с разным уровнем подготовки.

Содержание занятия: заучивание текстов песен, стихов, сценок, перевод предложений, закрепление грамматики, запоминание иероглифов.

Урок-фантазия.

Игровая задача: ученикам предлагается фантастический сюжет, в котором они должны, выполняя определенные задания, достигать фантастическую цель.

Педагогическая задача: контрольный опрос по лексике.

Содержание занятия «Далекое путешествие». Ребятам предлагается сюжет, в котором им нужно представить себя путешественниками. На доску крепится изображение чемодана для карточек. У детей есть мешок с карточками, на которых изображены, согласно программе, предметы, овощи, фрукты и т. п. Необходимо называть по-китайски слова, изображенные на картинке, и дополнять чемодан. Когда чемодан будет заполнен, то учащиеся подводят итоги путешествия.

Можно предлагать другой сюжет.

Урок-игра (подвижные игры: соревнования / физкультминутки; настольные игры).

Игровая задача: подвижные игры включают в себя игры-соревнования и игры-физкультминутки.

Содержание занятия «Эстафета». Игра для заучивания и повторения новых слов и иероглифов. Ученики делятся на команды. Команды выстраиваются в шеренгу по одному. У каждой команды свой стол с карточками, на которых написаны иероглифы (слова и выражения). Учитель называет слово, участник команды бежит, ищет нужное слово. Выбранные карточки складываются возле учителя, для проверки.

По окончании эстафеты подводятся итоги и закрепляются слова и выражения, в которых были допущены ошибки. В зависимости от учебной задачи, можно любую игру адаптировать для изучения или закрепления материала.

Для заучивания новых слов и речевых оборотов используются настольные игры: лото, домино, игры-пазлы.

Урок-путешествие.

Педагогическая задача: проверка пройденного материала на уроках китайского языка.

Задачи игры:

- 1) закрепить пройденный материал;
- 2) способствовать сотрудничеству учеников и общению со сверстниками (работа в команде);
- 3) научить работать по правилам, установленным учителем;
- 4) помочь учителю определить наличие трудностей у детей в освоении материала.

Содержание занятия. Игра «Сокровища китайского императора» рассчитана на участие нескольких команд. Оптимальное количество игроков в команде от 4 до 6.

Игра начинается с рассказа учителя легенды, истории и демонстрации карты, по которой можно найти заветные сокровища.

Легенда должна заинтересовать учащихся и послужить стимулом для прохождения испытаний. Учащимся выдается карта, на которой отмечены задания, которые ребята должны пройти и получить ключ от сундука с сокровищами.

Чем младше дети, тем активнее должен быть педагог на всех этапах игры. Но постоянно нужно менять свою позицию, на время уходя в тень, чтобы могла формироваться самостоятельность детей и не подавлялась их активность.

На таких уроках работает принцип обратной связи. Учитель на уроке отслеживает настроение учеников, степень их заинтересованности, уровень понимания. Коллективное участие детей в учебном процессе создает бодрое настроение, придает весомую ценность тому, чем дети овладели и с чем познакомились на занятиях. Ученики чувствуют гордость за свои достижения, а ощущение удачи поддерживает хороший эмоциональный фон, необходимый в любой интеллектуальной деятельности.

Важный момент в нетрадиционных формах уроков занимает подведение итогов. Необходимо совместно с учащимися обсуждать победы и огорчения, что получилось, а что вызвало наибольшие трудности. Постоянно возвращать учащихся к тому, что любая игра на уроке – это учебный процесс, а выполнение правил игры предполагает соблюдение дисциплины на уроке. С помощью правил педагог управляет игрой, процессами познавательной деятельности, поведением детей.

В процессе проведения нетрадиционных форм уроков обнаруживается степень усвоения пройденного материала у каждого ученика. Совершая ошибки, ученики помогают педагогу проанализировать, какой материал или раздел усвоен хуже, а какой лучше, на что необходимо обратить внимание.

Таким образом, нетрадиционные формы обучения китайскому языку позволяют создать благоприятный психологический климат на уроке для общения и речевого партнерства между учителем и учащимися, а также мотивировать школьников на дальнейшее обучение языку.

***ALTERNATIVE FORMS OF TEACHING CHINESE TO YOUNG
SCHOOLCHILDREN***

Anastasia Andreevna Sushchik
Magadan, Russia

Annotation. The article is devoted to the alternative forms of teaching Chinese to young schoolchildren. The work deals with extraordinary approaches to teaching subjects, the principles of interaction between the teacher and the pupil during the lesson. The purpose of the article is to describe several forms of training that can be used in foreign language learning. Much attention is given to the cultural intercourse during the lessons in the Chinese language and extracurricular courses. In conclusion, it is stressed that the attitude to teaching Chinese to young schoolchildren should be based on alternative forms. The work is of interest for narrow circle of readers and experts working in the given branch.

Key words: approach, method of learning, alternative lesson, activity, technology, effective.

К ВОПРОСУ

О ТИПОЛОГИИ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Филиппова Ирина Николаевна
доктор филологических наук, доцент
г. Москва, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.36

Аннотация. Авторская типология интерсемиотических трансформаций при интралингвистической экранизации произведения литературы основана эмпирически на тексте пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич» и фильме «Иван Васильевич меняет профессию». Сопоставительный анализ выявляет трансформации различных компонентов содержания (реалий, внешних и личностных характеристик персонажей, жанровых особенностей) и различной степени (трансформации и деформации).

Ключевые слова: интерсемиотический перевод, трансмутация, реалия, хронотоп, жанр, типология

Массовое распространение кино как вида искусства и развитие кинопроизводства в самостоятельную сферу индустрии создает необходимость научного исследования этой области развлечения, досуга, творчества и т.п. Вопросы создания фильмов и сериалов на основе произведений художественной литературы, долгое время остававшиеся на периферии научной мысли, в последние десятилетия выдвинулись на передний план лингвистики и переводоведения [Беседин 2016, 2017; Лотман, 1973; Максименко, 2016; Нелюбин, Хухуни, 2006; Слышкин, Ефремова, 2004]. Активизации в этой области научного поиска способствуют не только вышеозначенные экстралингвистические факторы, но и лингвистический интерес к теме интерсемиотического перевода. При этом многие аспекты этой актуальной проблемы пока не получили широкого освещения в специальной литературе. Так, не выявлены на нынешний момент границы интерсемиотических трансформаций (превращающие трансформации в

деформации), нет строгой и упорядоченной терминосистемы данной сферы, нет общепринятых критериев оценки качества трансмутации и т.д.

В настоящей статье мы ограничимся только интралингвистическим переводом при трансмутации, опираясь на родную русскоязычную лингвокультуру. При этом в центре внимания для нас вопрос возможности построения типологии [Чайковский, 1999, с. 43] интерсемиотических трансформаций.

В качестве рабочей гипотезы мы используем идею о наличии некоторого соответствия между переводческими (т.е. межъязыковыми) трансформациями и интерсемиотическими (т.е. интралингвистическими) в связи с общепризнанной дефиницией трансмутации как особого вида перевода [Нелюбин, 2011, с. 107, 228; Якобсон, 1978, с. 18]. Переход от одного языка к другому и от одной системы коммуникации к другой обладают многими сходными чертами и, соответственно, приемы трансформации также должны иметь сходства: при общности онтологической сущности изучаемых объектов методы их изучения и типологизации должны в значительной степени обладать чертами тождества и симметрии.

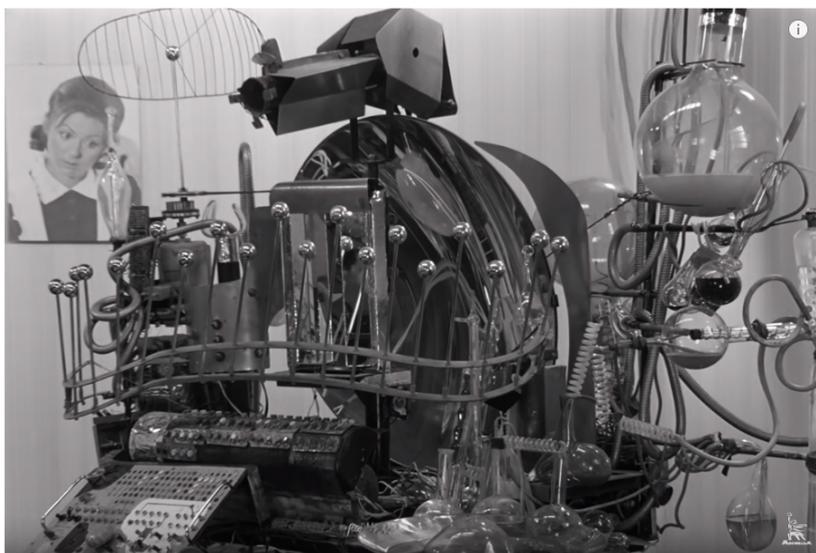
Методологической основой нашего исследования служит сопоставительный анализ (так же, как в работе с межъязыковым переводом). Эмпирическую базу составляют текст пьесы М. А. Булгакова «Иван Васильевич» (1935 г.) [Булгаков, 2009] и «кинотекст» – фильм «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.) [Иван Васильевич..., 2016, эл. ресурс]. Пьеса как отличная от романа, повести, рассказа форма литературы создает особую специфику интерсемиотического перевода, т.к. позволяет дистанцироваться от некоторых достаточно подробно изученных аспектов: нулевая передача части вербальной информации видеорядом, создание аудиоряда и спецэффектов и т.п.

Верифицируя опытным путем представленную гипотезу, мы должны, однако, принимать во внимание многочисленность и нетождественность

типологий собственно переводческих трансформаций. Это обстоятельство, а также работа с двумя семиотическими системами (языка и кино), детерминирует обращение к принципам семиотики и разделение интерсемиотических трансформаций на семантические (в отношениях между знаком и означаемым), синтаксические (в отношениях между знаками) и прагматические (в отношениях между знаками и интерпретатором). Опыт лингвистических классификаций интрасемиотических межъязыковых трансформаций представляется полезным для выявления трансформаций на формальном уровне. Таким образом, объединяя исследовательские парадигмы лингвистики и семиотики, мы предлагаем дифференцировать следующие группы интерсемиотических трансформаций: 1) формальные; 2) семантические; 3) синтаксические; 4) прагматические.

1. Формальными трансформациями в ходе экранизации произведения художественной литературы можно считать изменения кода и формальных элементов.

1.1. Под изменением семиотического кода понимаются замены вербального описания места действия и внешности персонажей в тексте на соответствующие фрагменты видеоряда. Так, описание Московской квартиры (*«Комната Тимофеева, рядом – комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому, радиоприемник, над которым работает Тимофеев. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет»* [Булгаков, 2009, с. 497]) заменено несколькими кадрами продолжительностью около 2 минут.

1.2. Изменения презентационных составляющих книги (форзаца, авантитула, контритула, фронтисписа) на таковые же фильма (вступительная заставка, титры) определены входом в иную семиотическую систему и появлением новых участников коммуникации (создателей фильма, актеров, членов съемочной группы).

В обеих подгруппах происходит изменение формы: в первой подгруппе вербальный код замещается изобразительными средствами, во второй – из сочетания вербального и иконического (экслибрис, авторский знак и т.п.) преобразуется в вербальный. Аналогия с переводческими транскрибированием и транслитерацией здесь очевидна и не требует дополнительных комментариев.

2. Семантические трансформации могут быть далее членимы на опущения, замены и дополнения, соотносимые с переводческими «нулевым переводом», уподобляющим (= заменой функциональным аналогом) и компенсацией.

2.1. Опущения связаны с изъятием части содержания литературного произведения из кинотекста в связи с лимитом продолжительности фильма, соображениями цензуры, попытками модернизации и т.п. Так, фильме отсутствует сатирический диалог между изобретателем и управдомом:

Тимофеев: Ей-Богу, я ничего не понимаю! Вам лечиться надо, князь!

Бунша: Николай Иванович, вы не называйте меня князем, я уж доказал путем представления документов, что за год до моего рождения мой папа уехал за границу, и таким образом очевидно, что я сын нашего кучера Пантелея. Я и похож на Пантелея [Булгаков, 2009, с. 508].

Из реалий, упомянутых в пьесе, в фильме отсутствуют *гривна* (выданная Грозным Шпаку), *патриарх* и украденная у него *панагия, батоги, опричники, секиры, жакеты, коверкотовое пальто* (одна из похищенных у Шпака ценностей). Исчезают из речи царя характеристики Зиновкиной внешности архаичное *бела вельми* и *телом изобильна* [Булгаков, 2009, с. 528], очевидно, как нарушающие представления о здоровой красоте советской гражданки.

2.2. Замены представляют собой трансформации в вербальном контексте и трансформации фактологической информации (изменения личностных характеристик персонажей, преобразования сюжета и т.п.). В исследуемом материале мы наблюдаем результат различия хронотопов середины 30-х гг. и 70-х г. XXв., предопределяющие замещение реалий в тексте М.А. Булгакова более современными для привлечения зрительской аудитории. Так, вместо *патефона* появляется *магнитофон*, *местозаграничной материи* – *дубленка*, вместо *костюма* – *импортная замшевая куртка*. Значимый результат технического прогресса замещает механическую машину времени в тексте пьесы (*Ключ! Ах, я рассеянный болван! Я работал при запертом механизме* [Булгаков, 2009, с. 509] на электрическую в фильме («...попробуем повысить напряжение» [Иван Васильевич..., 2016, эл. ресурс]).

Персонажный ряд и характеристики также подвергнуты существенным трансформациям в процессе экранизации: изобретатель Николай Иванович, подкаблучник Кока (отпустив жену с любовником на Кавказ и отдав ей все свои наличные на дорогу, по ее настоянию целует ее на прощание) предстает в фильме Александром Сергеевичем, Шуриком (великодушно прощает измену *Добрый ты человек, князь!*). При этом «*Волосы у Тимофеева*

включенные, глаза от бессонницы красные» [Булгаков, 2009, с. 497], а у Шурика опрятная внешность сознательного советского гражданина, который приводит комнату в порядок (в отличие от героя пьесы, спокойно находящегося в беспорядке). Якин охарактеризован в пьесе как *«молодой человек в берете и штанах до колен и с бородой, растущей из-под подбородка»* [Булгаков, 2009, с. 526], что никак не соответствует внешнему облику героя, пародийно изображенному М. Пуговкиным.

2.3. Дополнения (=добавления) вносят новое содержание в контекст, отсутствовавшее в авторском произведении литературы. Причины его аналогичны поводам к опущению, но противоположно направлены.

В экранизации пьесу актуализируют новые технические достижения: *общественный телефон-автомат* на улице, *пылесос, лифт, транзисторы*. Упомянутые Якиным в фильме популярные киноактеры С. Бондарчук, Ю. Никулин, И. Смоктуновский и ответ Бунши на приветствие шведского посла *Гитлер капут!* также смещают темпоральные ориентиры сюжета пьесы, придавая им созвучность с действительностью.

Названные три подгруппы семантических трансформаций представляют собой переработку авторского текста и могут распространяться и на собственно вербальный и ситуативный контекст оригинального произведения.

3. Среди синтаксических трансформаций при трансмутации возможно выделить в отдельные подгруппы также опущения и перестановки.

3.1. Опущения синтаксического порядка имеют те же причины, что и семантические, но распространяются на вертикальный контекст произведения, т.е. нарушают логическую последовательность авторского произведения, изымая из него масштабные звенья сюжетного хода. Так, в результате трансмутации из пьесы изъята сцена ликования патриарха по случаю возвращения царя и его избавления от демонов.

3.2. Перестановки связаны с изменением порядка следования изображаемых событий в тексте и кинотексте, что (чаще всего) продиктовано

только волей создателей фильма. Аналогия с переводческой трансформацией конверсии и перегруппировкой предложений (разделение. Объединение, изменение порядка следования) здесь также уместна и оправдана, но распространяется на иные объекты. Так, очередность сцен в фильме не соответствует первоначальной логике событий в пьесе. М. А. Булгаков представляет изобретателя и его комнату, затем появление и монолог Зиночки, затем описывает действия Милославского в комнате Шпака, в то время как в фильм после опенинга с Шуриком встроен диалог (во многом измененный) с Буншей. Изменен и порядок сцен в квартире изобретателя и в царских палатах.

3.3. Добавления.

В пьесе отсутствуют сцена работы Зиночки на киностудии, поездки Якина с новой пассией на кабриолете к месту жительства изобретателя, ее звонков всем знакомым и отъезда Якина с Зиночкой в Гагры, – все они добавлены создателями фильма.

4. Прагматические трансформации в процессе интерсемиотического перевода, по-видимому, неизбежны, т.к. экранизация сопряжена с вторжением в коммуникацию между автором и реципиентом новых участников, создателей кинотекста, с новым видением предметной ситуации и различными взглядами на границы творческих переосмыслений оригинала (до волюнтаризма и произвола).

О необходимости прагмаадаптации в интерсемиотическом переводе, как и в межъязыковом, можно вести бесконечные дискуссии. Но вычлнить среди них изменения и искажения все же возможно.

4.1. Прагматические изменения определены и объективно, и субъективно. Объективными причинами служат здесь различия индивидуального восприятия и возможность множественной интерпретации [Филиппова, 2015, с. 403; Чайковский, 2013, с. 18-19] литературного произведения разными читателями, среди которых и создатели фильма. Субъективными причинами могут выступать вольность в обращении с

первоисточником, желание переиначить и улучшить его. В нашем фактическом материале иллюстрациями таких прагматических изменений можно признать все вышеописанные трансформации, предпринятые в ходе переноса пьесы на киноленту.

4.2. Прагматические искажения возникают вследствие эксплицитного нарушения авторской стратегии при трансмутации. Это сознательное намерение создателей кинопродукта изменить авторскую стилистику, наделить персонажей новыми чертами характера (принципиально отличными от оригинальных), переписать сюжет литературного произведения (например, изменив его финал).

Так, радикальным изменениям подвергся образ центрального персонажа –И. В. Бунши-Корецкого. В пьесе М. А. Булгакова управдом – сатирический намек на И. В. Сталина. В фильме нет адекватной передачи этой аллюзии. Образ этого героя в киноверсии – карикатурен, т.к. подкаблучник становится гулякой, т.е. в результате перемещения во времени изменяются его личностные качества. А в пьесе представлена иная трансформация: мелкий служащий превращается в царя-самозванца-самодура, похваляющегося перед истинным Грозным: *«Иван Васильевич! Имейте в виду, что мы шведам Кемскую волость отдали! Так что все в порядке!»* [Булгаков, 2009, с. 540].

Искажена (относительно текста пьесы) в фильме и сама сцена переговоров со шведским послом, где вор-рецидивист препятствует нарушению государственной целостности Московского царства и отстаивает территориальные интересы.

Прагматическим искажением можно считать также и изменение жанровой принадлежности произведения. Пьеса представлена М. А. Булгаковым как комедия в трех действиях, но литературоведческий анализ этого произведения, раскрывает его как политическую сатиру, апробированная автором в повести «Роковые яйца» (и ее более ранней версии «Луч жизни») и усиленная им в «Собачьем сердце». Лишившись

аллюзии на И. В. Сталина и в результате изменения персонажных характеристик и временных координат, фильм – комедия без политических мотивов и пародийного гротеска. Прагматическая установка М. А. Булгакова на критику тоталитаризма и Л. Гайдая на иронию над советской действительностью диаметрально противоположны, в этом и состоит деформация оригинала. Эти обстоятельства, однако, не мешают быть экранной версии любимой несколькими поколениями отечественных зрителей.

Подводя итоги сопоставительного анализа, можно кратко сформулировать принципиальные выводы:

1. Типология интерсемиотических интралингвистических трансформаций возможна и соотносима, с одной стороны, с типологией межъязыковых переводческих трансформаций и, с другой стороны, с семиотическими категориями семантики, синтактики и прагматики.

2. Различные группы трансформаций обусловлены действием различных факторов, и внутри каждой группы поддаются более детальной дифференциации.

3. В качественном отношении интерсемиотические преобразования могут интерпретироваться как собственно трансформации и деформации.

В целом проведенный анализ позволяет констатировать трансформации при интерсемиотическом переводе пьесы в фильм в рамках одной лингвокультуры, обусловленные культурно-историческими, общественно-политическими сдвигами, языковой динамикой и усложнением процесса коммуникации.

Очевидно, при обращении к интерсемиотическому переводу в условиях межкультурной коммуникации представленная типология может быть расширена и обогащена новыми элементами.

Список литературы

1. Беседин А. С. Невербальные факторы интерсемиотического перевода // *Nomoloquens* (Вопросы лингвистики и транслятологии). Волгоград: ВГУ, 2016. С. 73-84
2. Беседин А. С. Технология интерсемиотического и интраязыкового перевода: от романа к кинотексту // *Вестник Вологоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2017. Т. 16. № 4. С. 215-221
3. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээстираамат, 1973. 92 с.
4. Максименко О. И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика*. 2016. № 2. С. 111-116
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 318 с.
6. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
7. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 164 с.
8. Филиппова И. Н. Интерсемиотический перевод: экранизация как трансформация авторского текста в поликультурном аспекте // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2019. № 1 (32). С. 204-211
9. Филиппова И. Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. С. 403.
10. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 199 с.
11. Чайковский Р. Р. Канонизация переводов и проблема качества межкультурной коммуникации // *Перевод и переводчики: науч. альманах*. Вып. 9: Язык, коммуникация, перевод /гл. ред. Р.Р. Чайковский. Магадан:

Кордис, 2013. С. 16-36

12. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16-24

13. Булгаков М. А. Романы. Пьесы. М.: Эксмо, 2009. 768 с.

14. Иван Васильевич меняет профессию (комедия, реж. Л. Гайдай 1973 г.). Электронный ресурс. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a50qT9bW2Qo> (дата обращения 15.05.2016)

ABOUT TYPOLOGY OF INTERSEMIOTIC TRANSFORMATIONS

Irina Nikolaevna Filippova
Moscow, Russia

Annotation. We present the author's typology of intersemiotic transformations during the intralinguistic film adaptation of literature adaptation of a work of literature empirically based on the play by M. A. Bulgakov "Ivan Vasilievich" and the film "Ivan Vasilievich changes his profession." Comparative analysis reveals the transformation of various components of the content (realities, external and personal characteristics of characters, genre features) and various degrees (transformation and deformation).

Key words: intersemiotic translation, transmutation, reality, chronotope, genre, typology.

**ЭКСПЛИКАЦИЯ «ТОТАЛЬНОГО ЭФФЕКТА» В
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭДГАРА ПО
«ВОРОН»**

Цветков Юрий Леонидович,
доктор филологических наук, профессор
г. Иваново, Россия

Урусова Наталья Александровна
г. Иваново, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.37

Аннотация. В статье изучаются дореволюционные переводы «Ворона» С. А. Андреевского, Л. И. Пальмина, Дм. Мережковского, К. Бальмонта и В. Брюсова. Только три последних из указанных переводчиков смогли донести до читателя основной замысел «Ворона» Э. А. По, изложенный американским поэтом в «Философии творчества» (1846).

Ключевые слова: «тотальный эффект», «единство впечатления», образ, аллитерация, ассонанс, рефрен, рифма.

Поэтический канон американского писателя Эдгара По (1809-1849) насчитывает чуть более пятидесяти стихотворений, и все они, за исключением нескольких отдельных произведений, сосредоточены в четырех сборниках: «Тамерлан и другие стихотворения» (Tamerlane and other poems, 1827), «Аль Аарааф, Тамерлан и другие стихотворения» (Al Aaraaf, Tamerlane, and Minor Poems, 1829), «Стихотворения» (Poems, 1831), «Ворон и другие стихотворения» (The Raven and Other Poems, 1845). По разработал и опубликовал подробное теоретическое обоснование своего творческого замысла стихотворения «Ворон» [10, с. 148-158] в «Философии творчества» [8, с. 110-121]. В лирике По строго следовал изобретенным принципам стихосложения, поскольку был убежден, что открыл миру путь к Красоте – единственной цели творчества. Исследователь В.И. Чередниченко попытался сформулировать сверхзадачу стотридцатилетней эпохи отечественных

переводов «Ворона»: создание адекватного русского ОТВЕТА на американский ВЫЗОВ [9, с. 362].

Первый перевод «Ворона» был сделан С. А. Андреевским [1, с. 288-295] и опубликован в марте 1878 года в «Вестнике Европы». По оценке Е. К. Нестеровой, перевод этот представляет собой «практический пересказ, сделанный четырехстопным ямбом» [6, с. 374]. В конце XIX века в России основным литературным направлением стал символизм. Как известно, в поэзии символистов, где влияние По считалось общепризнанным, американский автор занимал важное место: «Как образец художественной формы он был воспринят неполно. Зато дал эстетический идеал, имевший большой успех» [4, с. 15]. Число русских поэтов, знавших лирику По в оригинале, невелико. К ним можно отнести Дм. Мережковского (пер. «Ворон», 1890) [5, с. 302-309], Л. И. Пальмина (пер. «Ворон», 1890) [7, с. 295-299], К. Бальмонта (пер. «Ворон», 1894) [2, с. 309-312] и В. Брюсова (пер. «Ворон», 1905) [3, с. 312-316].

В «Философии творчества» По пишет: «... прежде всего возникает мысль относительно объема. Если какое-либо литературное произведение не может быть из-за своей длины прочитано за один присест, нам надо будет примириться с необходимостью отказа от крайне важного эффекта, рождаемого единством впечатления; ибо если придется читать в два приема, то вмешиваются будничные дела, и всякое единство сразу гибнет» (112). Автор приходит к выводу, что наиболее подходящий объем стихотворения – около 100 строк. В поэме «Ворон» 108 строк. У Андреевского 240, Мережковского 216, у остальных переводчиков (Пальмин, Бальмонт, Брюсов) объем поэмы соответствует оригиналу. Здесь важно отметить, что такое большое количество строк у Андреевского и Мережковского зависит непосредственно от размера произведения. Если у Бальмонта и Брюсова перевод выполнен восьмистопным хореем (как и оригинал), то Андреевский использовал четырехстопный ямб, а Мережковский четырехстопный хорей.

Далее По пишет: «*Прекрасное любого рода в высшем своем выражении неизменно трогает чувствительную душу до слез. Следовательно, меланхолическая интонация – наиболее законная из всех поэтических интонаций*» (114). В поэме автор передает нужную интонацию при помощи звуковых повторов: аллитерации, ассонансов и диссонансов. Другим критерием для анализа интонации служит личное восприятие переводчика. Ярким примером ассонанса может служить первая строчка в последней строфе: «*And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting*»: «И Ворон никогда не взлетит, все еще сидит, все еще сидит» (подстр. пер.). На наш взгляд, передать этот прием в некоторой степени удалось Мережковскому: «*И сидит, сидит с тех пор он*», Бальмонту: «*И сидит, сидит зловещий Ворон*» и Брюсову: «*И, как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он*». У Андреевского и Пальмина перевод строки не сохранился.

Такой прием как диссонансная рифма так же часто встречается в поэме, а точнее в последних трех строках каждой строфы. Андреевский рифмует лишь последние две строки каждой строфы, что не соответствует оригиналу. Это связано с выбранным переводчиком размером стиха: 1 строфа: «**моего – ничего**»; 2 строфа: «**следа – навсегда**»; 6 строфа: «**моего – ничего**»; 8 строфа: «**сюда – никогда**»; 12 строфа: «**когда – никогда**»; 18 строфа: «**звезда – никогда**». Кроме этого мы видим, что рифмующиеся слова отличаются от слов в оригинале, что можно так же считать нарушением. Пальмин рифмует только две строки, между которыми находится строка с другой рифмой: 1 строфа: «**стук – запоздалый – вокруг**»; 2 строфа: «**мною – назвали – землей**»; 6 строфа: «**звук – унылый – вокруг**»; 8 строфа: «**года – мрака – никогда**»; 12 строфа: «**года – значенье – никогда**»; 18 строфа: «**навсегда – огромной – никогда**». У переводчика так же повторяются рифмующиеся слова (в 8 и 12 строфах), чего нет в оригинале. Данное несоответствие вызвано размером стиха – четырехстопным анапестом.

В переводе Мережковского из-за выбранного размера (четырехстопный хорей) последние три строки в строфах не рифмуются совсем, зато рифма

прослеживается через одну строку: 1 строфа: «**моего – моего – ничего**»; 2 строфа: «**навсегда – навсегда – следа**»; 6 строфа: «**моего – моего – ничего**»; 8 строфа «**сюда – сюда – никогда**»; 12 строфа: «**тогда – всегда – никогда**»; 18 строфа: «**навсегда – навсегда – никогда**». Здесь так же можно отметить повторяющиеся слова (1 и 6 строфы), что не соответствует оригиналу. У Бальмонта и Брюсова диссонансная рифма соответствует оригиналу, благодаря передаче размера стиха (восьмистопный хореей), который соответствует оригинальному. Бальмонт: 1 строфа: «**мне – мне – тишине**»; 2 строфа: «**о ней – огней – дней**»; 6 строфа: «**моего – моего – ничего**»; 8 строфа: «**всегда – всегда – никогда**»; 12 строфа: «**да – никогда – никогда**»; 18 строфа: «**всегда – всегда – никогда**». Здесь мы видим повторяющиеся слова в 8 и 18 строфах, чего нет в оригинале. Брюсов: 1 строфа: «**моего – моего – ничего**»; 2 строфа: «**кого – его – его**»; 6 строфа: «**всего – всего – ничего**»; 8 строфа: «**всегда – тогда – никогда**»; 12 строфа: «**года – года – никогда**»; 18 строфа: «**года – года – никогда**». Важно отметить повторение рифмы в 12 и 18 строфах, что не соответствует оригиналу. Мы можем прийти к выводу, что наилучшим образом передать интонацию произведения удалось Бальмонту и Брюсову.

Далее По переходит к следующему этапу написания стихотворения: *«Я решил быть разнообразным и тем повысить эффект, придерживаясь в целом однообразия в звучании и вместе с тем постоянно меняя смысл: иными словами, я решил постоянно производить новый эффект, варьируя применение рефрена, но оставляя сам рефрен в большинстве случаев неизменным»* (114-115). В поэме присутствует рефрен «nothingmore» - «больше ничего» (1, 3-7 строфы), «forevermore» - «во веки веков/навсегда» (2 строфа) и «Nevermore» - «никогда больше» (8-18 строфы). Переводчики по-разному справились с поставленной задачей. Особые трудности вызвал перевод рефрена во второй строфе. Андреевский в 1, 3-7 строфах переводит рефрен как «больше ничего», во 2 строфе – «навсегда», в 8-18 строфах - «больше никогда». На наш взгляд только этому переводчику удалось верно

передать рефрен в своем переводе. Пальмин рефрен переводит иначе: 1, 3-7 строфы – «вокруг», 2 строфа – «давно позабыта землей», 8-18 строфы – «никогда». Здесь важно отметить, что русский перевод рефренов до 8 строфы полностью не соответствует оригиналу и замыслу автора.

Мережковский лучше справился с этой задачей: 1, 3-7 строфы – «больше ничего», 2 строфа – «без следа», 8-18 строфы – «никогда». Этот перевод так же можно считать удачным, так как присутствует лишь небольшое несоответствие во второй строфе, но переводчику удалось сохранить смысл, используя в предпоследней строке строфы слово «навсегда». У Бальмонта мы наблюдаем явное нарушение в использовании рефренов, то есть в 1 и 3 строфах одинаковый рефрен «ко мне», во 2 строфе – «прежних дней», в 4-7 строфах – «больше ничего», в 8-18 строфах – «никогда». В первых трех строфах явное несоответствие рефренов оригиналу. Перевод рефренов у Брюсова в большей степени соответствует оригиналу. Однако трудности вызвал рефрен во второй строфе как и у многих переводчиков: 1, 3-7 строфы – «больше ничего», 2 строфа – «нет его», 8-18 строфы – «больше никогда». Однако проблема перевода рефрена во второй строфе, скорее всего, связана с созвучием: в английском языке рефрены «nothingmore» - «forevermore» - «Nevermore» имеют одинаковое окончание, поэтому они рифмуются между собой. В русском языке дело обстоит иначе; если слова «никогда больше» и «ничего больше» созвучны, то слово «навсегда» явно выбивается из этого ряда, именно поэтому перевод рефрена во 2 строфе вызвал у всех переводчиков трудности, кроме Андреевского.

По размышляет об образах в стихотворении - человеке и Вороне – *«птице, предвещающей зло, монотонно повторяющей единственное слово «nevermore» в конце каждой строфы стихотворения, написанного в печальной интонации»* (116). У всех переводчиков в этом плане абсолютное соответствие с замыслом автора. Далее внимание По останавливается на основной теме и мотиве произведения. Он выбирает тему смерти, а точнее

смерть прекрасной женщины, и пишет, что *«не подлежит сомнению, что лучше всего для этого предмета подходят уста ее убитого горем возлюбленного»* (116). Во всех переводах присутствуют эти важные элементы – птица Ворон, убитый горем возлюбленный и мотив смерти прекрасной женщины.

Продолжая рассуждать о смысле рефрена, По объясняет, как он смог достичь «тотального эффекта» с его помощью: *«Теперь мне следовало сочетать две идеи: влюбленного, оплакивающего свою усопшую возлюбленную, и Ворона, постоянно повторяющего слово «nevermore». Мне следовало сочетать их, не забывая о том, что я задумал с каждым разом менять значение произносимого слова; но единственный постижимый способ добиться такого сочетания — представить себе, что Ворон говорит это слово в ответ на вопросы, задаваемые влюбленным»* (116-117). Необходимо выяснить, все ли переводчики сохраняют нарастающее напряжение в вопросах к Ворону, затем проанализировать эмоции лирического героя, вызванные этими вопросами. Первое обращение к Ворону мы находим в восьмой строфе: *«Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!»* – «Скажи мне, какое твое благородное имя на ночном берегу Плутона!» (подстр. пер.). Как мы видим, первый вопрос самый обыкновенный и предсказуемый, к тому же лирический герой не ждет, что птица ответит ему, поэтому эта строка несет в себе нейтральные эмоции. Андреевский переводит эту фразу: *«Как звать тебя? Поведай мне свой титул в доблестной стране, тебя направившей сюда?»*. Переводчик сохраняет эмоциональную окраску вопроса, однако есть небольшой недочет в передаче образа страны, откуда, по мнению лирического героя, прибыл Ворон. В оригинале говорится о царстве бога Плутона, который является богом подземного царства и смерти, что само по себе уже не может быть «доблестной страной». В итоге переводчик верно передал вопрос, но образ Ворона не соответствует оригиналу. У Пальмина вопрос переведен верно: *«Как зовут тебя в царстве Плутонова мрака?»*. Мережковский при

переводе не упоминает бога Плутона, однако вопрос передан верно, с нейтральной интонацией: *«Как зовут в стране, откуда прилетаешь ты сюда?»*. Бальмонт так же не упоминает Плутона, и нет перевода фразы «lordlyname», но компенсирует его эпитетом «гордый Ворон». В целом, эмоциональная окраска вопроса соответствует оригиналу: *«но скажи мне: в царстве тьмы, где ночь всегда, как ты звался, гордый Ворон, там, где ночь царит всегда?»*. На наш взгляд, Брюсов верно передал данное обращение к Ворону: *«Как же царственно ты прозван у Плутона?»*.

Второе обращение к Ворону появляется в десятой строфе – *«Other friends have flown before – on the morrow he will leave me, as my Hopes have flown before»* – «Другие друзья уже улетели прежде – утром он меня покинет, как мои Надежды улетели прежде» (подстр. пер). Хотя вопрос здесь не звучит, лирический герой просто рассуждает вслух, но птица говорит своё слово «nevermore» - «никогда», тем самым давая понять, что он не покинет героя и никогда не улетит из этой комнаты. Тревожность фразы нарастает, появляется более меланхоличная интонация, мы узнаем, что герой одинок и в его душе почти не осталось луча надежды. Андреевский верно передает вопрос и интонацию, добавив в конце строк многоточие: *«Мои надежды и друзья давно покинули меня... Пройдут часы, исчезнет ночь – уйдет и он за нею прочь, увы, и он уйдет туда!...»*. Пальмин так же верно переводит фразу: *«Завтра утром ты бросишь меня без следа, как другие друзья, как надежды былые!»*. Мережковский заменяет слово «Надежды» на «счастье», что не полностью соответствует задумке автора: *«Как счастье, дружба улетели навсегда, улетит и эта птица завтра утром навсегда»*. Бальмонт добавляет уточнение того, сколько именно времени прошло с последних встреч с друзьями, чего нет в оригинале. У По лирический герой нигде не упоминает, когда именно произошло с ним горе, поэтому такое уточнение, на наш взгляд, неприемлемо в переводе: *«Друзья сокрылись вот уж многие года, завтра он меня покинет, как надежды, навсегда»*. Так же мы видим еще одну неточность в переводе: у По друзья и Надежды покинули героя до того

как появилась птица, об этом свидетельствует слово «before» - «до/накануне/ранее/прежде». В переводе Бальмонта получается, что Ворон и надежды покинут его завтра. У Брюсова мы видим такую же неточность в переводе: *«Раньше скрылись без следа все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!...»*. Здесь надежда и Ворон исчезнут вместе завтра, что неверно. Эмоциональную окраску и интонацию данной строки все переводчики передали верно.

Следующий вопрос, на который отвечает Ворон: *«thy God hath lent thee – by these angels he hath sent thee Respite – respite and nepenthe from thy memories of Lenore; Quaff, oh quaff this kind nepenthe and forget this lost Lenore!»* – «твой Бог дал тебе – через этих ангелов он дал тебе Отсрочку – отсрочку и непентес от твоих воспоминаний о Линор; пей этот непентес и забудь потерянную Линор!» (подстр. пер.). Никто, кроме Андреевского, не упомянул в переводе ангелов. Однако, переводчик переводит строки так, что лирический герой обращается непосредственно к Богу: *«Господь! Ты ангелов прислал меня забвеньем упоить...О! дай Ленору мне забыть!»*. Так же в переводе не сохраняется повелительный тип предложения, но присутствует три восклицательных знака, которые в полной мере передают настроение героя в данный момент. У Пальмина нет упоминания ни об ангелах, ни о Боге. Но присутствуют два восклицательных знака, что придает эмоциональность фразе: *«то мне провиденье шлет отраду в приют одинокий сюда! О Леноре утраченной даст мне забвенье»*. Перевод Мережковского, по нашему мнению, соответствует оригиналу: *«Это Бог мне шлет забвенье! Пей же сладкое забвенье, пей, чтоб в сердце навсегда об утраченной Леноре стерлась память – навсегда!...»*. Перевод этих строк у Бальмонта так же соответствует оригиналу: *«Это бог послал забвенье о Леноре навсегда, - Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!»*. В переводе Брюсова мы наблюдаем некоторые неточности: лирический герой напрямую обращается к Ворону, чего нет в оригинале. На наш взгляд, из-за вопросов к Ворону нарушается интонация в строках, и звучат они крайне неуместно: *«то богом*

послан отдых всем тревогам, Отдых, мир! чтоб хоть немного ты вкусил забвенья, - да? Пей! о, пей тот сладкий отдых! позабудь Линор, - о, да?». На наш взгляд, с переводом данных строк справились Мережковский и Бальмонт.

В следующей строфе лирический герой снова задает вопрос Ворону:

«On this home by Horror haunted – tell me truly, I implore –

Is there – is there balm in Gilead? – tell me – tell me, I implore!».

«В этот дом, объятый Ужасом, - скажи мне честно, я умоляю –

Есть ли – есть ли бальзам в Галааде? – скажи мне – скажи мне, я умоляю!» (подстр. пер.). Здесь важно проследить, все ли переводчики сохраняют слова «Horror» и «Gilead» и наличие заглавной буквы в этих словах. Упоминание Галаада здесь не случайно, так как лирический герой в отчаянии и умоляет Ворона дать ему галаадский бальзам, который использовали для заживления ран в Древнем Израиле. Андреевский не сохраняет в переводе слова «Horror» и «Gilead». Последний переводит как «забвения бальзам», что не соответствует по значению «галаадскому бальзаму». Переводчик добавляет фразу: «дает ли жалкая земля – страна скорбей», чего нет у По: *«Поведай мне, молю тебя: дает ли жалкая земля, страна скорбей – дает ли нам она забвения бальзам?»*. Пальмин также не сохраняет слова «Horror» и «Gilead» и использует при переводе «бальзам от сердечного горя», что не совсем соответствует оригиналу, так как у По не указано, для чего лирический герой просит галаадский бальзам. Но в целом мысль этих строк передана верно: *«О, скажи, дальний гость, залетевший сюда: отыщу ль я бальзам от сердечного горя?»*. Перевод Мережковского совсем не соответствует оригиналу, так как не сохранены слова «Horror» и «Gilead» и похожего значения нет в переводе: *«Будет ли, молю, скажи мне, будет ли хоть там, куда снизойдем мы после смерти, - сердцу отдых навсегда?»*. Бальмонт слово «Horror» переводит как «Тоска», чем передает совсем другую интонацию высказывания, которая не соответствует оригиналу. Слово «Gilead» поэт переводит словом «забвенья», которого нет в

оригинале: *«В край, Тоскою одержимый, ты пришел ко мне сюда! О, скажи, найду ль забвенья, – я молю, скажи, когда?»*. Брюсов сохраняет в переводе все важные элементы, однако, слово «Нотгор» автор пишет с маленькой буквы, тем самым не выделяя его в тексте, чего нет в оригинале: *«Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда в Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?»*.

Проанализировав стихотворение в целом, мы можем прийти к выводу, что только Дм. Мережковский, К. Бальмонт и В. Брюсов смогли верно передать важные смысловые и формальные элементы оригинала, чтобы сохранился авторский «тотальный эффект».

Список литературы

1. Андреевский С. Ворон // По, Э. А. Стихотворения. Сборник. М.: Радуга, 1988. 414 с.
2. Бальмонт К. Ворон // По, Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 309-312.
3. Брюсов В.. Ворон // По, Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 312-316.
4. Гроссман Д. Д. Эдгар По в России. Легенда и литературное влияние. М.: Академический проект, 1998. 191 с..
5. Мережковский Дм. Ворон // По, Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 302-309.
6. Нестерова Е.К. Эдгар По в России // По. Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 371-391.
7. Пальмин Л. Ворон // По, Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 295-299.
8. По Э. А. Философия творчества // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 110-121.(Далее цитаты по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках).
9. Эдгар Аллан По. «Ворон» / изд. под.ред. В.И.Чередниченко. М.: Наука, 2009. 400 с.

10. Poe E. A. The Raven // По, Э. А. Стихотворения. Указ. соч. С. 148-158.

***EXPLICATION OF THE "TOTAL EFFECT" IN PRE-REVOLUTIONARY
TRANSLATIONS OF POE'S POEM " THE RAVEN»***

Yuriy Leonidovich Tsvetkov
Natalia Alexandrovna Urusova
Ivanovo, Russia

Annotation. The article studies pre-revolutionary translations of "The Raven" by S. A. Andreevsky, L. I. Palmin, Dm. Merezhkovsky, K. Balmont and V. Bryusov. Only the last three of these translators were able to convey to the reader the main idea of "The Raven" by E. A. Poe, set out by the American poet in the "Philosophy of Composition" (1846).

Key words: "total effect", "unity of impression", image, alliteration, assonance, refrain, rhyme.

ВИДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Цепелева Алина Николаевна

г. Москва, Россия

DOI: 10.12731/LCT.2019.38

Аннотация. В статье разбираются основные особенности художественного текста как объекта переводческой деятельности. Автор статьи выделяет основные характеристики и методы художественного перевода, акцентируя внимание на главных различиях перевода художественного текста от других видов перевода. Также в статье рассматриваются два аспекта перевода: роль собственно переводчика и та картина мира, которая возникает при переводе текста оригинала.

Ключевые слова: перевод, художественный текст, методы и характеристики перевода, реалистический принцип перевода.

Художественный текст является одним из основных функционально-стилевых текстов, он включает в себя все жанры художественной литературы. Также к художественным текстам относятся произведения литературной критики и публицистики.

В художественном тексте выделим две составляющих – эстетическую и эмоционального воздействия. В художественном тексте они являются взаимосвязанными. Если говорить о форме изложения, то она имеет особое значение и выражается как в художественном, так и в эстетическом познании действительности. При этом эстетическая ценность текста и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя должны полностью отражаться в содержании.

Языковая, функциональная, а также художественная особенность есть в каждом виде художественного текста. Это наглядно видно, если взять разные литературные жанры: например, роман и детектив имеют совершенно разные языковые, функциональные и художественные особенности. «Всякий художественный текст может выполнить свою социальную функцию лишь

при наличии эстетической коммуникации в современном ему коллективе» [5. С. 180].

Каждому жанру художественной литературы свойственна своя категория перевода. Категории переводов можно разделить на: перевод романа, перевод детектива, перевод стихотворений, перевод художественной прозы и т.д. Разделение категорий перевода по жанрам носит условный характер. Особенность каждого жанра воздействует на сам процесс перевода и его результат.

Если мы обратимся к работам В. Н. Комиссарова, то по его определению: художественным переводом называется перевод произведений художественной литературы [3. С. 75]. Но при этом не стоит забывать и о художественно-эстетической и поэтической роли текста, поскольку в связи с их воздействием на читателя они выделяются как главные в произведениях художественной литературы. Создание художественного образа и эстетического воздействия является основной целью любого произведения этого типа. Художественная речь, за счет эстетического воздействия сильно выделяется на фоне остальной речевой коммуникации, где информативное содержание является начальным, независимым.

Если мы говорим о художественном переводе, то мы определенно имеем в виду произведения, обладающие художественным достоинством (в отличии, например, от научно-технической литературы). Как пишет В. Н. Комиссаров, «Главная задача художественного перевода заключается в создании на языке перевода произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на читателя, соответствующее воздействию оригинального текста» [4. С. 102]. В обычной речи или письме мы используем слова, которые не всегда соответствуют образному мышлению. А ведь именно с помощью слов и создается представление о художественной действительности, именно слово является главным составляющим литературы. Но не стоит забывать, что образное описание присутствует в любом тексте, соответственно даже при переводе сугубо

научных текстов может возникнуть необходимость художественно передать мысль автора оригинала.

Особое значение для художественного перевода имеет «творческая индивидуальность переводчика». Мы не должны забывать о том, что в каждом переводе присутствует личность самого переводчика и именно поэтому

перевод произведения словесного искусства на другой язык всегда будет субъективным. И хотя у многих вызывает отторжение даже простое упоминание о творческой индивидуальности переводчика, без нее у переводчика не было бы индивидуального метода, индивидуального творческого принципа. Да, это приводит к определенному искажению текста подлинника, но без лично вклада переводчика в принципе невозможен сам перевод художественного текста. Надо просто признать, что «творческая индивидуальность переводчика» существует и выяснить закономерности этой индивидуальности, изучить её и определить её объективное место в методологической системе перевода [1. С. 63].

Итак, мы выяснили, что анализировать текст перевода можно либо с точки зрения лингвистики, либо с точки зрения литературоведения. То есть перевод может быть либо дословно точным, но художественно неполноценным, либо художественно полноценным, но сильно отличающимся от исходного текста (так называемый «свободный перевод»).

С точки зрения Г. Р. Гачечиладзе художественный перевод должен занимать нишу где-то между дословно точным, но художественно неполноценным переводом, и художественно полноценным переводом, но несхожим с исходным текстом. В теории кажется, что можно с легкостью объединить эти два принципа. Но в жизни такой подход невозможен из-за того, что в разных языках для описания одной и той же картины используются зачастую совсем разные средства, вследствие чего дословная точность и художественность оказываются на разных чашах весов, и у переводчика нет возможности привести их в баланс.

Существует еще понятие реалистического перевода. По определению И. А.Кашкина: «Реалистический перевод заключается в воспроизведении объективной реальности, содержащейся в исходном тексте, вместе с его смысловым и образным богатством». Вот что он пишет: «Переводчику, который в подлиннике сразу наталкивается на чужой грамматический строй, особенно важно прорваться сквозь этот заслон к первоначальной свежести непосредственного авторского восприятия действительности ... увидеть за словами подлинника явления, мысли, вещи, действия и состояния, пережить их и верно, целостно и конкретно воспроизвести эту реальность авторского видения» [2. С. 532].

С мнением И. А. Кашкина полностью солидарен и известный теоретик перевода А. В. Фёдоров: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное формальное и стилистическое соответствие ему» [8. С. 303].

Особый акцент А. В. Фёдоров делает на том, что художественный текст не может складываться из отдельных отрывков, он должен воспроизводиться как целостная система. «Художественный перевод, - пишет А. В.Федоров, - представляется чем-то большим, чем просто механическая совокупность частей, по той причине, что он является плодом творчества и содержит в себе элементы творчества переводчика» [8. С. 175]. Поэтому для переводчика является основной задачей сохранение не только содержания, но и всех стилевых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей исходного текста

Не будем забывать о том, что переводчик самостоятельно выбирает одну из трех целей художественного перевода. Первая – переводчик старается перевести исходный текст, пытаясь максимально передать творческую манеру и индивидуальный стиль автора. Переводчик будет стремиться добиться той же «атмосферы» и создать такое же художественное впечатление в своем переводе, что были изначально в исходном тексте. Но для достижения этого результата, переводчику придется «смягчить»

национально-культурные различия, исключить из текста перевода незнакомые читателю реалии (или заменить их на знакомые читателю и при этом эквивалентные по смыслу), максимально сохранив стиль автора исходного текста. Добиваясь этой цели, переводчик будет стремиться передать читателю полное представление о творчестве писателя, его индивидуальном стиле. Но отрицательный момент в данном случае будет заключаться в том, что автор перевода не сможет показать читателю культуру и национальные традиции автора исходного текста.

Вторая цель художественного перевода - переводчик старается перевести исходный текст, пытаясь максимально передать особенности культуры другого народа, ее своеобразие. Для достижения этой цели переводчику понадобится разъяснить читателю все реалии и пояснить культуру и национальные традиции автора исходного текста, чтобы у читателя было достигнуто полное понимание менталитета героев произведения, которое пытался передать автор в своем исходном тексте. Это будет очень познавательно для читателей, которые хотят больше узнать о традициях и культуре страны автора исходного текста, но при этом манера и стиль автора исходного текста будет очень сильно искажена и не сможет дать читателю полного представления о самом произведении. Например, если взять писателя Чарльза Перси Сноу, роман «Наставники», то в оригинале название звучит «The Masters» в дословном переводе «Мастера», но для передачи полного смысла переводчик подобрал из русского языка слово, более полно передающее смысл названия.

Третья цель – переводчик старается перевести исходный текст, пытаясь максимально приблизить перевод к исходному содержанию самого произведения. Стремясь достичь третьей цели, переводчик будет «упрощать» исходный текст для того, чтобы читатель смог лучше понять содержание исходного текста. Но в этом случае, к сожалению, культура, традиции, реалии исходного текста будут опущены, вследствие чего такой перевод

будет трудно назвать художественным. Однако в настоящее время переводчики предпочитают придерживаться именно этой позиции.

В результате, можно сделать вывод о необходимости соблюдать следующие требования с тем, чтобы достичь адекватности художественного перевода оригиналу.

Художественный адекватный перевод должен быть точным. Для переводчика одной из основных задач будет стоять передать читателю суть исходного текста, но при этом быть максимально близким к основным положениям и особенностям высказываний автора исходного текста. При этом переводчику придется отказываться от разъяснения реалий или традиций, что приведет к некоторым сложностям для восприятия данного перевода читателем. По объему художественный адекватный перевод должен быть аналогичным оригиналу. Исходя из творческих принципов автора, переводчик передаёт не собственное прочтение текста оригинала, а его основную идею.

Кроме того, художественный адекватный перевод должен быть ясным. При этом ясность и краткость перевода не должны идти в ущерб простоте изложения и легкости понимания текста. Перевод должен быть максимально простым и ясным по форме. Так же необходимо избегать неоднозначных словесных конструкций, которые только затрудняют восприятие перевода.

Ну, и наконец, любой художественный перевод должен быть литературным, т.е. полностью удовлетворять общепринятым нормам русского литературного языка. Но в связи с различиями синтаксической структуры английского и русского языков при переводе возможны сложности сохранения формы выражения оригинала. Поэтому при переводе, если мы хотим достичь точности передачи смысла текста, очень часто бывает необходимо изменить синтаксическую структуру переводимого предложения. Это связано с различиями языковых структур исходного и переводящего языков [8. С 56].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что при переводе художественного текста переводчику необходимо учитывать все характерные особенности текста художественного произведения оригинала, а не ограничиваться какой-либо одной задачей, т.е. необходимо использовать все доступные приёмы для достижения адекватности перевода.

Список литературы

1. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. [Электронный ресурс]: 2-е изд. — М.: Наука, 1982./Добавлен 27.02.12 URL:<https://search.rsl.ru/ru/record/01001010974> (дата обращения 14.08.19)

2. Кашкин И. А. Для читателя-современника: статьи и исследования. [Электронный ресурс]: М.: Советский писатель, 1977/ Сборник подготовили к печати М. Лорие и П. Топер. /Добавлен 13.04.13 /Отредактирован 15.04.13 URL:<https://www.twirpx.com/file/1111283/> (дата обращения 20.08.19)

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). [Электронный ресурс]: М.: Высшая школа, 1990 / ISBN: 5-06-001057-0/ Отредактирован 26.01.09 URL:<https://www.twirpx.com/file/18521/> (дата обращения 18.08.19)

4. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода [Электронный ресурс]: М.: Международные отношения, 1980. /Добавлен 11.02.18 /Отредактирован 12.02.18 URL:<https://www.twirpx.com/file/2456577/> (дата обращения 22.08.19)

5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. [Электронный ресурс]: СПб.: Искусство – СПб, 1998./Добавлен 22.12.17 /Отредактирован 23.12.17 URL:<https://www.twirpx.com/file/2414322/> (дата обращения 25.08.19)

6. Лысенкова Е. Л. Проза Р.М. Рильке в русских переводах. — М.: ООО «Азбуковник»; ООО «ИТИ Технологии», 2004.

7. Рецкер Я. И. Лекции по теории и практике перевода (из архива Л. Л. Нелюбина). – М., МГОУ, 2012.

8. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). [Электронный ресурс]: Учебное пособие. — 5-е изд. — Москва: ИД Филология три, 2002./ (Студенческая библиотека). / ISBN 5-94545-014-6./Добавлен 18.07.19 / Отредактирован 18.07.19
URL:<https://www.twirpx.com/file/2886422/> (дата обращения 19.08.19)

TYPES OF LITERARY TEXT TRANSLATION AND THEIR CHARACTERISTICS

Alina Nikolaevna Tsepeleva
Moscow, Russia

Annotation. The article examines the main features of a literary text as an object of translation activity. The author of the article highlights the main characteristics and methods of literary translation, focusing on the main differences between the translation of a literary text from other types of translation. The article also discusses the role of the translator and the formation of a picture of the world in translations of fiction.

Key words: translation, literary text, criteria and methods of translation, realistic principle of translation.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Шлангман Марина Константиновна
кандидат филологических наук, доцент
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.39

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обучения студентов стратегиям и технологиям перевода художественной литературы. Даны рекомендации преподавателям по работе с текстами художественных произведений.

Ключевые слова: Художественная литература, обучение переводу, правила перевода, чтение художественных произведений.

Преподавание иностранных языков на неязыковых факультетах имеет профессионально-ориентированную коммуникативную направленность и потому обучение студентов в основном строится на изучении научно-популярных специальных текстов. Кроме того, часто используются тексты художественных произведений английских и американских авторов, хотя может возникнуть мнение, что язык художественных произведений устарел и далек от устной повседневной речи. В современной методике обучаемым все чаще предлагают заучивать разговорные клише на повседневно-бытовые темы, чтение рекламных проспектов, просмотр современных фильмов на иностранных языках. Кроме того, появилась возможность изучать иностранные языки, посещая страну изучаемого языка или общаясь с его носителями, проживающими в нашей стране. Все вышеуказанные методы являются эффективным средством обучения языку, но, тем не менее, художественная классическая литература всегда была и остается одним из важных средств не только для обучения иностранному языку, но и для ознакомления студентов с национальной культурой. Тексты художественной

литературы являются ценным аутентичным материалом, дающим экстралингвистическую информацию о прошлой и современной культуре страны, ее географическом и финансовом положении, образе жизни и привычках людей, терминологию. Художественные тексты представляют страну и ее людей, их быт, поэтому чтение художественной литературы является очень продуктивным познавательным процессом и для изучения языка и для ознакомления со средой обитания носителей данного языка.

Часто чтение текстов художественного произведения на иностранном языке вызывает трудности, причиной которых является не только непонимание студентами сложных разнообразных лексических средств данного произведения, но и отсутствие у них фоновых знаний, нечеткое представление об истории, культуре.

Данная статья рассматривает основные знания, которые необходимо дать для того, чтобы научить студентов читать художественные тексты самостоятельно и добиться такого уровня понимания обучаемыми содержания иностранного текста, чтобы чтение становилось оптимально полезным для усвоения языка, чтобы при чтении текста студенты могли бы активно запоминать лексические единицы и усваивать грамматические структуры.

Прежде всего, нужно помнить, что процесс чтения - это извлечение смысла из набора слов, фраз, понять смысл которых можно, если известны их лексические и грамматические значения, и, конечно, если есть знания о читаемом и об окружающей жизни. Но, в процессе чтения читатель обычно уточняет знания лексики, проверяя отношения между элементами слова и отношения с другими словами в группе, определяя отношение между главным словом и его распространениями в простой группе, между подлежащим и сказуемым в простом предложении, между главным предложением и придаточным и т.д. Нужно учить студентов при чтении сочетать одновременно несколько мыслительных процессов. Для этого на занятиях преподаватели рассматривают трудности в понимании слов, фраз и

предложений, от простых к более сложным. При таком подходе у студентов вырабатываются навыки понимания различных вариантов сочетания слов в различных предложениях. Систематическая тренировка в анализе различных предложений позволяет студентам достаточно свободно ориентироваться в незнакомом тексте. Понять предложение они смогут только при условии, если понимают связь между словами, разбираются в конструкции предложения, правильно определяют его тип, находят его главные члены, глагольные формы, отличив смысловой глагол от вспомогательного. Для этого требуются твердые знания о порядке слов в предложении, форм глаголов, предлогов, союзов, артиклей и модальных глаголов. Таким образом, знания грамматики необходимы для того, чтобы хорошо ориентироваться и понимать незнакомый текст.

Лексический материал также является важным компонентом для чтения, перевода и понимания художественного текста, поэтому для того, чтобы правильно понять смысл слова, нужно посмотреть его значение в словаре.

Обычно словарный запас студентов очень ограничен, поэтому им приходится подолгу работать со словарем и другими справочниками для того, чтобы перевести слова и идиомы иногда приходится догадываться о их значении самим.

Для этого нужно научить студентов пользоваться большими двуязычными словарями, содержащими от 60 до 160 тыс. слов, и одноязычными толковыми словарями. Необходимо предварительно ознакомить их с комментариями о том, как пользоваться словарями, выучить все условные обозначения и сокращения, фонетическую транскрипцию. Обычные двуязычные словари включают большое количество различных разговорных слов и выражений, жаргонизмов, научных терминов, профессионализмов и диалектных слов. Географические названия, имена собственные, распространенные аббревиатуры обычно даются отдельно в конце словаря. Студенты должны знать, что в целях экономии места словари

не включают все производные с продуктивными суффиксами, поэтому им необходимо знать основные значения часто употребляемых производительных суффиксов и быть готовыми понимать значение префикса + корня + суффикса. Для этого требуется большая предварительная подготовка по развитию словообразовательных умений. На занятиях даются упражнения для отработки у студентов навыка образования объемных слов, что помогает развить у студентов наблюдательность и чувство догадки о значении слов по словообразовательным элементам, необходимые для быстрого понимания текста и редкого обращения к словарю. Студентам не всегда удается найти правильное значение слова в словаре. Иногда автор может дать новое значение слова или употребить слова, не указанные в словарях. Значение таких слов можно понять только по контексту. Многозначная лексика и омонимы представляют наибольшую сложность для студентов. Чтобы понять их, студентам рекомендуется внимательно прочитать весь иллюстрированный материал, все возможные синонимические варианты, данные в словарной статье. В словарях можно найти соответствующие эквиваленты пословиц, поговорок, фразеологических сочетаний. Фразеология может быть нелегкой задачей для студентов, читающих художественные произведения на иностранном языке. Студенты уже знают, что, например, в английском языке, как и в русском, выделяются фразеологические единства. Пословицы тоже следует относить к фразеологическим оборотам. Это устойчивые словосочетания, неразложимые грамматически и семантически, неделимые и немотивированные в системе современного языка. Связь компонентов в этих сращениях может быть объяснена, если обратиться к истории языка. При объяснении фразеологических единиц преподаватель должен указать студентам на то, что в иностранном языке возможна замена компонентов единства синонимами, образуя фразеологические сочетания, которые в большей мере, чем фразеологические обороты допускают замену своих компонентов и включают отдельные слова между ними, таким образом создавая ряды

фразеологических синонимов, широко используемых в художественных произведениях. Поэтому необходимо добиваться точного знания студентами фразеологических сочетаний и умения находить их значения или значения их синонимических сочетаний в словаре. Глаголы с послелогом также требуют внимания, т.е. послелог, в отличие от предлога, не является средством выражения связей и отношений между словами или средством уточнения значения глагола. Послелог приближается по значению к словообразовательным суффиксам, так как употребление его с глаголом совершенно меняет значение данного глагола. И на это нужно обратить внимание студентов еще на занятиях, предлагая им упражнения на запоминание таких глаголов письменно или устно. Это, несомненно, принесет большую пользу студентам, т.к., не зная значение глагола с послелогом, можно затруднить или исказить понимание незнакомого текста.

На неязыковых факультетах не ставится задача обучения студентов переводу, это сложная задача. Перевод используется как средство и цель обучения иностранному языку. Студенты на занятиях получают определенные сведения о технике перевода только для того, чтобы уметь читать художественную и специальную литературу самостоятельно. Преподаватель сообщает студентам о возможных вариантах перевода отдельных типов художественного произведения, о способах перевода наиболее употребительных лексических и грамматических явлений. Обычно студентов неязыковых факультетов обучают дословному (адекватному или равноценному) или литературному (стилистически обработанному) переводу. Равноценный перевод может быть получен непосредственно путем замены конструкции на иностранном языке эквивалентной русской. Литературный или художественный перевод получается в результате стилистической обработки равноценного перевода. Предварительно студенты работают над переводом со словарем дома. На занятиях преподаватель кратко проверяет понимание прочитанного по вопросам или путем краткого пересказа на иностранном языке. Можно сделать контрольный устный или письменный

перевод отрывка. Студенты выписывают новые слова, словосочетания и термины и заучивают их наизусть. Студентам предлагается сравнить свой перевод с литературным переводом, сделанным профессиональным переводчиком. Каждый студент воспринимает художественный текст по-своему, в зависимости от уже приобретенного жизненного опыта и от индивидуальной языковой подготовки. Чтение развивает личностные и интеллектуальные способности студента. Литературные знания студентов помогают им определить структуру и жанр текста, увидеть, как при помощи лингвистических средств открывается личность автора. Уже приобретенные знания и установившееся мировоззрение влияют на процесс создания образов и интерпретации текста. Чем чаще студенты читают художественную литературу, тем больше они имеют информации о различных жизненных ситуациях, об устоявшихся обобщенных представлениях о культуре и людях страны изучаемого языка.

На неязыковых факультетах тексты художественной литературы могут быть использованы для внеаудиторного, индивидуального чтения, для работы на занятии, для развития устной и письменной речи, для обучения грамматике. Для работы в группах или с отдельными студентами разбираются тексты с учетом их языковой подготовкой и выбранной ими специальности. Часто для студентов предлагаются тексты английских и американских писателей, содержащих иллюстративный материал или слова и выражения по разным разговорным темам: «Образование», «Семья», «Внешний вид», «Города», «Погода» и т.д. Для студентов естественного факультета естественных наук и математики предлагают тексты из научно-фантастических произведений, которые помимо бытовой лексики содержат много слов и терминов, относящихся к науке и технике, обозначающих физические явления в природе. Для студентов биологического факультета предлагаются тексты из книг писателей-натуралистов, в которых даются подробные описания животных, насекомых, рептилий и растений.

Таким образом, подготовка студентов к самостоятельному чтению художественной литературы включает работу по многим аспектам языка и, таким образом, является важным этапом формирования у них стратегий и технологий перевода иноязычного текста. Опыт показывает, что студенты прочитавшие определенное количество адаптированных текстов художественной литературы, смело приступают к чтению более сложных неадаптированных текстов и успешно справляются с задачей перевода и обсуждением прочитанного. Материал художественных произведений может быть использован для студентов неязыковых факультетов в различных целях, например, как средства пополнения активного и пассивного словаря, для изучения специальной терминологии, для закрепления грамматических структур и развития устной и письменной речи. Использование художественной литературы при изучении иностранного языка студентами неязыкового вуза является эффективным средством для развития профессионально-ориентированной коммуникативной и культурной компетенции.

Список литературы

1. Белкина Е. П., Стеценко Е. О. Использование художественного текста при обучении студентов неязыкового вуза иностранному языку. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015.
2. Скугарова Ю. В. Новая жизнь художественного текста в преподавание иностранных языков // Вестник. МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. -2002.- № 3.
3. Тарасова В. В., Э. Р. Даминова Роль художественной литературы при обучении иностранным языкам //Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – № 5.

***THE USE OF FICTION IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN
LANGUAGE TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC FACULTIES***

Marina Konstantinovna Shlangman
Magadan, Russia

Annotation. The article deals with the issue of teaching students the strategies and technologies of literary translation. Recommendations to teachers on work with texts of fiction are given.

Key words: Fiction, teaching translation, rules of translation, reading of fiction.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТРИЗ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Шумкова Анастасия Сергеевна
г. Магадан, Россия
DOI: 10.12731/LCT.2019.40

Аннотация. В данной статье автор указывает на необходимость применения методов проблемно-ориентированного обучения и внедрения в программу современного обучения в ВУЗе проблемных заданий. В качестве инструмента реализации проблемно-ориентированного обучения автор предлагает обратиться к теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), способствующей развитию нетривиального креативного мышления студентов и предотвращению психологической инерции. В статье приводятся примеры заданий, разработанных на основе методов ТРИЗ-педагогика и направленных на формирование коммуникативной компетенции студентов младших курсов языковых ВУЗов.

Ключевые слова: проблемно-ориентированное обучение, ТРИЗ, РТВ ТРИЗ, ТРИЗ-педагогика.

Современные реалии, характеризующиеся интеграцией России в мировое образовательное пространство, появлением новых информационных технологий, развитием глобальных телекоммуникационных систем, вносят соответствующие коррективы в деятельность всех сфер современного общества. Сфера образования также не является исключением. Современные условия диктуют разработку многополярных и многовариантных образовательных технологий, рассматриваемых в контексте культуры и творчества, направленных на формирование креативно-мыслящей, способной к фантазированию, воображению и продуктивному, творческому созиданию личности.

В настоящее время происходит обновление идеологии и содержания высшего образования, сопровождающееся разработкой и адаптацией инновационных обучающих технологий. Актуальным становится применение методов проблемно-ориентированного обучения и внедрение в программу современного обучения в ВУЗе проблемных заданий, способствующих формированию и закреплению студентами навыков получения знаний, а также, навыков диалектического и творческого мышления, позволяющих выпускникам ориентироваться в информационных полях и мультидисциплинарных ситуациях, поддерживать конкурентноспособность специалиста в условиях современного быстро меняющегося мира.

Несмотря на то, что сегодняшний студент вполне способен постичь многие сложные проблемы, для их решения требуется наличие навыков, которые нередко выходят за рамки общепринятых инструкций. Способность решать проблемные задачи предполагает большее, чем аккумуляция знаний. Проблемное обучение способствует развитию гибких познавательных стратегий, помогающих провести анализ непредвиденных, нестандартных ситуаций для выработки собственных осознанных решений.

Среди функций проблемно-ориентированного обучения выделяют:

- 1) развитие творческих потенций и формирование структур творческой деятельности;
- 2) творческое усвоение знаний и способов деятельности;
- 3) творческое овладение методами современной науки.

Так, применение в обучении заданий, основанных на принципах проблемно-ориентированного подхода, стимулирует студентов нетривиально мыслить и подталкивает их к поиску нестандартных решений. Умение мыслить креативно и нестандартно является сегодня одним из самых важных качеств для большинства профессий. Это зачастую именно то качество, которое ищут работодатели при приеме на работу новых специалистов.

Поиск универсальных инструментов, способных обеспечить проблемно - ориентированное обучение, заставляет современных педагогов обращаться к вопросам обучения студентов эффективным способам мышления, способствующим раскрытию творческого потенциала личности. В качестве научной основы для проблемно-ориентированного обучения отечественные и зарубежные исследователи все чаще обращаются к теории решения изобретательских задач. ТРИЗ или Теория Развития Творческой Личности (или ТРТЛ) была разработана еще в советской школе в 1946 году известным советским изобретателем Г. С. Альтшуллером. В своей первой публикации— в 1956 году—Альтшуллер определяет ТРИЗ как технологию творчества, основанную на идее о том, что «изобретательское творчество связано с изменением техники, развивающейся по определённым законам» и что «создание новых средств труда должно, независимо от субъективного к этому отношения, подчиняться объективным закономерностям» [1].

ТРИЗ учит мыслить системно, понимать происходящие вокруг процессы, решать возникающие проблемы. Однако, ТРИЗ занимается не только решением конкретных задач, но и развитием нетривиального, активного, сильного творческого мышления и включает в себя курс развития творческого воображения (РТВ), предназначенный для преодоления психологической инерции и стереотипного мышления решателя, способствующий активному развитию умения свободно фантазировать и работать с необычными идеями. Главным отличием ТРИЗовского мышления от других видов мышления является то, что это сознательное управление процессом мышления, это мышление по алгоритмам, это мышление по законам и правилам.

Основными целями ТРИЗ как педагогической технологии являются:

1. Развитие естественной потребности познания окружающего мира, заложенной природой.

2. Формирование системного диалектического мышления (сильного мышления), основанного на законах развития и законе выявления противоречий.

3. Формирование навыков самостоятельного поиска и получения нужной информации.

4. Развитие воображения, фантазии и творческих способностей.

Согласно ФГОС ВО выпускник ВУЗа должен обладать следующей компетенцией в сфере «системного и критического мышления»: «УК-1 Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» [3]. Инструментами реализации развития данной компетенции могут стать методы ТРИЗ-педагогика. Основная перспективная цель ТРИЗ-педагогика - подготовить обучающегося жить и реализовывать себя в профессиональном плане в динамично изменяющемся мире [2].

Необходимо отметить, что ТРИЗ-педагогика вводит знания через творческую деятельность, преимущественно через решение открытых, изобретательских, креативных задач. Курс РТВ ТРИЗ-педагогика строится на специальных методах, подразумевающих четко выверенный алгоритм фантазирования. Все они направлены именно на обучение фантазировать, на тренировку воображения.

На сегодняшний день неразработанными остаются вопросы реализации дидактических возможностей РТВ ТРИЗ и возможного распространения методик, основанных на ТРИЗ, на учебные дисциплины, связанные с изучением иностранного языка.

Ввиду вышесказанного нами была допущена возможность реализации педагогического потенциала ТРИЗ при проведении занятий по дисциплине «иностраный язык» и выдвинута гипотеза, согласно которой применение упражнений, основанных на методах развития творческого воображения ТРИЗ-педагогика, при обучении английскому языку в ВУЗе будет

способствовать становлению вторичной языковой личности студентов в симбиозе с развитием творческой активности и проблемного мышления.

Нами были разработаны упражнения, направленные на обучение и тренировку активного применения лексических и грамматических языковых единиц в диалогической и монологической (устной и письменной) речи. Представленные упражнения основаны на методах РТВ ТРИЗ-педагогике, адаптированы в соответствии со спецификой обучения ИЯ и тематической базой УМК. Упражнения способствуют формированию коммуникативной компетенции, межкультурной компетенции, а также становлению вторичной языковой личности обучающихся.

Существующий опыт работы со студентами младших курсов позволил нам определить ряд трудностей, с которыми сталкиваются студенты на начальном этапе изучения английского языка в высшей школе и разработать ряд упражнений по минимизации данных затруднений.

Например, очень часто педагог сталкивается с проблемой неумения студентов составлять собственные предложения. Справиться с этой проблемой в игровой форме и научить фантазировать поможет метод «Арифметика слов», а именно «фантастическое сложение».

Задание: Game «fantastic chain»

Task: Each player has several cards with words, the leader of the game takes one card and puts it in the middle of the table, the task for the first player is to take one of his cards and create one fantastic sentence using the words from two cards. Task for the next players is to combine the word from the card of the previous player with one word from his own card.

В ходе работы со студентами младших курсов удалось выявить сложности в оформлении неподготовленной речи, от них можно услышать такие фразы, как «Не знаю, что говорить», трудности при подготовке пересказов «Не могу запомнить текст». В таком случае на помощь педагогу приходит метод «системного оператора», предполагающий работу по специальной таблице (таблица 1). Представим ниже пример такого задания.

Задание: используя таблицу «системный оператор» рассказать о выбранном объекте, герое или явлении, представив его как систему, обладающую подсистемой и являющуюся частью надсистемы в прошлом, настоящем и будущем.

Task: read the text «Shopping for one», give the retelling of the text using the table:

Таблица 1 Метод системного оператора

Надсистема в прошлом Shoppers of the past 6	Надсистема в настоящем Contemporary shoppers and their characteristics 3	Надсистема в будущем Imagine the shopper of the future 9
Система в прошлом What you know about the past life of the character 4	Система в настоящем Main character (shopper), his/her actions 1	Система в будущем Imagine the future of the main character, some future events 7
Подсистема в прошлом Past feelings or habits of main character 5	Подсистема в настоящем Present feelings or habits of main character 2	Подсистема в будущем Future feelings or habits of main character 8

Или, например, неготовность студентов видеть новые, непривычные свойства объектов и анализировать изменения, что является явным показателем наличия психологической инерции. Данную проблему мы решаем при помощи метода оператор РВС, так после прочтения и детального изучения сказки О. Уайлда «Самовлюблённый гигант» («The Selfish Giant») студентам предлагается написать собственную мини-сказку, изменив при этом «размер» сказки и время происходящих событий, проанализировав изменения.

Также развитию творческой активности способствуют задания, основанные на простом методе фантазирования, приёме «сделать наоборот». Задание предполагает восстановление ситуации в обратном порядке. Студентам предлагается финал истории / происшествия, и задача заключается в поиске креативного ответа на вопрос – «Что произошло?» (What happened?).

В ходе работы над представленными упражнениями педагог контролирует не только умение употреблять изученную лексику, а также обращает внимание студентов на употребление правильных грамматических форм, корректирует произношение и управляет процессом фантазирования и развития проблемного диалектического мышления студента.

Однако зачастую работа педагога по применению приемов РТВ ТРИЗ на занятиях по дисциплине «Иностранный язык» осложняется тем, что язык одновременно представляет собой и предмет изучения, и орудие труда. Традиционно ТРИЗ-упражнения не учат английскому, а учат английским. Таким образом, необходимо не только научить студентов творчески подходить к выполнению задания, но и способствовать запоминанию и овладению исходной языковой базой. ТРИЗ-педагог иностранного языка должен уметь совмещать эти оба процесса, должен видеть и выбирать именно те приемы ТРИЗ-педагогике, которые отвечают поставленным на занятии задачам, его личному опыту и особенностям студентов.

В заключение, можно сделать вывод о том, что ТРИЗ обладает неисчерпаемым педагогическим потенциалом и является инновационным актуальным инструментом современной педагогики, открывающим грандиозные возможности развития творчески-интеллектуальной личности студента, а также раскрывает творческий потенциал педагогов, работающих по методам РТВ ТРИЗ.

Список литературы

1. Альтшуллер Г. С., Шапиро Р. Б. О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 37–49.
2. Бабанова И. А. Использование ТРИЗ-педагогике в образовательном процессе // Научные исследования в образовании. 2012. № 6. С. 25–31.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование от 22 февраля 2018 г. № 121 [Электронный ресурс] http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_16032018.pdf (дата обращения 23.05.2019)

THE USAGE OF DIDACTIC POTENTIAL OF TRIZ IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE AT HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Anastasia Sergeevna Shumkova
Magadan, Russia

Annotation. The author of the given article points out the necessity of applying the methods of problem-oriented teaching and introducing problem tasks into the modern education program at the university. As a tool for realization of the given approach, the author proposes to use the theory of solving inventive problems (TRIZ), which contributes to the development of non-trivial creative thinking of students and the prevention of psychological inertia. The article gives examples of assignments developed on the base of methods of TRIZ-pedagogics and aimed at the formation of communicative competence of junior students of language universities.

Key words: problem-oriented education, TRIZ, RTV TRIZ, TRIZ pedagogics.

**ZUR INTERKULTURELLEN AUSBILDUNG IM VERBUND MIT
DEM STUDIUM FUNDAMENTALE (STUDIUM GENERALE)
AN DER HOCHSCHULE ZITTAU/GÖRLITZ**

Frank Guenter Schneider
Zittau, Deutschland

**К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБУЧЕНИИ В
СОЧЕТАНИИ С ИЗУЧЕНИЕМ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ НАУК
(STUDIUM GENERALE) В УНИВЕРСИТЕТЕ**

Франк Гюнтер Шнайдер
Циттау, Германия
DOI: 10.12731/LCT.2019.41

Аннотация. В статье представлены междисциплинарные и общеобразовательные курсы (studium generale). При этом описан путь университета к более междисциплинарным предложениям по обучению для слушателей всех факультетов. Описывается способ интеграции межкультурного образования в программы бакалавриата (инженерные, социальные науки, естественные науки и экономика). Ряд источников предоставляют дополнительную информацию о состоянии общего образования в университетах и колледжах Саксонии.

Ключевые слова: учебная программа, программы бакалавриата, общее образование, междисциплинарное обучение, общеобразовательные дисциплины, фундаментальные исследования, межкультурное образование, межкультурные компетенции.

Studium generale Das Studium fundamentale der Hochschule Zittau/Görlitz unterbreitet allgemeinbildende und fachübergreifende Lehr- und Veranstaltungsangebote. Es ist dem Grundgedanken eines Studium generale verpflichtet. Als erste sächsische Fachhochschule führte 1993 die damalige Hochschule für Technik, Wirtschaft und Sozialwesen Zittau/Görlitz ein Studium fundamentale ein. Es erhielt als obligatorisches Lehrfach eine für alle

Studiengänge geltende Verbindlichkeit. „Vor allem das Maß einer für die Studierenden aller Disziplinen angestrebten Verbindlichkeit ist bis heute im Hochschulvergleich ein beispielgebendes Merkmal geblieben.“ [1: 297] Eine ausführliche Darstellung von 15 Jahren Lehrpraxis liegt vor in [1: 299], [6: 31]. Das Studium fundamentale ist an der Fakultät Mathematik/Naturwissenschaften verankert. Diese Fakultät zeichnet für eine ganze Reihe von hochschulweiten allgemeinbildenden Lehrangeboten („Service-Lehre“) verantwortlich. Im Folgenden wird auf kulturelle und interkulturelle Lehrinhalte in ingenieur-, wirtschafts- und naturwissenschaftlichen Studiengängen eingegangen. Entsprechende Lehrinhalte in kultur- oder kunstwissenschaftlichen Studiengängen bleiben unberücksichtigt.

Bildungsauftrag von Hochschulen Kulturelle Kompetenzen können als Bestandteil eines breit gefassten Begriffs „Schlüsselkompetenz“ angesehen werden. Im Zuge der fortschreitenden Internationalisierung der Berufswelt und der damit verbundenen Internationalisierung des Studiums an Hochschulen und Universitäten, trat in der zurückliegenden Zeit der Begriff „Interkulturalität“ auf. [7: 32] „Da Kulturelle Angelegenheiten (somit) nicht zur Pflichtaufgabe der Hochschulen zählen, fallen kulturelle Angebote, die eher Erlebnischarakter tragen, nicht in den Zuständigkeitsbereich der Hochschulen. Dagegen können kulturelle (Lehr)Angebote, die auf der Vermittlung von Kenntnissen beruhen, vorkommen. Jedoch besitzen diese kulturellen Lehrangebote in der Regel fakultativen Charakter; sind also wenig oder nicht curricular verankert. Einen Sonderfall stellt die Fremdsprachenausbildung dar.“ [7: 32]

Bildungspolitische Positionen Der Stifterverband für die Deutsche Wissenschaft, der sich als Gemeinschaftsaktion der führenden Unternehmen Deutschlands sieht, verdeutlichte mit seinem Aktionsprogramm „Schlüsselqualifikationen plus“ für die Jahre 2005/2006, welche Anforderung die deutsche Wirtschaft an einen Hochschulabsolventen stellt. „Hochschulen haben auch sozialisierende, handlungsorientierende und persönlichkeitsbildende Funktionen, die sich in ihren Bildungszielen und curricularen Inhalten

widerspiegeln sollten. ... Dies ist dringlicher denn je, weil die Schulen ihren Allgemeinbildungs- und Sozialisationsauftrag immer unzureichender erfüllen.“ [10: 3] Mehrere Positionspapiere der sächsischen Studia generalia verweisen auf die Bedeutung der Vermittlung von kulturellen Kompetenzen im Studium. Als ein Ziel eines Studium generale wird „die Entwicklung und Förderung von sozialer, kultureller und ethischer Kompetenz“ [3: 1]. Die Freiburger Erklärung von 2005 weist als „originäre Aufgabenstellung“ eines Studium generale „die Vermittlung historischer und zukunftsbezogener Sichtweisen, einer ökologischen Grundbildung und die Förderung von sozialer, kultureller und ethischer Kompetenz und Nachhaltigkeit aus“. [2: 1] „Die Globalisierung auch der Arbeitsmärkte setzt voraus, dass Studierende nicht in ihren fachlichen Grenzen verbleiben, sondern sich fach- und kulturübergreifend qualifizieren. Erst dann können sie einen differenzierten Blick auf ihre Profession gewinnen.“ [4: 2] Diese Positionen teilt das Studium fundamentale seit Anbeginn. Die Vermittlung von kulturellen Kompetenzen ist eine von vier Hauptsäulen des Studium fundamentale. Seit 2005/05 erfolgt die Lehre überwiegend innerhalb eines hochschulweit verbindlichen Moduls „Allgemeinwissenschaftliche Grundlagen (AWG)“. „Das Modul AWG ist dem Gedanken eines Studium generale verpflichtet. In diesem Sinne sollen die Studierenden dabei unterstützt werden, sich Lernkompetenz sowie soziale, (inter)kulturelle und ökologische Kompetenz anzueignen.“ [7: 33]. Eine ausführliche Darstellung des Moduls „Allgemeinwissenschaftliche Grundlagen (AWG)“ liegt in „Scientific Reports Nr. 5 (2005)“ vor [5: 47].

Kulturalität vs. Interkulturalität „Vertiefte Reflexion über sich selbst und andere unter Berücksichtigung kultureller Muster und Prägungen. Angemessener Umgang mit Menschen fremder Kulturkreise durch Interesse und Öffnung für fremde Kulturen. Motivation zur aktiven Gestaltung fremder Situationen“ waren Ziele des Lehrangebotes „Interkulturalität“ [9: 6]. In Anbetracht einer von hoher Heterogenität geprägten Zahl der Studienanfänger, rückt eine Frage immer mehr in den Mittelpunkt: Erfordert die Vermittlung interkultureller Kompetenzen nicht

zuerst das Vorhandensein kultureller Kompetenz? Kommt also Kulturalität vor Interkulturalität?

Stärkung der (Inter)kulturellen Lehre Neben einer breiten Palette von Lehrangeboten, die der Verbesserung der kulturellen Kompetenz der Studierenden dienen, sind in den zurückliegenden fünf Jahren im Studium fundamentale an der Hochschule Zittau/Görlitz folgende lehrpraktische Impulse gesetzt worden: - Aufrechterhalten eines breiten Lehrangebotes des Studium fundamentale (Lehrveranstaltungen mit je 1,5 ECTS) im Bereich musisch-kultureller Kompetenz. - 2007 Einführung einer Vorlesungsreihe „Interkulturalität“ (1,5 ECTS), einschließlich Formen direkter Begegnung (Exkursionen), für Hörer aller Fakultäten. - 2009 Einführung von E-Learning-Modulen „Interkulturelles Training (nach Zielländern), Interkulturelles Basiswissen“. - 2010 Besetzung einer Honorar-Professur für das Lehrgebiet "Interkulturalität". - 2011 beginnend, jährliche Sommerschule „Interkulturelle Woche“ / „Internationale Woche“ (Kostroma) in Zusammenarbeit mit der Staatlichen Universität Kostroma.

- 2015 jährliches Gemeinsames Deutsch-Russisches Studienzertifikat mit den Schwerpunkten «Interkulturelles Verständnis, Interkulturelle Kommunikation und Landeskunde». - 2017 jährliches Komplementärprogramm „Interkulturelle Woche“ / „Internationale Woche“ (Görlitz) an der Hochschule Zittau/Görlitz.

Ausblick Mit dieser Kurzdarstellung soll ein Überblick über interkulturelle Lehrangebote im Studium fundamentale an der Hochschule Zittau/Görlitz gegeben werden. Künftige Herausforderungen bestehen in der lehrpraktischen Realisierung von Prüfungsvorgaben („Massenprüfungen“) sowie in der künftigen Integration in neu zu fassende Lehrmodule (5 ECTS Gesamtumfang) des künftigen Zentrums für fachübergreifende Lehre.

Weiterführendes Arbeitskreis Studium generale Sachsen
<http://www.hsziqr.de/fundamentale/ak> Gemeinsame Präambel der sächsischen Hochschulen für das Studium generale (Chemnitz 2001)
<http://www.tuchemnitz.de/verwaltung/studentenamt/abt13/dokumente/praeambel.pdf> Freiburger Erklärung zum „Studium generale“ an Hochschulen und

Universitäten (TU Bergakademie Freiberg 2005)
<http://www.hsziqr.de/fundamentale/generale2005> Hochschule Zittau/Görlitz,
Fakultät Mathematik/Naturwissenschaften, Studium fundamentale <http://www.hsziqr.de/fundamentale> Netzwerk "General Studies International" unter Federführung
des Zentrum für Angewandte Kulturwissenschaft und Studium generale,
Karlsruher Institut für Technologie (KIT). <http://www.zak.kit.edu> Assoziierendes
Netzwerk "Laboratorium für Interkulturelle Studien (LABIK)" unter Beteiligung
von zirka 24 Mitgliedern aus sechs Ländern. <https://www.hszg.de/studium/deinweg-durchs-studium/studiumfundamentale/labik-labik.html>.

Der Autor Frank Schneider, Jg. 1966, ist Diplom-Lehrer und staatlich
geprüfter Lehrer, Prof. h.c. (KGU), akademischer Mitarbeiter für Labor und Lehre
und leitet das Studium fundamentale der Hochschule Zittau/Görlitz. Er studierte
unter anderen Pädagogik, Wirtschaft und Geographie an der Technischen
Universität Chemnitz und der Technischen Universität Dresden.

Literaturverzeichnis

1. Delakowitz B., Dierich P., Schneider F.: Studieren ist mehr – Das
Studium fundamentale an der Hochschule Zittau/Görlitz; in: Wer, wo, wie und wie
viele Schlüsselkompetenzen; Brinker, T. u.a. (Hrsg.), Institut für
Zukunftsorientierte Kompetenzentwicklung, Bochum 2008.

2. Freiburger Erklärung zum „Studium generale“ an Hochschulen und
Universitäten; Tagungsveröffentlichung „universitas - quo vadis?“ (TU
Bergakademie Freiberg 2005) <http://www.hsziqr.de/fundamentale/generale2005>

3. Gemeinsame Präambel der sächsischen Hochschulen für das Studium
generale (Chemnitz 2001)
<http://www.tuchemnitz.de/verwaltung/studentenamt/abt13/dokumente/praeambel.pdf>

4. Robertson- von Trotha, C.: Netzwerk "General Studies International"
unter Federführung des Zentrum für Angewandte Kulturwissenschaft und Studium
generale, Karlsruher Institut für Technologie (KIT). <http://www.zak.kit.edu>

5. Schneider, F.: Allgemeinwissenschaftliche Grundlagen; Scientific Reports, Journal of the University of Applied Sciences Mittweida, Nr. 5 (2005).

6. Schneider, F.: Integriert und Addiert – ein (Königs-)Weg zur Erlangung von Schlüsselqualifikationen; SQ-Forum - Schlüsselqualifikationen in Lehre, Forschung und Praxis, Bochum, Nr. 2 (2007).

7. Schneider, F.: Interkulturalität in der Lehre; Scientific Reports, Journal of the University of Applied Sciences Mittweida, Nr. 7 (2006).

8. Senatsbeschluss vom 23. Mai 2005 zur „Einbindung der Allgemeinwissenschaftlichen Grundlagen (AWG) und der Fremdsprachenausbildung in die Bachelor und Masterstudiengänge“, Hochschule Zittau/Görlitz, Zittau, 2005.

9. Steinert, E.: Interkulturalität - Lehrfachbeschreibung Studium fundamentale Wintersemester 2005/06), Veröffentlichung der Hochschule Zittau/Görlitz, Zittau 2005.

10. Stifterverband für die Dt. Wissenschaft, Aktionsprogramm „Schlüsselqualifikationen plus“ (2005 – 2006) Tagung „Schlüsselbildung“ Schluesselbildung_resume.ppt, Essen 2006.

***ABOUT INTERCULTURAL EDUCATION IN CONJUNCTION WITH
THE STUDIUM FUNDAMENTALE (STUDIUM GENERALE) AT THE
UNIVERSITY OF APPLIED SCIENCES ZITTAU / GÖRLITZ***

Frank Guenter Schneider
Zittau, Germany

Annotation. The article presents the interdisciplinary and general education courses in Studium fundamentale. In doing so, a way of the university for more interdisciplinary teaching offers for listeners of all faculties is described. It describes a way of integrating intercultural education into bachelor's programs (engineering, social sciences, natural sciences and economics). A number of

sources provide further information on the state of general education at universities and colleges in Saxony.

Key words: study program, bachelor's programs, general education, interdisciplinary teaching, general studies, fundamental studies, intercultural education, intercultural competences.

**«EIN FLAUES GEFÜHL IM MAGEN»
ZUM ENDE DES ERSTEN WELTKRIEGES 1918 UND DER
WESTLICHEN ERINNERUNGSKULTUR**

Thomas F. Schneider
Osnabrück, Deutschland

**«ЧУТЬ НЕ СТОШНИЛО»
ОБ ОКОНЧАНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПАМЯТИ
ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Томас Ф. Шнайдер
доктор наук, профессор
Оснабрюк, Германия
DOI: 10.12731/LCT.2019.42

Аннотация. В статье поднимаются проблемы, связанные с концептом Первой мировой войны и его динамикой в западноевропейском культурном пространстве, зачастую обусловленной политической логикой, а не ориентированной на исторические факты.

Ключевые слова: концепт, немецкая литература о войне, культурное пространство.

Als am 9. November 1918 an der Westfront des Ersten Weltkrieges endlich die Waffen schwiegen, war für viele an diesem Krieg beteiligte Nationen und deren Soldaten und Zivilisten das Morden und Sterben noch lange nicht beendet. Im untergegangenen Osmanischen Reich begann die gegenseitige, millionenfache Vertreibung der türkischen und griechischen Bevölkerung, in Bulgarien, in Finnland oder im Baltikum wurde einfach weitergekämpft, wobei der Krieg nahtlos in einen Bürgerkrieg überging. In den russischen Bürgerkrieg mischte sich nun auch die Entente ein und machte aus dem Konflikt zwischen »Weißen« und »Roten« wieder einen transnationalen Krieg, an ihrer Seite die ehemaligen »Feinde« – deutsche und ehemalige k.u.k. Verbände. Für Tausende tschechischer Soldaten endete dieses ihnen aufgezwungene Abenteuer in Zentralsibirien. Aus dem russischen Bürgerkrieg heraus entwickelte sich der russisch-polnische Krieg.

Den überall in Europa einsetzenden revolutionären Bewegungen nach russischen Vorbild wurde stets mit Gewalt begegnet, so geschehen in der jungen Weimarer Republik in Bayern, Bremen, Oberschlesien, Sachsen. Freikorps (fast durchweg ehemalige Frontsoldaten) standen gegen Zivilisten, beide nun nicht mehr an so lästige Reglementierungen wie die Haager Landkriegsordnung oder das Kriegsvölkerrecht gebunden. Von den Kolonien in Afrika und Asien ganz zu schweigen, die nach den geleisteten Opfern auf den Schlachtfeldern Europas nun die versprochene Unabhängigkeit einforderten.

Nein, der »Weltkrieg« war noch lange nicht vorbei, und er war es vielleicht auch erst im Mai oder August 1945, weshalb manche Historiker auch vom »Zweiten 30jährigen Krieg« sprechen.

In jedem Fall ist das Kriegsende vom November 1918 ein Konstrukt, geschuldet der dominanten westeuropäischen Perspektive, dem Übergang in ein neues politisches System und dem mit dem Versailler Vertrag besiegelten, vermeintlichen »Frieden«.

Das Töten ging weiter, und das Sterben ging nahtlos weiter. Dementsprechend vage sind alle Ziffern über die Opfer dieses »Ersten Weltkrieges«, auf Seiten der Kombattanden und auf Seiten der Zivilisten. Denn wie lange nach dem Krieg zählt ein im Krieg Verwundeter, der nach Jahren der Qualen endlich seinen Verletzungen erliegt, noch zu den Opfern des Krieges?

Edlef Köppen, ein deutscher Schriftsteller und einer der Pioniere des Radios in der Weimarer Republik, erlag seiner an der Westfront erhaltenen Lungenquetschung 1939, 21 Jahre nach Kriegsende.

Köppen hatte in seinem 1930 erschienenen Kriegsroman *Heeresbericht* als Abschluss eine Rechnung der Kriegsoffer gestellt, sich selbst nicht eingerechnet:

»Es fielen in den Jahren 14 bis 18:
Einemillionachthundertundachttausendfünfhundertundfünfundvierzig
Deutsche, Einemilliondreihundertvierundfünfundzigtausend Franzosen,
Neunhundertachttausenddreihundertundeinundsiebzig Engländer,

Sechshunderttausend Italiener, Einhundertundfünfzehntausend Belgier, Einhundertneunundfünfzigtausend Rumänen, Sechshundertneunzigtausend Serben, Fünfundsechzigtausend Bulgaren, Zweimillionenfünfhunderttausend Russen und Polen, Fünfundfünfzigtausendsechshundertachtzehn Amerikaner.

Zusammen:

Achtmillionenzweihundertfünfundfünfzigtausendfünfhundertvierunddreißig Menschen.« (Koeppen, 1930: 462)

Und sein Held Adolf Reisiger, der sich gegen Kriegsende dem Töten verweigert und in ein »Irrenhaus« eingewiesen wird, stellt noch Jahre nach 1918 fest: »Es ist ja immer noch Krieg. Leckt mich am Arsch!« (Koeppen, 1930, 460)

Und damit hatte Köppen seinem Protagonisten eine durchaus zutreffende Beschreibung der Gegenwart des Jahres 1930 in Deutschland in den Mund gelegt. Die Auseinandersetzung um die Bewertung dieses verlorenen Ersten Weltkrieges prägte nachhaltig die Diskussionen in der Weimarer Republik. Vor allem die Schuldfrage stand im Mittelpunkt, wobei diese Suche nach vermeintlicher Schuld sich sowohl auf den Kriegsausbruch als auch auf die Niederlage bezog. War im Versailler Vertrag die Schuld am Kriegsausbruch unzweideutig dem Deutschen Kaiserreich zugesprochen worden, worauf sich alle Reparationsforderungen gründeten und was natürlich den kollektiven Widerstand der Deutschen provozierte, so wurde die Verantwortung für die Niederlage im Weimarer Diskurs den neuen Machthabern, dem neuen, demokratischen System und überhaupt den »Linken« zugeschrieben, die mit der gescheiterten Revolution der Front in den Rücken gefallen und einen »Dolchstoß« versetzt hätten. Denn eigentlich sei der deutsche Soldat »im Felde unbesiegt« geblieben, habe bis zum bitteren Ende einer deutlich materiellen Übermacht Paroli geboten, nur eben die revolutionären Umtriebe hätten ihn geschlagen. Damit war die Republik grundlegend diskreditiert, das Kriegsende keine militärische Niederlage, sondern eine Niederlage im Kampf der politischen Systeme, und somit die Republik auch nur als Übergangslösung zu betrachten auf dem Weg zu einem autokratischen, ja offen faschistischen Staat.

Am Ende sollte eine Diktatur stehen, eine umfassend militarisierte Gesellschaft, die es ermöglichen würde, die Folgen des Krieges und vor allem die andere Schuld, jene am Kriegsausbruch, in einem dann neuen Krieg zu revidieren.

Mit der Auseinandersetzung um die Bewertung des Ersten Weltkrieges war daher auch unmittelbar die Bewertung des aktuellen politischen, demokratischen Systems verbunden, nicht mehr und nicht weniger. Die »umkämpfte Erinnerung« an den Ersten Weltkrieg war ein Kampf um die Zukunft der Demokratie. (Ziemann, 2013)

Der Erste Weltkrieg war der erste Medienkrieg, dessen Ausgang mitentschieden wurde in den Propagandaschlachten, die zeitgleich und parallel zum Morden zwischen den Nationen stattfanden. Alle Kriegsparteien hatten während des Krieges Institutionen entwickelt, die die überall geltende Zensur durchführten, die Berichterstattung reglementierten und sie monopolisierten und schließlich selbst Nachrichten, Ereignisse und Bilder herstellten.

Im Deutschen Kaiserreich hatten dies das Kriegspresseamt und ab 1917 das Bild- und Filmamt, kurz BUFA, übernommen, wobei beide der Obersten Heeresleitung, also dem Oberbefehlshaber Paul von Hindenburg und vor allem dem Generalquartiermeister Erich Ludendorff unterstanden. Ab 1917 veröffentlichten die deutschen Medien nahezu nichts mehr, was nicht zuvor durch das Militär abgesegnet worden war, eine alternative Berichterstattung über den Krieg existierte im Kaiserreich schlichtweg nicht. (Schneider 2017)

Ludendorff war weitsichtig genug, die drohende militärische Niederlage weit vor Kriegsende zu realisieren und sich dementsprechend für die Nachkriegszeit und die zu erwartenden Auseinandersetzungen zu positionieren. Bereits 1917/18 wurden von der Obersten Heeresleitung (OHL) die Pflöcke eingeschlagen, die es ermöglichen sollten, die Nachkriegsdiskussion zu bestimmen. Das 1919 gegründete Reichsarchiv in Potsdam, das den Krieg vermeintlich sachlich aufarbeiten und alle Kriegsdokumente sammeln sollte, war durchweg mit ehemaligen Offizieren der OHL besetzt. Die Bestände des BUFA, also jegliches Film- und Fotomaterial über den Krieg, wurden vom Reichsarchiv

verwaltet. Das BUFA selbst ging in die UFA über, und Ludendorff erfand mit Kriegsende die »Dolchstoß«-Legende und den »Im Felde unbesiegt«-Mythos. (Schneider, 2020)

Das ganze Unternehmen war überaus erfolgreich, auch die Nachkriegsbevölkerung wurde über das Reichsarchiv weiter breit mit der Perspektive des Militärs versorgt, alternative Sichtweisen auf den Krieg schlummerten nur im Verborgenen, obwohl an Schulen und Universitäten in Deutschland bis heute ein anderes Bild von der Wirkmächtigkeit der Weimarer Demokraten und Pazifisten vermittelt wird. Aber auf die Literatur bezogen war in der Weimarer Republik das Verhältnis zwischen kriegsverherrlichenden und kriegskritischen Veröffentlichungen 95 zu 5. Sicherlich 90 % des Bildmaterials über den Ersten Weltkrieg, das in der Weimarer Republik zu sehen war, stammten aus den Beständen des Reichsarchivs und selbstverständlich 99 % des Filmmaterials.

Die für den Krieg und letztlich auch die Niederlage Verantwortlichen bestimmten nun auch die Bewertung des Krieges in der Nachkriegszeit, mit der klaren Zielsetzung, die politischen, militärischen und gesellschaftlichen Voraussetzungen zu schaffen für einen zweiten großen Krieg, der die Niederlage revidieren sollte. Es führt daher kein verschlungener, sondern ein direkter Weg vom Ersten Weltkrieg zu Hitler. Hitler, der selbsternannte »unbekannte Gefreite« des Weltkrieges, der eben aus dieser Kriegsteilnahme die Legitimation ableitete, »Führer« der Deutschen werden zu können.

Aber mehr noch: Das heutige, aktuelle Bild dieses Ersten Weltkrieges in Deutschland fußt unmittelbar auf den Auseinandersetzungen um die Deutungshoheit in der Weimarer Republik: Der eindeutige Fokus auf die Westfront, das Bild des Krieges vom sinnlosen Stellungskrieg mit erbarmungslosen Materialschlachten geht zurück auf die Erzählungen des Reichsarchivs ab 1919. Vom Bildgedächtnis des Ersten Weltkrieges ganz zu schweigen.

Wenn in im Spätherbst 2018 an die Wochen des »Kriegsendes« erinnert wurde, wurde in Deutschland und der Europäischen Union an ein Konstrukt erinnert, in mehrfacher Hinsicht. Am 11. November 2018 fand in Paris die zentrale globale Gedenkveranstaltung zum 100. Jahrestag des Endes des Ersten Weltkrieges statt. Hochrangige Vertreter aller ehemals am Krieg beteiligten Nationen und Nationalitäten versammelten sich am Grabmal des Unbekannten Soldaten unter dem Arc de Triomphe und gedachten der Toten des Krieges. In der Rede des französischen Staatspräsidenten Emmanuel Macron und in der medialen Berichterstattung wurde jene Lesart vermittelt, das Ende des Ersten Weltkrieges und die folgenden Friedensschlüsse seien die Grundlage für eine multilaterale, globale Friedensordnung gewesen, derer es sich angesichts der aktuellen Krise der internationalen multilateralen Organisationen umso dringlicher zu erinnern bedürfe – sehr zum Missfallen der anwesenden und somit – protokollarisch sehr ungewöhnlich – direkt adressierten Vertreter eines neuen Nationalismus wie des US-amerikanischen Präsidenten Trump oder des russischen Präsidenten Putin. (Riegert, 2018)

Damit war retrospektiv dem Schlachten des Krieges vor mehr als 100 Jahren ein Sinn zugeschrieben und eine Aktualisierung postuliert worden, die sich geradezu nahtlos an die neue, vor allem west-europäische Re-Interpretation des Krieges anschloss, der Erste Weltkrieg sei die Gründungstunde der europäischen Einigung gewesen. Diese Lesart war insbesondere in jenen zahlreichen Gedenkveranstaltungen seit 2014 zum Ausdruck gekommen, die sich speziell dem deutsch-französischen Verhältnis widmeten oder die europäische Perspektive in den Vordergrund rückten, beispielhaft in den Reden des damaligen französischen Staatspräsidenten Hollande (Hollande, 2016) und Bundeskanzlerin Angela Merkel (Merkel, 2016) zum 100. Jahrestag der Schlacht von Verdun 2016 oder in der Gedenkfeier zum 100. Jahrestag der Ypern-Schlacht 2017. (kle/se, 2017)

Im Kontext dieser Lesart, den Ersten Weltkrieg als Agens der europäischen Einigung zu verstehen und ihm damit Aktualität zu verleihen, stand und steht die Mobilisierung von Jugendlichen als zentrales Handlungselement des jeweiligen

Gedenkprotokolls. Am 11. November 2018 wurde von diesem Grundsatz nicht abgewichen, und somit lasen Pariser Schülerinnen und Schüler aus vermeintlich authentischen Zeugnissen von Kriegsteilnehmern aus den an der Gedenkfeier beteiligten Nationen, die somit – über den Gedenkort »Grabmal des Unbekannten Soldaten« hinaus – als repräsentativ für alle Kriegsteilnehmer gewertet wurden.

Der ›deutsche‹ Beitrag war ein Zitat aus einem Text von Erich Maria Remarque (1898–1970), und zwar überraschenderweise nicht aus *Im Westen nichts Neues*, dessen ikonischer Status im Hinblick auf das Kriegserleben im Ersten Weltkrieg international unzweifelhaft ist, sondern aus dem Roman *Der Weg zurück* (Remarque, 2014). Dieser Roman war 1930/31 in einer konzertierten Marketingoperation weltweit zeitgleich publiziert worden (Cadeddu, 2018) und schildert ausgehend vom Kriegsende die Schwierigkeiten ehemaliger deutscher Frontsoldaten, sich nach der Rückkehr in die noch von der Novemberrevolution geprägte Zivilgesellschaft Deutschlands wieder zu integrieren und eine neue Lebensperspektive zu gewinnen. Der zentrale Satz des 2018 verlesenen Zitats in der Pariser Fassung lautete:

»Der Krieg ist zu Ende. In einer Stunde sollen wir abziehen. Wir brauchen nun nie wieder hierher. Wenn wir gehen, gehen wir für immer. Es ist ein sonderbarer Moment. Wir stehen beieinander und sehen nach vorn. Wer kann das begreifen? Da stehen wir und sollten lachen und brüllen vor Vergnügen – und haben doch ein flaes Gefühl im Magen.« (Riegert, 2018)

Mit diesem sehr bewusst ausgewählten Zitat wurde vor allem betont und behauptet, dass das Kriegsende keinesfalls ein Moment der Erleichterung für die Zeitgenossen gewesen sei, sondern dass sie vor nicht unerheblichen Problemen bei der Rückführung in eine Zivilgesellschaft standen und ihnen dies auch bewusst gewesen sei. Zudem war und ist damit eine Verpflichtung impliziert, diesen wiedergewonnenen Frieden, der sich als höchst unsicher erweist, zu bewahren und zu verstetigen. Damit war im Rahmen der Gedenkveranstaltung 2018 der Konnex

zur aktuellen Lesart des Ersten Weltkrieges auch unmittelbar hergestellt: Die postulierte europäische Friedensordnung und der globale Multilateralismus als quasi ›Erbe‹ des Krieges waren bereits in den authentifizierten Aussagen der Zeitgenossen implementiert. Die Fürsprecher und Bewahrer (vor allem Macron und Merkel) der durch neue Nationalismen gefährdeten Weltordnung konnten sich so als jene Politiker in einer als prekär empfundenen Gegenwart profilieren, die das Erbe des Ersten Weltkrieges im Sinne der Kriegsteilnehmer auch tatsächlich 100 Jahre danach realisieren und bewahren würden. Zugleich war der Autor Erich Maria Remarque damit nicht nur als (repräsentativer) Zeitgenosse akzeptiert – und zwar über *Im Westen nichts Neues* hinaus –, sondern sein Gesamtwerk implizit in den Rang eines Erinnerungsortes und Teil des globalen kulturellen Gedächtnisses erhoben.

Diese neue Lesart des Ersten Weltkrieges und seiner Konsequenzen hat sich nun im europäischen kulturellen Gedächtnis verstetigt: mit der Fokussierung auf die Westfront, der ›Entschuldung‹ des Deutschen Kaiserreiches, dem Konstrukt des Kriegsendes und der dominanten Rolle der Literatur, die mangels Zeitzeugen zur Augenzeugenschaft erhoben wird – aus fiktionalen Konstrukten wie denen Remarques werden authentische Zeugnisse.

Das Bild des Ersten Weltkrieges ist in der deutschen und europäischen Erinnerungskultur noch lange nicht ausverhandelt und einem permanenten Wandel unterworfen, der sich an den jeweiligen politischen Zielsetzungen der Akteure orientiert und nicht an den historischen Fakten. Darin eingebettet die Literatur über diesen Krieg, wobei die Grenze zwischen authentischen Zeugnissen und Ego-Dokumenten und fiktionalen Darstellungen zunehmend aufweicht und literatur- und kulturwissenschaftlich erst noch neu gefasst werden muss. Der Schriftsteller Edlef Köppen hatte wohl recht: »Es ist ja immer noch Krieg«.

Literaturverzeichnis

1. Cadeddu, Alice. »Erich Maria Remarques *Der Weg zurück* – Eine weltweite Publikationsstrategie«. In Schneider, Thomas F. (ed.). *Remarque und die*

Medien: Literatur, Musik, Film, Graphic Novel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 45–67.

2. Hollande, François. »Rede von Staatspräsident François Hollande vor der Nationalnekropole von Douaumont«. 29.05.2016. https://de.ambafrance.org/IMG/pdf/verdun_hollande.pdf?22678/eecf3f7cf41e4a56e24b18dba17bc201733697ba (31.01.2019).

3. »Gedenkfeiern zu Weltkriegsschlacht im belgischen Ypern«. *Deutsche Welle*, 30.07.2017 <https://www.dw.com/de/gedenkfeiern-zu-weltkriegsschlacht-im-belgischen-ypern/a-39899503> (31/01/2019).

4. Koeppen, Edlef: *Heeresbericht*. Berlin: Horen, 1930.

5. Merkel, Angela. »Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Rahmen der Gedenkfeier ›100 Jahre Schlacht um Verdun‹ am 29. Mai 2016 vor der Nationalnekropole von Douaumont«. 29.05.2016. <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-im-rahmen-der-gedenkfeier-100-jahre-schlacht-um-verdun-am-29-mai-2016-vor-der-nationalnekropole-von-douaumont-607002> (31/01/2019).

6. Remarque, Erich Maria. *Der Weg zurück: Roman*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2014.

7. Riegert, Benjamin. »Absage an Nationalismus bei Gedenkfeier in Paris«. *Deutsche Welle*, 11.11.2018. <https://www.dw.com/de/absage-an-nationalismus-bei-gedenkfeier-in-paris/a-46248981> (31.01.2019).

8. Schneider, Thomas F.: »Literary Mobilization. The Change in German War Reporting and War Literature in 1915«. In Jaroslav Lбннк, Томбълъ Kykal (ed.). *1915 – Novн neпушотелү. Novү vэzvу*. Praha: VHU, 2017, 123–130.

9. Schneider, Thomas F.: »The Shape of War to Come. How the German High Command prepared for the post-war image of the First World War«. In Jaroslav Lбннк, Томбълъ Kykal (ed.). *1918 – The Old World is Dead, long live the New One?* Praha: VHU, 2020 [in print].

10. Ziemann, Benjamin: *Contested Commemoration. Republican war veterans and Weimar political culture*. Cambridge: University Press, 2013.

**“I ALMOST GOT SICK” ABOUT THE END OF THE FIRST WORLD
WAR AND THE MEMORY OF WESTERN CULTURE «EIN FLAUES
GEFÜHL IM MAGEN» ZUM ENDE DES ERSTEN WELTKRIEGES 1918
UND DER WESTLICHEN ERINNERUNGSKULTUR**

Thomas F. Schneider
Osnabrück, Germany

Annotation. The article raises the problems associated with the concept of the First World War and its dynamics in the West European cultural space, often driven by political reasoning, but not by historical facts.

Key words: concept, German war literature, cultural space.

Научное издание

**ЯЗЫК
КУЛЬТУРА
ПЕРЕВОД**

Сборник материалов

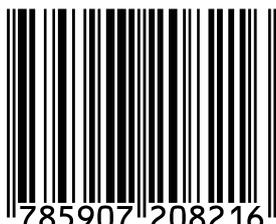
IV Международной научной конференции

г. Магадан, 30 сентября 2019 г.

*к 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора
Романа Романовича Чайковского*

Статьи публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-907208-21-6

9 785907 208216

Подписано в печать 16.12.2019.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 27,7.

Бумага типографская. Заказ №1612ЯКП.

Тираж 500 экз.

По вопросам приобретения и издания литературы обращаться по адресу:

Издательство «Научно-инновационный центр»

ул. 9 Мая, 5/192, г. Красноярск, 660127 Россия

тел. +7 (923) 358-10-20

Электронная почта: monography@nkras.ru

Дополнительная информация на сайте: www.nkras.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

✓ FAVOURITE

✓ ATTRACTIVE

✓ CREATIVE

